КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ.

Годъ десятый. ТОМЪ XXXIV. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1891.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

ПОЛТАВЩИНА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Полтавскій полкъ,—одинъ изъ десяти, на которые была раздѣлена старая Малороссія,—занималъ междурѣчье Орели и Ворсклы, распространяясь частью и на правый берегъ послѣдней, т. е. занималъ нынѣшніе уѣзды: полтавскій, кобеляцкій и частью константиноградскій. Орелью, притокомъ Днѣпра, полкъ отдѣлялся отъ дикихъ степей, по которымъ свободно бродили только татары и запорожцы.—Сосѣдство съ татарами и вслѣдствіе того постоянная опасность отъ ихъ нападеній заставили народъ при заселеніи этой мѣстности кучиться въ многолюдныя поселенія—„городки". Городки эти, первоначально, размѣстились исключительно по берегамъ Ворсклы и Орели; на берегахъ первой возникли: Вел. Будища, Полтава, Ст. Санжары, Нов. Санжары, Бѣлики, Кобелякъ, Соколка и Кишенка, а на берегахъ Орели—Китай-городъ, Царычанка, Маячка и Нехвороща. Кромѣ этихъ двѣнадцати городковъ, были еще четыре: изъ нихъ три на Днѣпрѣ,—Орелъ (теперешній Ст. Орликъ), Переволочна и Келеберда,—а четвертый на Голтвѣ (притокъ Псла)—Решетиловка.

Поселенія эти возникли и устраивались впродолженіи всего XVII в., какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: турецкіе и крымскіе купцы, торгуя съ Москвой въ XVI в., ходили въ послѣднюю двумя путями; одинъ путь шелъ—съ Перекопа на Тавань и на замки—на Черкасы, на Каневъ и Кіевъ; а другой путь велъ, когда „опускали ту звычную дорогу, хотячи пройти полями, а не дорогою",—„съ Перекопа *чрезъ поля яловыя,* на

врочище Санъ-Чарово" [1]). Послѣднее урочище указываетъ, безъ сомнѣнія, на мѣстность Старыхъ Санжаровъ, гдѣ, слѣдовательно, поселенія въ XVI в. не существовало, какъ не существовало и другихъ поселеній на берегахъ Ворсклы и Орели, берега которыхъ и называются здѣсь *полями яловыми*, т. е. пустыми, незаселенными.—Въ томъ же XVI в., берега Ворсклы считались принадлежностью жителей праваго берега Днѣпра, составляя ихъ „уходы", т. е. мѣста, гдѣ они промышляли звѣря и заводили пасѣки [2]). Владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ и были, конечно, первыми колонизаторами мѣстности, впослѣдствіи составившей Полтавскій полкъ.

Сколько можно судить о характерѣ этой мѣстности по тѣмъ отрывочнымъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ юридическихъ актахъ второй половины XVII в., Орель и Ворскла въ XVI—XVII в., были достаточно многоводными рѣчками, берега которыхъ покрыты были густыми дубовыми, липовыми и осокорьими (осокорь=populus nigra) лѣсами; заднѣпряне прорубливали эти лѣса и среди лѣсовъ являлись—„сѣчи", а на этихъ сѣчахъ устраивались хутора, въ которыхъ селились пришельцы, чтобы промышлять пчеловодствомъ и отчасти—звѣремъ и рыбой. Хутора превращались въ слободы, когда заднѣпровскіе владѣльцы ворсклянскихъ уходовъ двинулись цѣлыми массами на лѣвый берегъ Днѣпра, спасаясь сначала отъ польскихъ насилій, а потомъ—отъ татарскихъ разореній. Въ исторіи заселенія Полтавщины видны три періода: 1, первая половина XVII в., когда заселились берега Ворсклы; 2, вторая половина XVII в.,—время заселенія береговъ Орели и 3, первая половина XVIII в., когда скученное населеніе городковъ и селъ XVII-го в. стало искать новыхъ болѣе привольныхъ угодій и заселило слободами оставившіяся еще незанятыми сѣчи по Ворсклѣ и Орели и пустые до того берега Коломака и Орчика.

Городки и села по Ворсклѣ селились въ первой половинѣ XVII-го в., какъ видно изъ отрывочныхъ свѣдѣній, встрѣчаемыхъ

---

[1]) Книга посольск. Метрики вел. кн. Литовск. I, 30.

[2]) Въ 1545 г. козаки кіевскіе, каневскіе и черкасскіе говорили: „были есьмо а входехъ нашихъ, т. е. на Хороле и на Ворскле". Тамъ же.

въ юридическихъ актахъ. Имѣется напр. достовѣрное указаніе о времени заселенія Полтавы; указаніе это находимъ въ слѣдующемъ свидѣтельскомъ на судѣ показаніи 1681 г.—„старинный и подейшлый барзо въ лѣтехъ Яценко Барчанинъ,—тенъ старушокъ подъ боязнью Божію повѣдѣвъ (повѣдалъ), якъ мя, панове, видите старого, еще *якъ Полтава засѣдала слободою*, на той (спорной) сѣножати косилемъ... [1])". Въ 1641 году Полтаву видимъ уже городомъ, принадлежавшимъ Александру Конецпольскому, который заселялъ полтавскія окрестности новыми слободами [2]). Въ это время и поселились, должно быть, села по той Ворсклѣ: Патлаевка, Семеновка, Петровка, Гавронцы, Стасовцы; вправо отъ Ворсклы—Диканька, Жуки, Тахтауловъ, Осмачки, Ивончинцы, Рыбцы, Гуджулы, Мартыновка, Шостаки, Супруновка, Пушкаровка, Горбаневка, Мильцы, Куклинцы, Мачохи, Росошинцы... Всѣ эти села, возникшія въ первой половинѣ XVII в., старались не отдаляться отъ Полтавы, въ которой только и можно было укрыться въ случаѣ татарскаго набѣга. Въ Полтавѣ въ это время сидѣлъ намѣстникъ Конецпольскаго, панъ Сокольскій, который защищалъ окрестное населеніе, прогоняя набѣгавшихъ татаръ [3]).—О времени основанія всѣхъ перечисленныхъ селъ, можно судить по разсказу о заселеніи одного изъ старыхъ селъ—Стасовцовъ; этотъ разсказъ заключается въ одномъ свидѣтельскомъ показаніи 1700 г.—„Семенъ и Григоръ Потапенки, рожоные братья, козаки и жители стасовскіе, въ лѣтахъ и въ сѣдинахъ волосовъ южъ дозрѣлые, люде учтивые и вѣры годные, сумненемъ (совѣстью) обовязани, повѣдѣли: еще подъ часъ Кумейщины (1637 г.), будучисмо лѣтъ недорослихъ, зъ отцемъ нашимъ зайшлисмо до села Стасовецъ и осѣли мешканемъ, где отъ пяти еще куренювъ (курень=жилье) большъ нѣкого не было; а одъ того вре-

[1]) Протоколы полтавск. полковаго суда XVII в. Рукоп. нашей б—ки.

[2]) Акты Ю. З. Р. III, 54.

[3]) Въ 1648 г. гадяцкій полковникъ Конецпольскаго писалъ бѣлгородскому воеводѣ Бутурлину „и тое твоей милости ознаймую, ижъ у пятницу прошлую панъ Сокольскій билъ татаровъ пять миль отъ Полтавы и зъ ласки Божіей погромилъ ихъ"... Акты Ю. З. Р. III, 115.

мени рокъ по року, стало людей прибувати; а на Ворсклѣ еще нѣ мосту, нѣ млиновъ не бувало. Подъ часъ тежъ берестецкого роздруху (1650 г.) въ первый разъ на рецѣ Ворсклѣ мостъ былъ построенъ, гдѣ теперь гребля найдуется... [1])".

Берега Орели заселились послѣ разоренія турками Умани въ 1673 г.—Величко, самъ полтавецъ, разсказываетъ, что послѣ разоренія правобережной Украины, „народъ многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и—на сюю Днѣпра сторону перебирался и гдѣ улюбя—для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣсца; и особливо въ полку полтавскомъ засѣлъ по рѣцѣ Орели новыми городами, то есть: Китай-городомъ Царычанкою, Маячкою, Нехворощею и Келебердою [2])".

Будучи удаленъ отъ центра тогдашней Малороссіи, полтавскій полкъ не привлекалъ высшей войсковой старшины своими маетностями, которыя чисто степнымъ своимъ характеромъ, не представляли, кромѣ того, особыхъ экономическихъ выгодъ; поэтому козачье сословіе здѣсь не было такъ порабощено, какъ въ остальныхъ, особенно сѣверныхъ, полкахъ и до настоящаго времени еще оставило поселенія, населенныя исключительно козачьимъ сословіемъ. Избавленные отъ старшинскаго гнета, полтавскіе козаки долѣе другихъ сохраняли стародавніе обычаи свои и „вольности", выражавшіеся преимущественно въ свободномъ выборѣ старшины. Въ этомъ отношеніи, полтавскій полкъ представляетъ собою исключеніе изъ остальной Малороссіи, гдѣ не только крестьяне, но и козаки съ конца XVII в. становятся почти въ полную зависимость отъ той старшины, которая, хотя и считалась выборною, но въ сущности представляла собою гетманскихъ чиновниковъ... Въ полтавскомъ полку гетманская власть не находила возможнымъ держаться тѣхъ порядковъ, какіе установились въ другихъ полкахъ, въ особенности остерегаясь сосѣдняго съ Полтавщиной Запорожья, которое, давши Хмельницкому первыя средства для возстанія противъ поляковъ, смотрѣло затѣмъ на гетманщину,

---

[1]) Протоколы полтавск. полков. суда. Рκп.

[2]) Лѣтоп. II, 356.

какъ на свое дѣтище и постоянно, до конца XVII в., стремилось къ подчиненію гетманской власти своему вліянію; съ этой цѣлью Запорожье очень нерѣдко высылало въ Малороссію своихъ агентовъ, въ родѣ Петрика, для возбужденія народа противъ гетмановъ, и послѣдніе не безъ основанія старались, по возможности, не давать Запорожью поводовъ къ протестамъ противъ тѣхъ или другихъ своихъ дѣйствій [1]). *А запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой*", говорилъ въ 1661 г. одинъ наблюдательный современникъ [2]).

Во всей Малороссіи полчане и въ XVII в. (не говоря уже о послѣдующемъ времени) находились въ совершенной зависимости отъ своихъ полковниковъ, на выборъ которыхъ они не имѣли почти никакого вліянія; въ Полтавщинѣ же выборъ полковниковъ почти до конца XVII в. дѣйствительно зависѣлъ отъ воли „товариства", козаковъ, хотя послѣдними въ такихъ случаяхъ всегда руководилъ небольшой кружокъ богачей, умѣвшихъ подчинить своему вліянію остальныхъ полчанъ. Кружокъ этотъ составляли слѣдующія лица: Мартынъ Пушкарь съ сыновьями, Искра, Ѳедоръ Жученко, Демьянъ Гуджолъ, Прокопъ Левенецъ, Демьянъ Яковенко и Леонтій Чернякъ; впослѣдствіи въ этотъ кружокъ втерся, по свойству съ генеральнымъ обозным Забѣлою, и сынъ выкрещеннаго еврея—Павелъ Герцикъ. Все это, кромѣ послѣдняго, были старинные и богатые козаки Полтавщины. Изъ нихъ Пушкарь, Искра, Жученко и Гуджолъ были записаны уже въ старѣйшемъ козачьемъ реестрѣ 1649 г. [3]). Встрѣчая около Полтавы села, названія которыхъ тожественны съ прозваніями нѣкоторыхъ изъ нихъ (Жуки, Гуджулы, Пушкаровка), можно предположить, что названныя лица были первымъ поколѣніемъ основателей этихъ селъ; такимъ образомъ вліяніе и значеніе этого кружка основывалось на старинной

---

[1]) Самъ Мазепа побаивался Запорожья; такъ, въ 1692 г. онъ писалъ въ Москву, что „о маетностяхъ, разнымъ особамъ данныхъ, происходятъ межъ посполитымъ вопль и пререканія, *а особо отъ запорожцовъ произносятся голосы, къ шатости склонные*... Чт. въ Моск. Общ. Ист. 1859 г., I, 5.

[2]) Акты Ю. З Р. VI, 99.

[3]) Реестра Войска Запорожск. 1649 г. Изд. Бодянскаго, стр. 279—283.

извѣстности тѣхъ козачьихъ родовъ, къ которымъ принадлежали члены его. Въ продолженіе всей второй половины XVII в. названные коноводы интриговали другъ противъ друга, стараясь захватить полковничій урядъ въ свои руки; но когда одному изъ нихъ это удавалось, тогда остальные соединялись вмѣстѣ и начинали интриговать противъ своего же избранника, пока не успѣвали въ чемъ нибудь обвинить его передъ „товариствомъ". Тогда урядъ доставался другому и такъ далѣе почти до конца XVII в.

Ближайшее ознакомленіе съ подробностями частой смѣны полтавскихъ полковниковъ можетъ представить интересныя данныя для изученія народной жизни въ южной части старой Малороссіи.

Полковничье властительство въ Полтавщинѣ открывается извѣстною личностью Мартына Пушкаря, одного изъ видныхъ сподвижниковъ Хмельницкаго. Пушкарь былъ ревностнымъ сторонникомъ Переяславскаго договора 1654 г. и по смерти Хмельницкаго цѣлый годъ боролся съ Выговскимъ, защищалъ единеніе съ Москвою, и не будучи поддержанъ московскимъ правительствомъ, погибъ въ 1658 г. Пушкарь правилъ полтавскимъ полкомъ около девяти лѣтъ (1649—58). На мѣсто его выбранъ былъ старшій его сынъ Кирикъ Пушкарь, который продолжалъ противиться планамъ Выговскаго, для чего получилъ и помощь изъ Москвы, но разореніе Полтавы Выговскимъ совсѣмъ измѣнило настроеніе полтавцевъ [1]). Въ ноябрѣ 1658 г. Кирикъ Пушкарь былъ „скинутъ", а на мѣсто его выбранъ старый козакъ полтавскій Филонъ Горкуша, который, какъ кажется, былъ нѣкоторое время полковникомъ и при Хмельницкомъ [2]). Горкуша, будучи сторонникомъ Выговскаго, скоро былъ скинутъ и замѣненъ младшимъ братомъ Кирика Пушкаря, Маркомъ. Послѣдній поѣхалъ было въ Москву хлопотать о поддержкѣ противъ Выговскаго [3]), но въ отсутствіе

---

[1]) Акты Ю. З. Р., IV, 196. Величко, I, 333.

[2]) Акты Ю. З. Р., IV, 202. Величко, I, 300.

[3]) Акты Ю. З. Р., IV, 206.

его (лѣтомъ 1659 г.), полковникомъ былъ выбранъ снова Кирикъ Пушкарь, который, увидѣвъ усиленіе Выговскаго послѣ сраженія подъ Конотопомъ, думалъ уже было смириться и началъ переговоры о томъ съ однимъ изъ старшинъ Выговскаго—Каплонскимъ. Объ этихъ переговорахъ узналъ полтавскій воевода Зиновьевъ и Кирикъ былъ арестованъ, а полковникомъ полтавцы выбрали Ѳедора Жученка [1]) (въ іюлѣ 1659 г.). Ѳедоръ Жученко держался Юрія Хмельницкаго, и когда послѣдній передался на сторону поляковъ, не отставалъ отъ него и пошелъ съ нимъ за Днѣпръ. Въ маѣ 1661 г. полтавцы выбрали полковникомъ Демьяна Гуджола, и Жученко „сталъ вины свои добивать [2])"...

Послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго, искателями булавы явились два сподвижника стараго Хмельницкаго—Самко и Золотаренко. У обоихъ права были одинаковыя, оба пользовались равною извѣстностью въ „Войскѣ" и потому выборъ межъ ними былъ труденъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ не хотѣлъ уступить другому. Такимъ положеніемъ дѣла въ Малороссіи воспользовалось Запорожье и выставило своего кандидата—въ лицѣ Брюховецкаго. Послѣдній былъ поддержанъ южными полками—лубенскимъ, миргородскимъ и полтавскимъ, населеніемъ которыхъ Сѣчь преимущественно и пополнялась. Гуджолъ тоже ревностно поддерживалъ Брюховецкаго, сначала не поѣхавъ на раду козелецкую, гдѣ выбранъ былъ Самко, а потомъ громко заявляя, что одна надежда на такого гетмана, который выбранъ будетъ полною, *чорною* радою, т. е. такою радою, которою будетъ заправлять чернь, причемъ послѣднюю должны были составить приведенные Брюховецкимъ запорожцы. Брюховецкаго выбрали, но плохо пришлось отъ этого выбора не только его противникамъ, но и тѣмъ сторонникамъ, которые не принадлежали къ Запорожью [3]). Добившись булавы интригами, Брюховецкій понималъ непрочность своего положенія и рѣшилъ держаться, опираясь ис-

[1]) Т. ж., 241.
[2]) Т. ж., V. 65.
[3]) Акты Ю. З. Р. VII, 345—347.

ключительно на Запорожье. Получивъ изъ рукъ Великогагина булаву 19 іюня 1663 г., Брюховецкій въ тотъ же день „во всѣхъ городахъ своихъ полковниковъ поставилъ изъ тѣхъ людей, которые съ нимъ вышли изъ Запорожья“ (Самовид., 41). Смѣненъ при этомъ былъ и Гуджолъ, а на мѣстѣ его явился Савва Ѳедоровичъ Омельницкій, конечно запорожецъ. О поставленныхъ Брюховецкимъ полковникахъ лѣтопись „о презрѣльной брани“ говоритъ, что всѣ они были „зъ гултяйства запорожского наставленіе, которіе зъ голоты (изъ бѣдняковъ) ставши на началахъ и у крамарей (мелкихъ торговцовъ) себѣ дщери ихъ побравши, до оныхъ и сами присташа и хитро яко самоволци, имѣяху всегда на мысли разграбленіе [1])“...

Изъ числа такихъ полковниковъ, вѣроятно, былъ и Омельницкій, котораго мы встрѣчаемъ всего разъ [2]). Черезъ два года онъ почему то былъ замѣненъ другимъ запорожцемъ—Витязенкомъ, передъ тѣмъ занимавшимъ урядъ генер. бунчучнаго (А. Ю. З. Р. V, 234 и VI, 15,53). Отъ этого Витязенка и даже отъ жены его натерпѣлись полтавцы не мало бѣдъ.

Вообще время Брюховецкаго для Полтавщины было горше Выговщины. Кромѣ полковниковъ „изъ гультяйства запорожского“, Брюховецкій привелъ съ собою еще и воеводъ, которые должны были переписать все населеніе Малороссіи и затѣмъ собирать съ него подати. Такихъ воеводъ Малороссія передъ тѣмъ не видѣла и никакъ не могла съ ними помириться, тѣмъ болѣе, что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо должно было возбуждать народъ... Воеводою въ Полтаву былъ присланъ Хитрово, который, кромѣ того, что слишкомъ круто началъ установлять новые порядки, велъ себя въ отношеніяхъ съ народомъ грубо, не отличая никакимъ вниманіемъ и заслуженную старшину. Послѣдняя писала Брюховецкому въ 1661 г. слѣдующее: „неизносныя неправды и утѣсненія воевода чинитъ,—коней осталыхъ въ домѣхъ въ подводы велитъ имати москалямъ... не осматриваясь,—

---

[1]) Лѣтоп. Грабянки, изъ непропущеннаго цензурою мѣста, слѣдующаго въ изд. 1854 г., за стр. 194.

[2]) Протоя. полтавск. полк. суда.

въ домахъ не только меншихъ товаришовъ, но и здавна заслуженныхъ бывшихъ полковниками, яко-то Ф. Жученка, Д. Гуджала, К. Пушкаренка, К. Кублицкаго и иныхъ... Занимаетъ наши дома подъ постой, ругая и полковника нашего,— *съ ласки и милости вашей намъ данного, которого какъ отца почитаемъ*... И который товарищъ прійдетъ къ нему, то очи тростью выбиваетъ и плюетъ... И безчестье такое терпимъ отъ него и всѣхъ начальныхъ, что если его, воеводу, перемѣнить не изволишь, то мы, забравъ женъ и дѣтей, по нуждѣ пойдемъ куда очи"[1]). Эту жалобу полтавцы писали едва ли не по наущенію Витязенка (самому ему неловко было говорить противъ воеводы), потому что въ ней нѣтъ упоминанія о насиліяхъ полковника, который не только не былъ „отцомъ" для своихъ полчанъ, но утѣснялъ послѣднихъ не меньше воеводы. Полковой судья Климъ Чернушенко разсказывалъ въ 1667 г. стольнику Кикину, что Витязенко „козаковъ многихъ напрасно зневажаетъ, а иныхъ и бьетъ напрасно; а жена де его полковникова жонъ козацкихъ напрасно жъ бьетъ и безчеститъ. А кто-де, козакъ или мужикъ, упадетъ хотя въ малую вину и онъ-де полковникъ того человѣка животы всѣ, и лошади и животину, емлетъ на себя. Да онъ же со всего полку согналъ мельниковъ и заставилъ на себя роботать, а мужики-де изъ селъ возили ему, полковнику, на дворовое строеніе лѣсъ и устроилъ де онъ себѣ домъ такой, что де у самого гетмана такого дому и строенія нѣтъ... А приводитъ де его, полковника, на всякое злое дѣло, и на корысть, и на грабленіе, жена его полковникова да писарь его полковый Ильяшъ Туранскій; а онъ-де, писарь, и пуще полковника корыстуется и людей невинно грабитъ безъ остатку, а мы-де ему, писарю, и не вѣримъ что-де онъ съ того боку Днѣпра"[2]).

Положеніе дѣлъ въ Полтавѣ было тяжелое: съ одной стороны воевода тѣснилъ, а съ другой—полковникъ грабилъ; на гетмана надѣяться было нечего, потому что онъ же выпросилъ

[1]) Акты Ю. З. Р., VI, 132.
[2]) Т. ж., VI, 195.

воеводъ, да и полковника поставилъ по своему выбору. Полтавцы хотя и терпѣли, но втихомолку раздумывали—какъ избавиться отъ чужепришельцевъ, присланныхъ имъ въ начало. Уже въ 1666 г. Меѳодій, епископъ мстиславскій, говорилъ Шереметеву, что „въ Запорогахъ и въ Полтавѣ учала быть шатость великая; что въ Полтавѣ люди пуще всѣхъ шатки и къ Запорогамъ близки и съ запорожцы въ мыслехъ бываютъ согласны“ [1]). Но прежде чѣмъ полтавцы до чего нибудь додумались, самъ Брюховецкій началъ то, о чемъ думали полтавцы. Слыша общій ропотъ народа, Брюховецкій рѣшилъ, что только одинъ выходъ для него возможенъ: изгнать воеводъ и тѣмъ снова привлечь къ себѣ народъ. На крещенскомъ съѣздѣ 1669 г. старшины въ Гадячѣ, Брюховецкій сообщилъ свой замыселъ полковникамъ, а на первой недѣлѣ поста первый воевода былъ изгнанъ изъ Гадяча самымъ гетманомъ. Вѣсть объ этомъ быстро пронеслась по всей Малороссіи: повсюду воеводъ стали изгонять и бить, гдѣ они сопротивлялись. Но изъ Полтавы воевода былъ выпровоженъ „за порадою и совѣтомъ людей умныхъ, въ цѣлости и безъ кровопролитія [2]).“ Во главѣ полтавскихъ мудрецовъ стояли, конечно, Жученко и Гуджолъ,—сторонники единенія съ Москвою.—Вслѣдъ за изгнаніемъ воеводъ народъ возсталъ и противъ Брюховецкаго и 7 іюня онъ былъ убитъ близъ Диканьки, почти тамъ же, гдѣ убитъ былъ и Пушкарь. Какъ только пришла въ Полтаву вѣсть о смерти гетмана, полтавцы рѣшили положить конецъ и его ставленнику—Витязенку. Полковой судья Чернушенко, особенно злобившійся на своего полковника, поднялъ бунтъ: взяли Витязенка и есаула его Обѣденка, „до арматъ поковали и вскорѣ тиранско въ смерть позабивали, а домы ихъ розграбовали. А по кончинѣ Витязенковой, они-жъ полтавцы избрали и постановили себѣ полковникомъ добраго, смиреннаго, побожнаго и простодушнаго человѣка, Демьяна Гуджола“. Такъ записалъ въ своей хроникѣ Величко, самъ полтавецъ и потому, вѣроятно, хорошо знав-

[1]) Т. ж., VI, 98 и 104.
[2]) Велич. II, 161.

шій и Витязенка, и Гуджола. Но ни смерть Брюховецкаго, ни убійство Витязенка не успокоили полтавцевъ. Они желали видѣть преемникомъ Брюховецкаго Дорошенка, самого популярнаго претендента на булаву, за котораго тянуло руку и Запорожье. Между тѣмъ русское правительство выставляло кандидатомъ въ гетманы—черниговскаго полковника Многогрѣшнаго, который ни службою, ни способностями не выдѣлялся изъ рядовъ войсковой старшины. Въ февралѣ 1669 г. пришла въ Полтаву царская грамота, которая звала полтавскую старшину въ Глуховъ, на раду. Полтавцы рѣшили не ѣхать на раду, на которой уже предрѣшено было избраніе „Многогрѣшнаго“ [1]). Но Гуджолъ и по своему добродушію, и по опытности, повидимому, не раздѣлялъ настроенія своихъ полчанъ, потому что его въ это время съ полковничества скинули; вмѣсто него выбрали—Костю Кублицкаго, вѣроятно, какъ сторонника Дорошенка. Руку послѣдняго въ это время держали и сосѣдніе съ полтавскимъ полки—миргородскій и лубенскій. Кублицкій поспѣшилъ съ своими сотниками въ Чигиринъ, къ Дорошенку, куда звалъ послѣдній полтавцевъ, вмѣстѣ съ миргородцами и лубенцами, на совѣтъ—какъ избавиться отъ Многогрѣшнаго. Въ Чигиринѣ было рѣшено, что выбранному въ Глуховѣ гетману покоряться не слѣдуетъ, потому что „по милости царской“ Дорошенко успѣетъ отнять у него булаву, принадлежащую ему по всѣмъ правамъ.

Многогрѣшный и самъ чувствовалъ, что булава ему досталась только вслѣдствіе удачно сложившихся для него обстоятельствъ; поэтому онъ и не думалъ смирять упорства полтавцевъ. Онъ только жаловался царю, что его не хотятъ признавать гетманомъ три южные полка. Изъ Москвы, въ апрѣлѣ, снова попробовали уговаривать полтавцевъ „вины свои принести, присягу учинить и быть у Многогрѣшнаго въ послушаніи и въ совѣтѣ“ [2]). А вслѣдъ за царскою грамотою и Многогрѣшный послалъ свой „листъ“ въ Полтаву, совѣтуя Кублицкому отстать отъ Дорошенка; но полтавцы—и „отвѣта никакого не

[1]) Акты Ю. З. Р., VIII, 154, 95.

[2]) Т. ж., 155.

дали", доносилъ гетманъ въ Москву, добавляя, что „хотя они повинуются нынѣ Дорошенку, только больше поглядають на Суховѣеву руку и едва посланцовъ своихъ въ Запороги не посылали" [1]). Суховѣя въ это время выставило Запорожье своимъ кандидатомъ на булаву, вѣроятно разсчитывая, что Дорошенко слишкомъ популяренъ, чтобы при немъ Запорожье могло сохранить то значеніе и вліяніе, которыми оно пользовалось при Брюховецкомъ. Но полтавцы неотступно держались Дорошенка и въ іюнѣ послали помощь его отряду, высланному къ Ромну противъ сторонниковъ Многогрѣшнаго [2]). А между тѣмъ изъ Москвы пришла къ Кублицкому третья грамота, угрожавшая присылкою на Полтаву кромѣ ратныхъ людей, еще и „калмыцкихъ тайшей со всѣми ихъ улусными людьми", если только полтавцы будутъ продолжать свое упорство и не явятся къ Многогрѣшному съ повинною [3]). Послѣдняя грамота произвела нѣкоторое дѣйствіе, по крайней мѣрѣ на Кублицкаго: можно догаться, что послѣдній, видя, что Дорошенко никакихъ рѣшительно мѣръ къ искорененію Многогрѣшнаго не принимаетъ, а притомъ и Запорожье уже отстало отъ него, совѣтовалъ своимъ полчанамъ смиряться.—Но тутъ возстали старые вожаки, напомнили, что и Многогрѣшный согласился принять въ нѣкоторые города воеводъ и Кублицкій былъ съ полковничества скинутъ и замѣненъ уже извѣстнымъ намъ Горкушею. Полтавцы надѣялись, что Горкуша, какъ старый товарищъ Дорошенка, не покорится случайному гетману. Сохранилось замѣчательное письмо Горкуши, которое онъ написалъ Многогрѣшному вслѣдъ за выборомъ своимъ въ полковники.—„Изъ царской грамоты уразумѣли мы, что не желаетъ и не позволяетъ царское пресвѣтлое величество никакому православному народу чинить непокой и кровопролитіе; а ты невѣдомо отъ кого,—отъ царя ли православнаго или отъ врага душевнаго, принялъ на себя высокій урядъ гетманства запорожскаго вмѣсто даннаго тебѣ п.

[1]) Т. ж., 161.
[2]) Т. ж., 238.
[3]) Т. ж., 247.

гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ сѣверскаго гетманства[1]) и уподобился сатанѣ, потому что тотъ урядъ гетманства запорожскаго взятъ тобою помимо воли и войска и ясневельможнаго п. гетмана нашего; а заслуги твои войску запорожскому, какъ намъ извѣстно, мало знатны. При этомъ ты еще и страшилъ насъ всякими силами войскъ царскихъ; но мы, имѣя защиту Божью и охрану нашего п. гетмана съ его сильными полками, запорожскими, крымскими, бѣлогородскими и турскими, нимало твоихъ угрозъ не боимся и, какъ на врага, изготовили на тебя въ Полтавѣ десять тысячь сабель! Не ждемъ отъ тебя правды и ты не надѣйся, чтобъ мы тебѣ поклонились. А если хочешь,—ищи себѣ милости у п. гетмана Петра Дорошенка; а къ намъ и не пиши, и не шли никакихъ своихъ угрозъ, потому что Богъ намъ помощникъ и—не убоимся! Сего ради изволь писать къ п. гетману нашему, а къ намъ—вотще труждаешься: никогда того не будетъ, чтобъ ты былъ гетманомъ запорожскимъ и нашимъ! Сей нашъ отвѣтъ отъ всего поспольства, товариства и мѣщанъ пославъ, добраго отъ Господа Бога здоровья, мирнаго покоя и милосердія Божія, яко сами себѣ, мирно желаемъ“[2]).

Такой открытый протестъ полковника противъ гетмана, утвержденнаго уже царемъ, во всякомъ случаѣ очень замѣчателенъ для характеристики Полтавщины; видно, что послѣдняя, не боясь, выставляла свою оппозицію, конечно, разсчитывая на поддержку Запорожья.... Однакожъ, видя, что Дорошенко продолжаетъ сидѣть за Днѣпромъ и только одними универсалами грозитъ Многогрѣшному, смирились и полтавцы.... Горкуша, какъ сторонникъ Дорошенка, былъ скинутъ и замѣненъ снова старымъ вождемъ—Жученкомъ, который, благодаря житейской своей опытности, наконецъ покорилъ Полтавщину Многогрѣшному. Но когда послѣдній былъ низложенъ въ 1672 г., то тогда

---

[1]) Убивъ Брюховецкаго, Дорошенко мечталъ немедленно замѣнить его и пошелъ къ Путивлю на соединеніе съ русскими войсками; но на дорогѣ получилъ извѣстіе о невѣрности своей жены и поспѣшилъ домой, за Днѣпръ; на время своего отсутствія, онъ оставилъ наказнымъ гетманомъ Многогрѣшнаго, который воспользовался этимъ случаемъ и добылъ себѣ полное гетманство....

[2]) Т. ж. 259.

же низложенъ былъ и Жученко.... Вмѣсто Жученка былъ поставленъ опять Гуджолъ, который присутствовалъ уже и на радѣ, выбравшей Самойловича [1]). Но старые полковники уже не удовлетворяли полтавцевъ, потому что противъ Гуджола скоро поведена была интрига уже новымъ лицемъ. Интригу противъ Гуджола повелъ новый претендентъ на полковничій урядъ—Прокопъ Левенецъ, который и добился того, что въ 1674 г. его выбрали полковникомъ. Интересно, что послѣ этого Гуджолъ года три (1685—77 г.г.) занималъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ урядовъ, именно—полтавскаго городоваго атамана, который подчиненъ былъ непосредственно сотнику; затѣмъ въ 1678 г. видимъ Гуджола полковымъ судьею, а потомъ встрѣчаемъ его уже безъ всякаго уряда, рядовымъ козакомъ; такъ въ актѣ 1680 г. онъ пишется—„славетный панъ Демьянъ Гуджолъ, козакъ полтавскій". Видно, что демократическій строй козачества въ Полтавщинѣ сохранялся гораздо дольше, чѣмъ въ полкахъ сѣверныхъ, гдѣ въ это время уже невозможенъ былъ фактъ, чтобы бывшій полковникъ ставился на низшій, судейскій урядъ, не говоря уже объ атаманствѣ. Добившись пернача, Левенецъ однакожъ не съумѣлъ его удержать, встрѣтивъ ловкую интригу Герцика, давно уже мечтавшаго о полтавскомъ полковничествѣ. Сынъ выкрещеннаго еврея, Герцикъ выдвинулся изъ темной массы послѣ того, когда въ 1667 г. генеральный судья Петръ Забѣла случайно женился на вдовѣ—матери Герцика. Въ это время, по разсказу Кочубея, Павелъ Герцикъ торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [2])... А черезъ восемь лѣтъ онъ уже явился соперникомъ Левенца и былъ выбранъ вмѣсто послѣдняго—полковникомъ. Кочубей разсказываетъ, что Герцикъ „подольстившися и подмогоричившися козакамъ полтавскимъ, не съ заслуги какой военной, но по лукавому обману, выбранъ полковникомъ; и побувши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ" [3]). А подоль-

[1]) Величко, II, 311.

[2]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 145.

[3]) Т. ж., 147.

стился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ, купивъ у одного козака хуторъ у Чорнаго озера, насыпалъ тамъ греблю, чтобы строить тутъ же водяную мельницу; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на полковника гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде „скинуть" Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: „абы больше не важился Прокопъ Левенецъ, бывшій полковникъ, перешкоды строити (причинять убытки) товариству и мѣщанамъ Полтавскимъ новозанятою греблею его на Чорномъ озерѣ" и гребля его полчанами была уничтожена [1]). Но Герцикъ все таки долго не могъ продержаться на полковничествѣ: старые вожаки Полтавщины не могли спокойно видѣть своимъ полковникомъ человѣка, который самъ стыдился своего еврейскаго прозвища [2]). Осенью 1676 г. Жученко и успѣлъ было замѣнить Герцика, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдній снова захватилъ Полковничій пернačъ. Но этотъ разъ Герцикъ продержался впрочемъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ и въ февралѣ 1677 г. на полтавскомъ полковничествѣ является Демко Яковенко, личность совершенно новая, на которой полтавцы, можетъ быть, хотѣли помирить свои страсти; но и Яковенко продержался всего мѣсяцъ: выбранный въ февралѣ, онъ въ мартѣ долженъ былъ уступить мѣсто опять Левенцу, который въ это время понадобился, какъ искусный военачальникъ, для чигиринскаго похода. Левенецъ дѣйствительно отличился въ этихъ походахъ, особенно во второмъ. Величко записалъ въ своей лѣтописи интересный эпизодъ изъ чигиринской войны—какъ козаки „сами, безъ воли гетманской, внезапно и мужественно бросились на турецкіе обозы и, знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, счастливо вернулись къ своему обозу", причемъ „добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Өедоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный вы-

[1]) Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись.

[2]) Герцикъ нигдѣ въ актахъ не писался своимъ отцовскимъ прозвищемъ, всегда только—„Павломъ Семеновичемъ".

стрѣломъ изъ янычарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ панцыремъ"[1]). За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ отъ царя двѣ похвальныя грамоты, одну въ декабрѣ 1677 г., а другую—въ ноябрѣ слѣдующаго.

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣмъ же Герцикомъ, къ которому на этотъ разъ присталъ и Жученко, вѣроятно изъ зависти... На этотъ разъ впрочемъ полтавцы уже не рѣшились смѣнять полковника собственною властью, а пожаловались на Левенца гетману, что онъ „похвалки чинитъ на здоровье знатнѣйшихъ особъ и безчеститъ ихъ". Гетманъ попробовалъ было защитить храбраго полковника, напомнилъ полтавцамъ о его недавнихъ заслугахъ, которыя онъ показалъ „въ очахъ" гетманскихъ, но въ іюнѣ 1679 г. Левенецъ долженъ былъ уступить Жученку и на этотъ разъ уже навсегда; послѣ этого Левенецъ служилъ разъ, полковымъ обознымъ, во время коломацкаго похода, когда потребовалась, вѣроятно, опять его военная опытность, но полковничества уже не достигалъ. Пробывъ полковникомъ около года, Жученко встрѣтилъ новаго соперника въ лицѣ Черняка. Леонтій Чернякъ принадлежалъ также къ числу старинныхъ полтавскихъ козаковъ и съ 1673 г. занималъ урядъ генеральнаго есаульства; но этотъ урядъ былъ не важенъ, такъ какъ онъ не давалъ въ руки никакой самостоятельной власти; поэтому Чернякъ, на ряду съ Жученкомъ, Левенцомъ, Герцикомъ, былъ также постояннымъ претендентомъ на полтавское полковничество; но добился онъ его позднѣе другихъ: въ первый разъ Черняка выбрали лѣтомъ 1680 г. и онъ пробылъ полковникомъ около трехъ лѣтъ, пока снова былъ замѣненъ Герцикомъ, кажется, въ 1683 г. На этотъ разъ Герцикъ добился полковничества уже не интригою среди полчанъ, а подарками, поднесенными гетману и его сыновьямъ, при посредствѣ гадяцкаго полковника, Михайла Самойловича, гетманскаго племянника; такъ разсказываетъ Кочубей, добавляя, что Герцикъ, получивъ полковничій урядъ на этотъ разъ изъ рукъ гетмана, „всякими

[1]) Вел. II, 464.

обидами описывалъ" послѣднему и Жученка, и зятя его Искру, желая очернить ихъ въ Батуринѣ и тѣмъ преградить на будущее время доступъ къ полковничеству [1]). Однакожъ, когда Самойловичъ былъ отставленъ отъ гетманства, то преемникъ его, замѣняя на Коломакѣ тогдашнихъ полковниковъ новыми, вмѣсто Герцика поставилъ полковникомъ того же Жученка, который „съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ значныя оказывалъ праци", какъ говоритъ о немъ актъ 1682 г. На этотъ разъ Жученко оставался полковникомъ до 1691 г., съ небольшимъ перерывомъ, въ 1689 г. когда онъ былъ замѣненъ Чернякомъ, котораго поставили, вѣроятно, сами полтавцы, помимо гетмана... Но Чернякъ былъ удаленъ и перначъ снова возвращенъ Жученку, къ которому Мазепа не могъ не благоволить, какъ къ тестю тогдашняго своего генеральнаго писаря и близкаго человѣка—Кочубея. Жученко пересталъ быть полковникомъ, вѣроятно, вслѣдствіе старости; но жилъ онъ и послѣ отставки еще долго, переживъ обоихъ своихъ зятей, Кочубея и Искру [2])... Жученка замѣнилъ Герцикъ, который, по разсказу Кочубея, и теперь „прелестно зосталъ полковникомъ", т. е. едва ли не купилъ этотъ урядъ у Мазепы... На этотъ разъ Герцикъ пробылъ полковникомъ до 1695 или 96 г. и замѣненъ былъ свojакомъ Кочубея—Искрою. Оставлено было Герцикомъ полковничество, вѣроятно, по старости, такъ какъ трудно предположить, чтобы Мазепѣ простодушный Искра былъ желательнѣе „цѣкаваго" Герцика [3])...

---

[1]) Чтенія въ Моск. общ. ист., 1859 г., I, 148.

[2]) См. Русск. Арх. 1875 г., I, 409.

[3]) Оставивъ войсковую службу, Герцикъ сталъ замаливать грѣхи и въ 1700 г. построилъ въ кіевской лаврѣ, у входа въ ближнія пещеры, каменную церковь Воздвиженія Честн. Креста. Въ этой церкви онъ былъ и похороненъ, причемъ на стѣнѣ, около могилы, повѣшенъ былъ его портретъ. (Опис. к. лавры, митр. Евгенія, изд. 2-е, стр. 348). Затѣмъ портретъ этотъ былъ уничтоженъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ, какъ разсказывалъ намъ въ 1883 г. одинъ почтенный лаврскій инокъ: при устройствѣ въ Воздвиженской церкви могилы для умершаго въ 1857 г. митрополита Филарета (Амфитеатрова), открыта была случайно и могила Герцика; въ ней еще были замѣтны слѣды кедроваго гроба, а на остаткахъ скелета видны были черные усы... Тогда же, т. е. въ 1857 г., тутъ же около открытой могилы, еще висѣлъ и

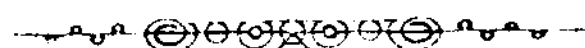
Искрою закончился рядъ полтавскихъ полковниковъ въ XVII в.

Изъ разсказаннаго мы видимъ, что полтавцы самостоятельно выбирали себѣ полковниковъ, пока Самойловичъ не забралъ раздачу важнѣйшихъ старшинскихъ урядовъ въ свои руки. При Мазепѣ свободный выборъ полковниковъ прекратился совсѣмъ, такъ какъ этотъ гетманъ умѣлъ стать самовластителемъ.

Какіе же результаты получались полтавцами при сохраненіи права свободнаго выбора себѣ полковниковъ почти до конца XVII в.? На этотъ вопросъ долженъ слѣдовать такой отвѣтъ: 1) при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего пятью-шестью лицами изъ мѣстныхъ богачей и 2) послѣдніе, интригуя изъ за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ—выборщиковъ въ послушное свое орудіе...

Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ Старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни", не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти уничтожиться...

Ал. Лазаревскій.



портретъ Герцика; но послѣ погребенія митрополита, какой то монахъ нашелъ неудобнымъ нахожденіе Герциковаго портрета около новой могилы и будто бы тогда же портретъ этотъ брошенъ въ печку... (Ср. Кіево-Печерская лавра въ ея прош. и наст. состоян., стр. 64).

ИЛЬЯ ѲЕДОРОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ,

ПЕДАГОГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ.[1)]

В. Н. Каразинъ не дождался въ Харьковѣ пріѣзда Тимковскаго, котораго задерживали въ Петербургѣ разныя обстоятельства, и между прочимъ исполненіе нѣкоторыхъ порученій Потоцкаго. Возвращаясь въ Петербургъ, Каразинъ, въ виду возможности разминуться съ Тимковскимъ въ дорогѣ, оставилъ ему въ Харьковѣ оффиціальное письмо отъ 24 мая, въ которомъ, передавая дальнѣйшее завѣдываніе ввѣренной ему частью, просилъ Тимковскаго вступить во всѣ тѣ отношенія, въ которыхъ онъ былъ, и продолжать начатыя имъ распоряженія. Какъ видно изъ письма Тимковскаго къ Н. Н. Новосильцеву, онъ встрѣтился съ Каразинымъ въ Москвѣ, гдѣ, для переговоровъ съ нимъ, остановился на два дня. Затѣмъ 8 іюня 1803 г. Тимковскій, вмѣстѣ съ профессорами Осиповскимъ, Делавинемъ и Лангомъ, прибыли въ Харьковъ.

О томъ впечатлѣніи, которое произвелъ тогдашній Харьковъ на пріѣхавшихъ, можно судить по слѣдующимъ строкамъ письма Тимковскаго къ Новосильцеву: „Городъ стоитъ частію на горѣ, но большею частію на мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ. Онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотою, почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна про-

1) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 8.

исходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ, зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ оттого боялись строиться, что городъ часто обременяемъ былъ постоями, и если квартиры дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, единственно для себя; но теперь многіе изъ купечества дожидаются только, чтобъ началось строеніе университета, и подлѣ него воздвигнутся зданія порядочныя. И въ то же время, безъ сомнѣнія, больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды; здѣсь множество развалившихся и гніющихъ лачугъ остаются не снесены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ, плотины насыпали изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою и на рѣку. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода во всякое сырое время, а особливо осенью и весною. Но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ дѣятельности градской полиціи: по нѣкоторымъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ее здѣсь; естественное же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, яко бы нѣтъ возможности осушить и вымостить улицы—есть отговорка. Когда выстроятся просторные домы, когда улицы вымостятся лучше, когда въ городѣ не будетъ вовсе, или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ на 25 верстъ, когда станутъ издалека привозить всякіе припасы въ твердой надеждѣ на сбытъ ихъ,—тогда житье здѣсь будетъ вѣроятно сходнѣе."

Хотя вышеприведенными инструкціями Потоцкаго отъ 4 апрѣля 1803 г. Тимковскому было поручено „участвовать въ приготовительныхъ при заведеніи харьковскаго университета распорядкахъ, вмѣстѣ съ особами, которыхъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ тамошняя дворянская дума", однако еще раньше пріѣзда въ Харьковъ Тимковскаго, именно 21 апрѣля 1803 г., собраніе предводителей дворянства слободско-украинской губерніи, по поводу предложенія Потоцкаго, высказало въ своемъ опредѣленіи слѣдующее: „Что касается до распоряженія сею суммою (т. е. тою суммою, которая была пожертвована дворянствомъ на учрежденіе университета), то какъ въ силу 20 и 46

ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, оно ввѣряется начальству сей части правленія государственнаго, собраніе дворянства за излишнее почитаетъ избирать отъ себя особъ, которые бы въ таковомъ распоряженіи участвовали, ограничивъ себя единожды навсегда взносомъ суммы, почему и благосклонное о семъ предложеніе достопочтеннаго попечителя округа его сіятельства графа С. О. Потоцкаго отклоняетъ отъ себя съ совершенною благодарностію за сей знакъ его благородному нашему корпусу уваженія."

Такимъ образомъ, за отказомъ дворянства отъ всякаго участія въ приготовительныхъ распоряженіяхъ по устройству харьковскаго университета, кромѣ доставленія денегъ, Тимковскій сдѣлался единственнымъ распорядителемъ по принятію всѣхъ мѣстныхъ мѣръ къ открытію университета [1]), при сотрудничествѣ по хозяйственной части колл. совѣтн. Ив. Мих. Шишкина, котораго пригласилъ еще Каразинъ и который, не нося какого либо названія, былъ чѣмъ-то въ родѣ эконома и казначея при приготовленіи помѣщенія для университета: онъ велъ денежные счеты, хранилъ и расходовалъ денежныя суммы и вообще исполнялъ разныя хозяйственныя дѣйствія по указаніямъ и подъ надзоромъ Тимковскаго, который, отлучаясь изъ Харькова, оставлялъ Шишкину письменныя инструкціи о томъ, что

---

[1]) Н. А. Лавровскій, въ статьѣ своей: „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета", говоритъ, что „съ начала 1803 г. до 11 апрѣля 1804 г. Каразинъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія университета, на первое время, всѣмъ необходимымъ" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г. № 1, стр. 77). Приведенныя нами документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что это сообщеніе г. Лавровскаго оказывается не вѣрнымъ: Каразинъ былъ такимъ распорядителемъ только на время отсутствія Тимковскаго изъ Харькова, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, именно съ конца февраля до 24 мая 1803 г., когда, согласно порученію Потоцкаго, онъ долженъ былъ передать Тимковскому завѣдываніе всѣми приготовительными распоряженіями по устройству университета и отбыть въ Петербургъ, къ отправленію своей должности правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ. Но, не будучи послѣ этого оффиціально уполномоченъ на какія либо распоряженія по устройству университета, Каразинъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже писемъ его къ Тимковскому, продолжалъ принимать участіе въ устройствѣ университетскихъ дѣлъ; напримѣръ, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ ассигнованіи суммъ университету, дѣлалъ для университета разныя покупки, нанималъ мастеровъ и проч.

именно надо сдѣлать въ его отсутствіе. Копіи нѣкоторыхъ изъ этихъ инструкцій сохранились въ бумагахъ Тимковскаго.

Положеніе Тимковскаго было тѣмъ труднѣе и отвѣтственнѣе, что попечитель учебнаго округа Потоцкій, какъ было упомянуто выше, возложивъ на Тимковскаго всѣ мѣры по устройству помѣщенія для университета, обозрѣнію всѣхъ училищъ харьковскаго учебнаго округа и приготовленію ихъ къ преобразованію на новыхъ началахъ, самъ предпочелъ въ это время проживать въ Западной Европѣ, а попечитель петербургскаго учебнаго округа, онъ-же президентъ академіи наукъ Н. Н. Новосильцевъ, на котораго, за отъѣздомъ Потоцкаго за границу, было возложено временное исправленіе его должности, былъ слишкомъ занятъ своими постоянными должностями въ Петербургѣ, чтобъ мочь хотя одинъ разъ пріѣхать въ Харьковъ, и управлялъ харьковскимъ учебнымъ округомъ черезъ Тимковскаго.

Первымъ дѣломъ для Тимковскаго, по прибытіи его въ Харьковъ, было озаботиться приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета. Когда состоялось повелѣніе объ учрежденіи харьковскаго университета, главное правленіе училищъ сообщило министру внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубею, что „располагая приступить къ построенію приличнаго университету дома, оно, дабы не медлить открытіемъ университета,“ проситъ „о назначеніи для университета на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія“. Кочубей снесся съ слободско-украинскимъ гражданскимъ губернаторомъ Артаковымъ, который увѣдомилъ, что онъ не находитъ удобнѣйшаго для университета дома, кромѣ бывшаго генералъ-губернаторскаго, и что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ опорожненіи этого дома. Согласно съ этимъ, по прибытіи въ Харьковъ Каразина, означенный домъ былъ переданъ въ его распоряженіе, а съ пріѣздомъ въ Харьковъ Тимковскаго поступилъ въ распоряженіе послѣдняго. Осмотрѣвъ домъ, Каразинъ нашелъ его недостаточнымъ для помѣщенія университета и призналъ нужнымъ къ этому дому прибавить другой, противолежащій по той же улицѣ домъ—вице-губернаторскій. То же самое нашелъ по пріѣздѣ въ Харьковъ и Тимковскій, о чемъ и представлялъ Новосильцеву 22 іюня и

31 августа 1803 г. Хотя противъ этого возражалъ вице-губернаторъ Наврозовъ, писавшій министру внутреннихъ дѣлъ, что кромѣ занимаемаго имъ дома „никакихъ казенныхъ ниже партикулярныхъ домовъ для помѣщенія его съ семействомъ даже и по найму въ Харьковѣ нѣтъ" и что кромѣ того въ означенный домъ онъ предполагалъ перевесть изъ обветшалаго корпуса казенную палату съ ея экспедиціями и кладовыми; однако Наврозовъ долженъ былъ уступить, но вмѣстѣ съ тѣмъ Новосильцевъ, въ качествѣ исправляющаго должность попечителя харьковскаго учебнаго округа, въ отношеніи своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 сентября 1803 г. за № 109, долженъ былъ выразить, что „харьковскій университетъ пріемлетъ на счетъ суммъ, для него назначенныхъ, наемъ приличныхъ помѣщеній, какъ для вице-губернатора, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, переведенныхъ изъ генералъ-губернаторскаго дома, до тѣхъ поръ, пока будутъ сооружены вновь предполагаемыя университетскія строенія."

Такимъ образомъ, въ распоряженіе Тимковскаго поступили оба дома: сначала генералъ-губернаторскій, а потомъ, гораздо позже—и вице-губернаторскій, въ которыхъ надлежало сдѣлать всѣ необходимыя для помѣщенія университета перестройки и приспособленія и изъ которыхъ на первомъ домѣ Тимковскій, какъ только пріѣхалъ въ Харьковъ, уже увидѣлъ нѣсколько преждевременно прикрѣпленную вывѣску: „государственный университетъ." Очевидно, этой надписью Каразинъ хотѣлъ доставить харьковцамъ удовольствіе сознанія, что университетъ у нихъ уже существуетъ.

Относительно постройки новаго зданія для университета, какъ помнятъ читатели, инструкціями Потоцкаго Тимковскому было предоставлено по своему усмотрѣнію выбрать мѣсто для будущаго университета и, если окажется возможнымъ, то и пріобрѣсть такое мѣсто (5-й пунктъ второй инструкціи). По этому вопросу Тимковскій писалъ Новосильцеву 22 іюня 1803 г.: „Остается рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобы оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были бы чистые,

здоровые и гдѣ бы можно было весело раскинуться ученому заведенію; чтобъ оно прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хоть часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторыя мѣста, но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и всѣ выгоды, избѣжать всѣхъ невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочитая одно другому, то не позволите ли въ такомъ случаѣ обождать симъ выборомъ до пріѣзда сюда графа Северина Осиповича[1]) и до собственнаго его обозрѣнія: время потерпитъ, между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едвали будетъ".

Не желая такимъ образомъ взять на себя окончательное рѣшеніе вопроса о выборѣ мѣста для университета, Тимковскій по этому вопросу остался при томъ же мнѣніи, которое высказалъ въ приведенномъ письмѣ своемъ, послѣ чего университету удалось и пріобрѣсть безвозмездно именно такое мѣсто, которое Тимковскій находилъ удобнымъ для постройки университетскихъ зданій—на окраинѣ города, по сумской дорогѣ. 8 апрѣля 1804 г. общество войсковыхъ обывателей города Харькова составило приговоръ, которымъ, выражая желаніе подражать примѣру дворянъ и купечества, учинившихъ приношеніе на учрежденіе университета, постановило: отвесть для построенія университета, не требуя никакого удовлетворенія, изъ дачи, обмежеванной къ городу Харькову въ ихъ владѣніе и жалованной предкамъ ихъ слободскимъ козакамъ, часть земли: шириною—отъ дороги изъ слободы Лозовой въ Харьковъ до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Клочковскаго, и длиною—отъ оврага Глыбокаго до предѣловъ города. За пожертвованіе этого мѣста, въ которомъ по измѣреніи оказалось 125 десятинъ съ саженями, обществу харьковскихъ войсковыхъ обывателей была объявлена Высочайшая благодарность, выраженная въ рескриптѣ на имя

---

[1]) Потоцкаго.

слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Бахтина (преемника Артакова) отъ 28 мая 1804 г.

Конечно, еслибъ мысль Тимковскаго осуществилась, городъ Харьковъ имѣлъ бы нѣсколько иной видъ, чѣмъ тотъ, который онъ теперь имѣетъ, такъ какъ съ постройкою университета окружающая его мѣстность несомнѣнно сдѣлалось бы одною изъ лучшихъ частей города, подобно тому, какъ позже это случилось въ Кіевѣ, когда среди незаселеннаго пустыря было возведено зданіе университета св. Владиміра. Но, несмотря на отвѣчавшее предположеніямъ Тимковскаго безвозмездное пріобрѣтеніе вышеуказанной земли и несмотря на то, что для предполагавшейся постройки уже было начато заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, харьковскій университетъ, какъ всѣмъ извѣстно, не былъ устроенъ въ упомянутомъ мѣстѣ, а остался до сихъ поръ въ тѣхъ двухъ домахъ, въ которыхъ онъ помѣстился первоначально и которые впослѣдствіи были расширены пристройками. Почему именно это случилось—въ бумагахъ Тимковскаго мы не нашли объясненія; вопросъ этотъ разрѣшался уже въ бытность въ Харьковѣ Потоцкаго (который провелъ за границею около года), а бумаги Тимковскаго заключаютъ въ себѣ матеріалъ для исторіи харьковскаго университета преимущественно за то время, когда Тимковскій долженъ былъ письменно сноситься съ отсутствовавшимъ попечителемъ. Можетъ быть, Потоцкій нашелъ означенное мѣсто неудобнымъ для постройки на немъ зданія университета, а еще вѣроятнѣе, что послѣ тѣхъ затратъ, которыя были сдѣланы на приспособленіе генералъ-губернаторскаго и вице-губернаторскаго домовъ для временнаго помѣщенія университета, нашли болѣе выгоднымъ пріобрѣсть эти дома въ собственность университета и расширить ихъ, чѣмъ строить новыя зданія и переносить въ нихъ университетъ. Такимъ образомъ, неожиданнымъ послѣдствіемъ стремленія открыть университетъ какъ можно скорѣе и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ можетъ быть построено зданіе университета,—получилось то, что предполагавшееся къ постройкѣ зданіе вовсе не было построено и университетъ навсегда остался въ тѣхъ двухъ домахъ, которые были отведены для временнаго его помѣщенія,

въ видахъ предоставленія возможности скорѣе начать университетское преподаваніе.

Но пока мысль о постройкѣ новаго зданія университета еще не была оставлена, генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дома нужно было приспособить только для временнаго помѣщенія университета, для чего оказалось необходимымъ сдѣлать въ нихъ разныя перестройки и подѣлки. Работы эти замедлялись вслѣдствіе недостатка денегъ. Вопреки ожиданіямъ Каразина, которыя были высказаны въ вышеприведенномъ письмѣ его, пожертвованныя на университетъ суммы не собирались въ обѣщанные сроки, а въ ожиданіи, пока онѣ могли поступить, казна не распорядилась ассигновать денегъ на всѣ необходимыя приготовительныя работы. Въ письмѣ къ Каразину отъ 29 іюня 1803 г. Тимковскій жаловался, что за отсутствіемъ денегъ пропадаетъ даромъ лѣто и что это затянетъ работы на цѣлый годъ, такъ какъ кирпичныхъ и штукатурныхъ работъ нельзя производить осенью и зимою.

А между тѣмъ пріѣхавшіе въ Харьковъ профессора Делавинь и Лангъ требовали отъ Тимковскаго меблированныхъ квартиръ, обѣщанныхъ имъ въ Петербургѣ. Въ особенности требователенъ былъ Делавинь, заявлявшій, что ему необходима большая квартира, чтобъ размѣстить свой гербарій и разные фоліанты, и что такъ какъ казна обязалась дать ему квартиру, то конечно она же должна заботиться объ истребленіи крысъ, которыя по ночамъ не даютъ ему спать. Давъ Делавиню на первое время два кресла и два стула, Тимковскій въ письмѣ къ Каразину говорилъ, что не намѣренъ тѣшить капризы этихъ господъ, и прибавлялъ: „профессорскія квартиры въ этомъ домѣ—послѣднее дѣло: нужно прежде устроиться въ томъ, что составляетъ публичное заведеніе“. Въ то же время онъ писалъ Н. Н. Новосильцеву: „не изволите ли предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не обѣщалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ невоздержными и мелочными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ“.

Отвѣчая Тимковскому, Каразинъ въ своемъ письмѣ говоритъ о томъ же, на недостатокъ чего жаловался Тимковскій:

„Я ощутилъ очень ясно“, писалъ онъ 2 августа 1803 г., „что въ настоящемъ положеніи вещей, когда счастіе послало намъ людей способныхъ, дѣятельныхъ, благонамѣренныхъ, одно въ въ чемъ мы можемъ имѣть нужду—есть *деньги*; слѣдовательно, первое вниманіе должно быть на то обращено, чтобъ достать ихъ. Я приступилъ къ Николаю Николаевичу, убѣдилъ его наконецъ сдѣлать на счетъ пятисотъ тысячной суммы сильное представленіе, оно ограничилось однако сорока тысячью рублей [1]), изъ коихъ половина должна быть послана графу [2]). Мы по прошествіи трехъ недѣль (въ продолженіе которыхъ я умышленно не писалъ вамъ, собираясь послать не порожнее письмо) получили отвѣтъ столько запутанный, что онъ хуже былъ прямова отказа. Другое представленіе, въ которомъ еще убавили мы сумму до половины, послѣ двухнедѣльной проволочки и открытой ссоры съ министромъ, имѣло только то послѣдствіе, что онъ на предложенные предметы согласился отпустить *штатную* сумму, какъ будто бы ограниченная сумма сія, на поддержаніе только назначенная, могла быть достаточна на заведеніе; напримѣръ: великъ ли будетъ физическій кабинетъ изъ 500 рублей? и такъ далѣе. Мы рѣшились не требовать ни копѣйки, между тѣмъ испытать другія средства прекратить это гибельное коснѣніе. Я съ моей стороны заготовилъ Государю формальную жалобу, но Н. Н. [3]) и кн. А. А. [4]) удержали меня подать ее Богъ знаетъ почему. Чуть ли не болѣе бы мы выиграли [5]). Однако этотъ шагъ имѣлъ хотя то дѣйствіе, что они обѣщали возбудить отъ сна и департаментъ просвѣщенія,

---

[1]) Т. е. рѣчь шла объ ассигнованіи изъ казны 40,000 рублей въ счетъ имѣвшихъ поступить въ казну отъ дворянства и купечества пожертвованныхъ ими 500,000 рублей.

[2]) С. О. Потоцкому.

[3]) Ник. Ник. Новосильцевъ.

[4]) Ад. Ад. Чарторижскій.

[5]) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ были писаны эти строки, именно 16 августа 1803 г., Каразинъ, вопреки совѣтамъ Новосильцева и Чарторижскаго, все таки отправилъ Александру I письмо, въ которомъ рѣзко осуждалъ министра П. В. Завадовскаго, какъ за невыдачу денегъ на расходы по устройству харьковскаго университета, такъ и за многія другія дѣйствія его. Письмо это напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., № 10, стр. 273—278.

и его министра. Скоро представился къ сему самый удобный случай: именно, попечитель московскаго округа, изъ уваженія къ министру, отступилъ отъ принятыхъ формъ совершенно, испрашивая у него позволенія на выписку профессоровъ. Н. Н. вступилъ съ представленіемъ, написаннымъ славно; въ немъ испрашиваетъ онъ у членовъ своихъ разрѣшенія, должно ли и всѣмъ попечителямъ сообразоваться московскому въ подобныхъ случаяхъ, или есть обстоятельства, гдѣ имъ самимъ дѣйствовать позволено; другими словами, то же что требовать опредѣленія границъ власти министерской. При представленіи семъ я искусно приплелъ вопросъ о пятисотъ-тысячной суммѣ. Казалось, что пошло бы дѣло на ладъ, но два засѣданія сряду мы занимаемся другими дѣлами, и именно по дерптскому университету, а г. министръ между тѣмъ разными образами отъигрывается; и между тѣмъ нѣтъ отпуска суммъ на бѣдный нашъ страдальческій университетъ. Однако нѣсколько дней предъ симъ уговорилъ я Н. Н. отпустить хотя изъ присланныхъ мною три тысячи, которыя и присланы будутъ съ первою почтою [1]).

Черезъ два мѣсяца, именно 1 октября 1803 г., Каразинъ писалъ Тимковскому уже въ болѣе радостномъ тонѣ: „Тридцать разъ бывши въ чаяніи пуститься въ путь и по сей причинѣ считавши безполезнымъ письменныя объясненія, наконецъ вижу, что я тщетно потерялъ много времени для нашей дружеской переписки. Спѣшу наградить сію потерю нарочною эстафетою. Но вмѣсто продолжительныхъ объясненій едва могу удержаться, чтобъ не кончить нѣсколько строкъ сихъ однимъ словомъ: *радуйтесь!* Послѣ скуки и непріятностей всякаго рода чуть ли не приходимъ къ самой пріятной развязкѣ. Изустно

[1]) Изъ напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (1875 г. № 10, стр. 271—273) письма Потоцкаго къ Каразину извѣстно, что въ виду того же недостатка денегъ, на который жаловались въ своихъ письмахъ Тимковскій и Каразинъ, Потоцкій считалъ лишнимъ торопиться возвращеніемъ въ Россію, находя, что ему нечего было бы дѣлать въ Харьковѣ съ четырьмя только профессорами. Очевидно, ему не приходила въ голову мысль о томъ, что именно онъ могъ бы и долженъ бы былъ постараться, чтобъ скорѣе были отпущены суммы, необходимыя для устройства университета, попечителемъ котораго онъ состоитъ, и что хотя бы ради этого ему нужно было возвратиться въ Россію.

(кажется, навѣрное въ концѣ сего мѣсяца) узнаете вы многое. Теперь донесу вамъ только текстомъ священнаго писанія: не уповайте на князи, въ нихъ же нѣсть спасенія! и я узналъ это самымъ жестокимъ опытомъ, и сей опытъ, опредѣлившій навсегда систему моей жизни, причиною, между прочими своими слѣдствіями, и въ томъ, что донынѣ бѣдный университетъ нашъ оставался въ *забвеніи*: скажемъ просто справедливое сіе слово для выраженія понятія, но еще крайне слабое для чувствъ сердца моего.

„Успокойте почтенныхъ товарищей вашихъ; все пойдетъ наилучшимъ образомъ. Скажите, что число ихъ скоро умножится прибытіемъ Ивана Степановича Рижскаго, принятаго недавно Виллиха, который до открытія медицынскаго факультета, гдѣ онъ будетъ профессоромъ физіологіи и практической медицыны, станетъ преподавать въ отдѣленіи общихъ познаній антропологію и діэтетику. Мы въ немъ получили истинное пріобрѣтеніе, равно какъ въ адъюнктѣ химіи Кригерѣ, который однако еще не подтвержденъ, и въ учителѣ живописи и рисовальнаго искусства Маттеи, молодомъ художникѣ рѣдкихъ способностей. Пожалуста позаботьтесь съ Иваномъ Михайловичемъ [1]) заготовить для нихъ квартиры. Къ вамъ нужно мнѣ писать съ большею подробностію, но я принужденъ сіе отложить до слѣдующей почты. Она будетъ для васъ интересна потому особливо, что представитъ вамъ полный отвѣтъ на письмо ваше ко мнѣ и къ Н. Н.—можетъ быть, т. е. поскольку это отъ меня можетъ зависить.

„Донесу вамъ еще между тѣмъ, что на дняхъ отправлены къ вамъ книги на трехъ возахъ, и вскорѣ отправится еще столько же. Что касается до типографіи, то, благодаря упомянутому выше опыту, къ которому и ея исторія принадлежитъ, понынѣ не сдѣлано и шагу къ ея пріобрѣтенію; но я постараюсь поворотить покруче, такъ же какъ съ исторіею Виллиха, съ исторіею отправленія денегъ графу и пр. и пр. Мы будемъ имѣть собственнаго фактора, съ которымъ я завтра же дѣлаю контрактъ; человѣкъ презрядный. Получимъ и пунсоннаго ма-

[1]) Вышеупомянутый Шишкинъ.

стера, лучшаго какой есть въ Петербургѣ; и съ помощію искуснѣйшихъ художниковъ, которыхъ я вамъ доставлю въ скорости, сдѣлаемъ все на мѣстѣ. Мнѣ не хочется, чтобъ мы были въ чемъ бы то ни было подъ опекою Петербурга и Москвы. Для чего не имѣть всего своего? — съ нашими способами это превозможное дѣло. Вмѣстѣ съ хозяйственнымъ сбереженіемъ издержекъ, соединится и польза городу, который университету будетъ обязанъ необходимыми для себя художниками. Не успѣваю теперь сказать моей мысли во всей ея обширности, но умному довольно намекнуть. Я скажу однако одинъ примѣръ: вмѣсто того, чтобы везти отсюда десять фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему не годной уже, дряни, составляющей то, что называется *типографія*, развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить двадцать типографій. Вы ихъ увидите: вы полюбуетесь слесаремъ, столяромъ, мѣдникомъ и пр., которые къ вамъ пріѣдутъ [1]). Я забылъ было о переплетчикѣ; ему предоставимъ кончить переплетъ университетской библіотеки, послѣ того, когда за переплетенныя донынѣ книги, всего числомъ съ тысячу, заплатили столько же рублей. Нѣтъ, ваши сіятельства и ваши превосходительства! я думаю иначе: главнымъ (если не единственнымъ) предметомъ учрежденія университета было у меня благосостояніе моей милой страны и полуденнаго края Россіи, а не доставленіе вамъ донесеній, надъ которыми можно бы потолковать часа два, три, и потомъ приказать *пріобщить къ дѣлу*. Будьте покойны, любезнѣйшій Илья Ѳедоровичъ! не теряйте духа и благородной вашей дѣятельности. Мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ наши недоброжелатели.

---

[1]) Этотъ сдѣланный Каразинымъ и стоившій много денегъ наемъ высланныхъ изъ далека въ Харьковъ для университета разныхъ мастеровъ въ количествѣ, превышавшемъ дѣйствительную потребность (кромѣ названныхъ въ письмѣ Каразина, между ними оказались экипажные мастера, сапожники, шляпники, ткачъ, чулочный фабрикантъ и другіе мастера, которымъ вовсе нечего было дѣлать при устройствѣ университета),—надѣлалъ послѣ много хлопотъ, какъ университету, такъ и самому Каразину, которому воспрещено было дальнѣйшее вмѣшательство въ устройство университетскихъ дѣлъ. См. объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Лавровскаго.

Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего *упорства въ добромъ намѣреніи* не имѣютъ они масштаба. Прощайте! Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу всеусердно поклониться господамъ вашимъ сотрудникамъ. Вашъ на вѣки преданный слуга и другъ В. Каразинъ".

Вслѣдъ затѣмъ Каразинъ сталъ торопить Тимковскаго къ скорѣйшему открытію университета, и хотя помѣщеніе для него еще не было отдѣлано, хотя не было ни профессоровъ (за исключеніемъ пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Тимковскимъ Осиповскаго, Делавиня и Ланга и имѣвшихъ пріѣхать Рижскаго, Виллиха и Кригера), ни студентовъ,—настаивалъ на томъ, чтобъ университетъ былъ открытъ 12 декабря 1803 г. Письмо, которое онъ писалъ по этому поводу къ Тимковскому, къ сожалѣнію, не сохранилось, но сохранилась копія очень интереснаго отвѣта Тимковскаго на это письмо, слѣдующаго содержанія:

„Открытіе университета могло бы быть 12-го декабря, ежелибъ 5000 р. были присланы сюда въ іюлѣ и около того же времени отданъ домъ вицегубернаторскій. Теперь я смѣло скажу, что дай Богъ управиться къ іюню. Мы откроемъ въ день поворота солнца на зиму, и это будетъ днемъ годовыхъ публичныхъ собраній, началомъ вакацій до 30 августа, когда опять можетъ быть здѣсь свѣтско-ученое собраніе, богатое по причинѣ съѣздовъ на Успенскую ярмарку. Не вините меня, не браните, выслушайте, что нужно къ открытію университета: 1-е мы разочтемъ и актомъ расположимъ свои суммы утвердительно;—2-е отдѣлаемъ домы какъ нужно и прилично;—3-е къ концу зимы получимъ всѣхъ почти профессоровъ общихъ наукъ;—4-е зимою получимъ и расположимъ начальную свою библіотеку и кабинеты физическій и минералогическій и лабораторію;—5-е въ Крещенскую ярмарку закупимъ все нужное для заведенія казеннаго содержанія студентовъ;—6-е въ новый годъ сдѣлаемъ повѣстку, чтобъ желающіе учиться въ университетѣ явились къ 1-му февраля, къ сему же времени выпишемъ семинаристовъ[1]), и до открытія университета профессоры

[1]) Мы уже упоминали выше о Высочайшемъ повелѣніи объ увольненіи изъ ближайшихъ къ Харькову семинарій сорока студентовъ для поступленія въ уни-

займутся гимназическимъ пріуготовленіемъ собравшагося юношества къ ученію университетскому, ибо заниматься симъ по открытіи, значило бы сдѣлать первое впечатлѣніе мелкимъ, и трудно будетъ возвышать понятіе публики. Такимъ образомъ, идея открытія видимо будетъ фундаментальна и величественна. Сдѣлаемъ пышный церемоніалъ. По внушеніямъ моимъ, многіе чиновники изъ Малороссіи пріѣдутъ къ торжеству открытія, имѣющаго послѣдовать вскорѣ за Троицкою ярмаркою; вѣроятно пріѣдутъ многіе изъ курскихъ, воронежскихъ и екатеринославскихъ, и можетъ быть подвигнутся ко взносамъ. Тогда же заложимъ строеніе новаго университета й отпразднуемъ закладины. Повсюду вы увидите энтузіазмъ, враги не посмѣются, и грохочущее эхо повторится въ иностранныхъ журналахъ. Государь, говорятъ, лѣтомъ поѣдетъ въ страны южныя, и можетъ быть, броситъ здѣсь первый камень, его же не брегоша зиждущіе, и той будетъ во главѣ угла.—Разсмотрите, обдумайте вышеписанныя шесть статей; право, какъ ни ломайте, не ввернете ихъ въ срокъ ниже трехмѣсячный. Я готовъ изъ всѣхъ жилъ работать, была бы только работа. Изъ рапорта моего къ Николаю Николаевичу увидите расположеніе присланной суммы, на что оная употребится. Вы встревожены, кажется, мѣшканіемъ содѣйствующихъ. Знаю, дѣятельность ваша есть пламень всепожирающій—ахъ, берегитесь! пожирающій и васъ самихъ,—есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Простите мнѣ. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ—не отдѣляйтесь такъ рано; оставьте себя будто въ опекѣ. Мало можетъ человѣкъ, много могутъ люди. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генералъ не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно

верситетъ; во исполненье этого повелѣнія, Синодъ указомъ отъ 7 іюля 1804 г. предписалъ: „въ пріуготовляемый къ открытію харьковскій университетъ отпустить изъ харьковскаго коллегіума и курской семинаріи студентовъ богословія и философіи по 15-ти, да изъ риторики и поэзіи по 5-ти человѣкъ“.

пчелѣ, изо всего медъ сосетъ. Знаю, что московскому университету не по сердцу учрежденіе нашего, но такъ и быть должно: изъ соперничества родится соревнованіе, общее стремленіе къ преодолѣнію, къ превосходству, къ добру. Неужели ангелъ—хранитель Россіи [1]) не знаетъ этого? Учрежденіе университетовъ подвигнетъ московскій. Что же касается до Петербурга, то я подозрѣвалъ бы, что ему хочется держать la primarie и даже отъ себя наполнять всѣ гимназіи, еслибъ не былъ твердо увѣренъ въ безпристрастной любви къ отечеству и наукамъ и въ благоразуміи Николая Николаевича. Но Боже сохрани васъ дѣйствовать отдѣльно. Всякое царство, раздѣлившееся на ся, погибнетъ, то есть всякій союзъ силъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ, и буде свинья не съѣстъ, буде року угодно,—выростетъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ".

Отвѣчая на это письмо, Каразинъ 23 ноября 1803 г. писалъ Тимковскому: „вмѣсто всѣхъ доказательствъ въ мое оправданіе, въ оправданіе моихъ искреннихъ и едва-едва пристойностію (sic) облеченныхъ движеній, спрашиваю я: чему они до сихъ поръ повредили? и развѣ холодные люди, дѣйствовавшіе противъ, успѣли въ чемъ нибудь, развѣ не сломилъ я ихъ самихъ съ помощію силъ, невидимо дѣйствующихъ согласно со мною? Я соглашаюсь быть смѣшнымъ, лишь бы успѣлъ быть полезнымъ".

Заботясь о приготовленіи помѣщенія для университета, Тимковскій въ то же время старался, насколько возможно, увеличить сумму пожертвованій на университетъ. Такъ, 18 и 20 сентября 1803 г. онъ послалъ малороссійскому генералъ-губерна-

[1]) Выраженіе „ангелъ—хранитель Россіи" очевидно заключаетъ въ себѣ намекъ на какой-то разговоръ, содержаніе котораго не извѣстно, почему и нельзя съ увѣренностью объяснить употребленіе этого выраженія въ настоящемъ случаѣ; можетъ быть, это названіе дано было въ шутку Каразину, по поводу той роли, которую онъ взялъ на себя въ извѣстныхъ всѣмъ письмахъ своихъ къ Александру I.

тору А. Б. Куракину и полтавскому губернскому предводителю дворянства С. М. Кочубею пространныя письменныя сообщенія, въ которыхъ, доказывая, какую пользу принесетъ университетъ, писалъ: „справедливость и честь требуютъ, чтобы каждая губернія, которой училища будутъ подъ попеченіемъ харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его“. Указавъ затѣмъ, какія суммы жертвуетъ на этотъ предметъ слободско-украинская губернія, Тимковскій говоритъ: „было бы странно, еслибы прочія губерніи харьковскаго округа отличились хладнокровіемъ своимъ къ ускоренію и усугубленію блага, какое правительство предполагаетъ заведеніемъ для нихъ университета, какъ со стороны преподаванія высшихъ знаній, такъ и со стороны попеченія о всей учебной части въ тѣхъ губерніяхъ“.—„Было здѣсь и есть“, продолжаетъ далѣе Тимковскій, „желаніе многихъ, чтобы университетъ, вмѣсто Харькова, учрежденъ былъ въ Полтавѣ, какъ иныхъ—въ Черниговѣ. Безъ сомнѣнія, такое заведеніе сдѣлало бы честь малороссіянамъ, которые издревле честь любили, и, привлекая къ себѣ юношество и цѣлыя фамиліи, принося болѣе 100 тыс. новаго годоваго расходу, послужило бы къ обогащенію и украшенію города своего, къ распростраененію отъ него изящнаго вкуса и къ выгодѣ сельскаго хозяйства и промышленности въ мѣстахъ окрестныхъ. Но еслибы Государь Императоръ и не уважилъ перваго патріотическаго приношенія отъ дворянства слободско-украинскаго, если бы можно было университету остаться въ Харьковѣ до того только времени, пока въ Полтавѣ не выстроилось бы для него зданіе, при всемъ томъ дворянство полтавское для сего единственно едва-ли сдѣлаетъ перевѣсъ противъ суммъ слободско-украинскихъ. И къ чему Малороссіи простирать соперничество свое на мѣсто университета? Онъ учреждается близъ нея, въ краѣ, населенномъ ея племенами; несравненно пріятнѣе обратить ей соревнованіе свое на содѣйствіе видамъ Государя Императора къ воспитанію юношества. И когда екатеринославская губернія, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100,000 р., то какъ помыслитъ о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовію къ наукамъ?“

Приведенная выписка показываетъ, что не всѣ сочувственно относились къ мысли объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, и что многіе въ Малороссіи желали, чтобъ университетъ былъ учрежденъ не въ Харьковѣ, а въ Полтавѣ или Черниговѣ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого, какъ полтавское, такъ и черниговское дворянство, несмотря на убѣдительные доводы Тимковскаго, не отозвалось на приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу харьковскаго университета (хотя были сдѣланы нѣкоторыя крупныя пожертвованія на устройство училищъ въ черниговской и полтавской губерніяхъ); дворянство же екатеринославской губерніи, гдѣ, какъ выше было упомянуто, не было ни одного малаго народнаго училища, пожертвовало на харьковскій университетъ 108 тысячъ рублей, обязавшись внести эту сумму въ теченіи десяти лѣтъ; а дворянство херсонское, гдѣ не было ни главнаго, ни малыхъ народныхъ училищъ, обязалось внести въ пользу университета $40^1/_2$ тысячъ рублей и на военное училище такую же сумму.

Въ концѣ марта 1804 г. возвратился изъ своего путешествія Потоцкій, и первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Харьковъ было учрежденіе комитета правленія университета, въ который, кромѣ Тимковскаго, вошли профессора: Рижскій, Осиповскій, Делавинь и Де-Балю. Въ бумагахъ Тимковскаго сохранился черновой проектъ учрежденія этого комитета съ поправками, сдѣланными рукою Тимковскаго, изъ чего надо заключить, что составленіе проекта, или же окончательная редакція его принадлежали Тимковскому. По образованіи комитета, члены его такимъ образомъ распредѣлили между собою занятія: Рижскій, избранный въ предсѣдатели комитета, взялъ на себя дальнѣйшій надзоръ за приготовленіемъ временнаго помѣщенія для университета, за Тимковскимъ остались заботы по обозрѣнію и переустройству училищъ въ округѣ, Делавинь долженъ былъ завѣдывать ботаническою частью, а Де-Балю получилъ въ завѣдываніе университетскую библіотеку.

Пробывъ въ Харьковѣ нѣсколько недѣль, Потоцкій къ маю снова уѣхалъ оттуда, и затѣмъ въ письмѣ къ Тимковскому отъ 21 іюля 1804 г. выражалъ желаніе, чтобъ открытіе универ-

ситета послѣдовало въ концѣ слѣдующаго мѣсяца въ день тезоименитства Государя, т. е. 30 августа. За нѣсколько дней до наступленія этого числа, именно 27 августа 1804 г., Каразинъ по обстоятельствамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, долженъ былъ выйдти въ отставку и удалиться отъ дѣлъ; такъ исполнились слова Тимковскаго, который въ вышеприведенномъ письмѣ къ Каразину предсказывалъ, что „набѣжитъ сугубое ненастье". Затѣмъ открытіе университета было еще разъ отсрочено, такъ какъ работы по приготовленію помѣщенія для университета были окончены только въ октябрѣ 1804 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 5 ноября, была дана университету Высочайшая грамота, и тогда же утвержденъ уставъ университета, а самое открытіе его послѣдовало 17 января 1805 г.

Тимковскій составлялъ церемоніалъ этого открытія, какъ надо заключать изъ имѣющагося между его бумагами писаннаго имъ черноваго проекта этого церемоніала съ его же собственноручными исправленіями. Кромѣ того, имъ было сочинено на этотъ случай сохраняющееся въ тѣхъ же бумагахъ довольно длинное стихотвореніе съ аріями, речитативами и хорами для пѣнія при торжествѣ открытія. Написанное витіеватымъ и тяжелымъ слогомъ, стихотвореніе не обличаетъ въ Тимковскомъ таланта поэта. По поводу этого стихотворенія, которое Тимковскій посылалъ на предварительный просмотръ Потоцкаго, послѣдній въ письмѣ отъ 14 ноября 1804 г. просилъ Тимковскаго сдѣлать въ немъ добавленіе, въ которомъ сказать что нибудь въ похвалу дворянства слободско-украинской губерніи, упомянуть о патріотическомъ его приношеніи въ пользу университета. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ строфахъ, которыя были предназначены для хора, Тимковскій прибавилъ слѣдующія четыре строчки:

„Возвѣстите славой подвигъ,
Подвигъ здѣшней стороны;
Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
Какъ усердствуютъ для нихъ".

Приводимъ заключительную часть этого стихотворенія:

Речитативъ.

„Вотще коварство предпріемлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ, иль ростетъ;

Растетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ. Но самъ собой
Онъ въ дебри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленье—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой.

Арія.

Уже виднѣе справедливость,
Уже невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Блѣднѣетъ, тускнетъ, не видна
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ
Изъ глубины души речетъ:
„Да царствуетъ въ моей Державѣ
Познаній благотворный свѣтъ!“

Хоръ.

Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ десница Твоя!
Въ немъ научатся творить
Волю Твою,
Въ немъ раздадутся слова,
Чѣмъ процвѣтаетъ народъ.
Благословенъ
Плодъ Твоихъ дѣлъ;
Возвеселися о немъ,
Добрый Монархъ,
О Александръ,
Избранный Царь!
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Ты просвѣщенье даешь!
Да облекутся весельемъ
Грады, поля,
И на холмахъ ѳиміамъ
Да воскурится!

—

Въ хорахъ похвальную пѣснь
Юноши, дѣвы Тебѣ воспоютъ,
Море восплещетъ
Славѣ Твоей.
Старцы повѣдаютъ внукамъ своимъ,
Сколь Ты великъ въ бытіяхъ.
Благословенъ да пребудетъ Твой вѣкъ,
Добрый Монархъ,
Благословенъ!“

Исполнялись ли эти аріи, речитативы и хоры при торжествѣ открытія университета—мы не нашли указаній.

По открытіи университета, Тимковскій былъ въ немъ деканомъ отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ и кромѣ того членомъ правленія университета, членомъ училищнаго комитета и членомъ цензурнаго комитета.

Отрываясь отъ заботъ по устройству помѣщенія для университета и всѣмъ приготовительнымъ къ открытію его распоряженіямъ, Тимковскій, чрезъ непродолжительное время послѣ своего пріѣзда въ Харьковъ, сталъ обозрѣвать училища харьковскаго учебнаго округа, начавъ съ училищъ слободско-украинской губерніи, и 14 декабря 1803 г. послалъ Новосильцеву свой первый отчетъ, въ которомъ изложилъ сначала свои „общія мнѣнія относительно училищъ,“ потомъ далъ свѣдѣнія „объ училищахъ слободско-украинской губерніи вообще“ и затѣмъ пред-

ставилъ обозрѣніе харьковскаго главнаго народнаго училища и каждаго изъ малыхъ народныхъ училищъ губерніи въ частности. Послѣ того, по мѣрѣ объѣзда и обозрѣнія училищъ другихъ губерній, онъ представлялъ свои отчеты отдѣльно по каждой губерніи.

Въ бумагахъ Тимковскаго сохранились списки только нѣкоторыхъ изъ этихъ отчетовъ и разныя подготовительныя къ нимъ бумаги. Изъ нихъ видно, что Тимковскій въ отчетахъ своихъ представлялъ подробнѣйшія свѣдѣнія о каждомъ изъ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній, о средствахъ, которыми они располагаютъ,—о зданіяхъ, въ которыхъ помѣщаются,—объ учителяхъ, ученикахъ и состояніи учебной части,—о пансіонахъ, гдѣ таковые имѣются, и вообще о томъ, какими квартирами располагаютъ ученики; наконецъ—разныя статистическія свѣдѣнія о городахъ, въ которыхъ находятся учебныя заведенія.—Въ этихъ отчетахъ, которые, какъ надо заключить изъ вышеупомянутой статьи г. Лавровскаго[1]), сохраняются въ подлинникахъ въ архивѣ харьковскаго университета, интересующіеся этимъ предметомъ могутъ найдти обильный матеріалъ для исторіи учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа того времени. Г. Лавровскій по этому поводу говоритъ: „едва ли какой городъ округа ускользнулъ отъ посѣщенія Тимковскаго; изъ отчетовъ его можно видѣть, съ какимъ участіемъ и любознательностью относился онъ къ разнымъ сторонамъ и явленіямъ тогдашней провинціальной жизни, хотя бы и вовсе независимымъ отъ непосредственно порученнаго ему дѣла".

Въ какомъ жалкомъ состояніи находились тогда нѣкоторыя изъ помѣщеній главныхъ народныхъ училищъ, можно видѣть изъ письма отъ 23 сентября 1803 г., которое Тимковскій, послѣ перваго своего пріѣзда въ Полтаву, писалъ малороссійскому генералъ-губернатору Куракину, слѣдующаго содержанія: „Домъ, въ которомъ помѣщается полтавское главное училище, такъ обветшалъ и въ такомъ запустѣніи, что въ наступающее осеннее и зимнее время едва ли можно будетъ учителямъ жить

---

[1]) „В. Н. Каразинъ и открытіе харьковскаго университета." Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., №№ 1 и 2.

въ нынѣ занимаемыхъ ими покояхъ и ученію продолжаться въ классныхъ комнатахъ, если тѣ и другія не будутъ сколько ни есть защищены отъ стужи, морозовъ и ненастья починкою дверей, оконъ и печей. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство не оставить по возможности упомянутаго училища въ такомъ состояніи; а сверхъ того приказать огородить дворъ хотя плетнемъ и починить ворота, не только для пристойнѣйшаго виду, но болѣе для порядочнаго входу въ домъ и для цѣлости дровъ и другихъ находящихся на дворѣ вещей".

Чтобъ имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учителяхъ и ихъ познаніяхъ, Тимковскій, обозрѣвая главныя и малыя народныя училища, подвергалъ экзамену не только учениковъ, но и учителей. Представляя затѣмъ въ отчетахъ своихъ подробныя объ нихъ свѣдѣнія, онъ указывалъ, кто изъ нихъ и для какихъ именно занятій можетъ быть полезенъ въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. А чтобъ тѣ, которые получатъ назначеніе, могли, какъ выражался Тимковскій, „пріобрѣсть лучшій способъ упражненія и преподаванія", онъ проектировалъ призвать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ университетъ, гдѣ бы они выслушали краткіе педагогическіе и методологическіе курсы своихъ наукъ, которые для нихъ слѣдовало бы прочесть.

Состояніе преподаванія въ главныхъ и малыхъ народныхъ училищахъ Тимковскій находилъ вообще неудовлетворительнымъ, чѣмъ и объяснялъ недостаточную степень сочувствія къ нимъ народонаселенія.— „Дѣти", пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, „затверживая наизустъ то, что мало понимаютъ, ничего пересказывать не могутъ связно, чему учатся, что знаютъ полезнаго, и отцы отзываются: Богъ знаетъ чему учатъ въ школахъ". Далѣе, разсуждая о способѣ преподаванія по вопросамъ и отвѣтамъ, Тимковскій говоритъ, что хотя этотъ способъ и достоинъ похвалы, но ничего нѣтъ легче, какъ спрашивать по выученному изъ книги, и притомъ не трудно усмотрѣть, что— „сіи вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробность, но занимаясь ею отрывочно и нечаянно, весьма сбивчивы для разсудка; напротивъ того, ежели учитель, держась классной книги, разскажетъ матерію, изъяснитъ ее и прибавленіями лю-

бопытными и полезными дополнитъ, заставитъ лучшаго ученика повторить сказанное, и потомъ, когда увидитъ, что поняли изъясненія его, предложитъ ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи, и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять понятіе ученика, пріучать его къ внимательности и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его".

Въ числѣ существовавшихъ тогда неудобныхъ условій для преподаванія Тимковскій указываетъ на то, что ученики поступали въ училища и оставляли ихъ, безъ письменныхъ просьбъ, въ разные мѣсяцы года, и по своему произволу отлучались на весьма продолжительное время.—„Теперь", говоритъ Тимковскій, „часто является въ классѣ новый ученикъ, неизвѣстно—что онъ такое и откуда, бываетъ въ классѣ или не бываетъ—до этого нѣтъ дѣла никому; вдругъ не стало его; чрезъ полгода, чрезъ годъ приходитъ иной опять въ училище, во многомъ отсталъ, или все забылъ, можетъ ли такой ученикъ быть въ классѣ исправенъ, внимать наставленіямъ учителя, научиться чему нибудь" и т. д. Какъ видно изъ отчетовъ Тимковскаго, и учителя пользовались свободой отлучаться по своему произволу, не испрашивая разрѣшенія отпусковъ, вслѣдствіе чего Тимковскій находилъ необходимымъ, „чтобъ учителя почитали должность свою наравнѣ съ обязанностями всякой другой службы, примѣнить къ нимъ общія узаконенія о срокахъ, отпускахъ, отлучкахъ и явкѣ въ учебные дни".

Какъ въ малыхъ, такъ и въ главныхъ народныхъ училищахъ Тимковскій вездѣ находилъ очень мало дворянъ. Кромѣ неудовлетворительнаго состоянія учебныхъ заведеній и отсутствія во многихъ мѣстахъ возможности устроить домашній надзоръ за дѣтьми тѣхъ родителей, которые сами не живутъ въ городахъ, Тимковскій объяснялъ это обстоятельство нежеланіемъ дворянъ, чтобы дѣти ихъ смѣшивались съ дѣтьми мѣщанъ и крестьянъ. „Было время", говоритъ Тимковскій, „въ Украинѣ и Малороссіи, что господа не брезгали учиться по семинаріямъ вмѣстѣ съ разночинцами, но когда правленіе столько утончило разность званій повсюду, то она дѣйствуетъ и на училища".

Вслѣдствіе этого, чтобъ привлечь больше дворянъ въ новыя гимназіи и уѣздныя училища, Тимковскій предполагалъ сдѣлать на первое время нѣкоторыя уступки дворянству, а именно: крестьянъ въ гимназіи не допускать, а дворянамъ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ уѣздныхъ училищахъ, вести особые списки и для сидѣнія ихъ устроить особые скамьи и столы, которые ставить впереди прочихъ. Потомъ, продолжалъ Тимковскій, когда лѣтъ черезъ пять или болѣе дворяне получатъ привычку отдавать дѣтей въ училище, можно будетъ „возвратить нынѣшнюю неразборчивость званій".

Затѣмъ, по вопросу о допущеніи крестьянъ въ уѣздныя училища и приходскія школы, Тимковскій, указавъ на высказываемыя нѣкоторыми мнѣнія о томъ, что грамотный крестьянинъ „негоденъ въ своемъ званіи и помѣщику не проченъ" и что будто бы просвѣщеніе неприлично крестьянамъ и можетъ ихъ развратить,—продолжаетъ далѣе, что просвѣщеніе никогда не приводило къ неустройству и что главнымъ предметомъ какъ приходскихъ школъ, такъ и уѣздныхъ училищъ должна быть задача—„вразумить учащихся въ законѣ и нравственности, въ хозяйствѣ и промышленности и открыть имъ глаза на мѣстныя выгоды, требуемыя ихъ же состояніемъ, а другихъ сверхъ того приготовить къ дальнѣйшимъ познаніямъ, предназначенію ихъ соотвѣтственнымъ". Кромѣ того, Тимковскій указываетъ на то, что когда грамотный человѣкъ между крестьянами не будетъ такою рѣдкостью, какъ теперь, когда число грамотныхъ будетъ велико, то уже вслѣдствіе этого грамотный будетъ меньше кичиться своими познаніями и отдѣляться отъ своей братіи и работъ ихъ, нежели теперь, считая себя однимъ изъ ста или двухсотъ.

Въ видахъ доставленія возможности домашняго надзора за учениками, Тимковскій проектировалъ устроить пансіоны на суммы казенныя и общественныя, а также упорядочить жизнь учениковъ на отдѣльныхъ квартирахъ, подъ присмотромъ учителей или старшихъ гимназистовъ.

Относительно взысканій, которымъ могутъ быть подвергаемы ученики, Тимковскій, не одобряя тѣлесныхъ наказаній, нахо-

дилъ также неудобнымъ подвергать учениковъ и слѣдующимъ наказаніямъ: ставить ихъ на колѣни, запирать въ холодное или темное мѣсто, лишать обѣда, приказывать служить товарищу, безчестить нарядомъ: такія наказанія, писалъ Тимковскій, могутъ имѣть дурное дѣйствіе на характеръ. Поэтому онъ полагалъ ограничиться слѣдующими взысканіями: лишать ученика на большее или меньшее время мѣста, которое онъ занимаетъ въ классѣ по успѣхамъ и поведенію, переводить изъ высшаго класса въ низшій на нѣсколько уроковъ или до окончанія годичнаго курса, заставлять обидчика просить прощенія у обиженнаго, оставлять ночевать въ классѣ и, наконецъ,—отсылать къ родителямъ для наказанія.

Указывая на то, что во многихъ мѣстахъ учителя лишены возможности пополнять свои свѣдѣнія за отсутствіемъ хорошихъ библіотекъ, вслѣдствіе чего они праздно и безъ пользы проводятъ свое время, Тимковскій выражалъ желаніе, чтобы „вмѣсто нынѣшняго случайнаго и нестройнаго собранія книгъ, составились скорѣе библіотеки, наполненныя классиками и другими отборными иностранными и россійскими книгами“. — „Сіи библіотеки“, продолжалъ Тимковскій, „могли бы сдѣлаться купно и публичными для постороннихъ любителей чтенія“.

Не мало замѣчаній разсѣяно въ отчетахъ Тимковскаго и о преподаваніи каждаго изъ предметовъ въ отдѣльности.

Подобно визитатору виленскаго учебнаго округа Ѳаддею Чацкому, Тимковскій въ харьковскомъ учебномъ округѣ не остался только въ роли ревизора или обозрѣвателя старыхъ учебныхъ заведеній, а сдѣлался устроителемъ новыхъ.

Для этого прежде всего нужно было изыскать матеріальныя средства, которыхъ во многихъ мѣстахъ не доставало для того, чтобъ могли устроиться и существовать новыя учебныя заведенія; потомъ нужно было пріискать удовлетворительныя помѣщенія для этихъ учебныхъ заведеній, затѣмъ—подготовить для нихъ составъ педагоговъ и проч. Заботы обо всемъ этомъ легли, главнымъ образомъ, на Тимковскаго; чрезъ него произво-

дились и всѣ сношенія по приготовленію къ открытію учебныхъ заведеній.

Еще предъ выѣздомъ изъ Харькова для обозрѣнія старыхъ учебныхъ заведеній, Тимковскій посылалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства письменныя сообщенія, въ которыхъ говорилъ о пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній и необходимости со стороны общества придти на помощь правительству въ дѣлѣ устройства этихъ заведеній матеріальными приношеніями. Затѣмъ, выѣзжая для обозрѣнія главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, онъ на мѣстѣ всячески старался расположить всѣхъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія. Повидимому, скорѣе всего онъ успѣлъ въ этомъ въ Екатеринославѣ. Обозрѣвъ тамошнее главное народное училище, Тимковскій въ началѣ іюля 1804 г. писалъ екатеринославскому губернскому предводителю дворянства Шостаку о томъ, что въ домѣ этого училища, по тѣснотѣ его, не возможно помѣстить гимназію и уѣздное училище, и что поэтому необходимо принять мѣры къ тому, чтобъ устроить помѣщеніе достаточное и приличное; а въ концѣ того же мѣсяца Тимковскій уже извѣщалъ Потоцкаго о томъ, что екатеринославское дворянство рѣшило пожертвовать для гимназіи и уѣзднаго училища свой дворянскій въ Екатеринославѣ домъ съ садомъ и рощею и всѣмъ къ нему принадлежащимъ. Точно также и въ Воронежѣ удалось получить домъ съ обстройкою. Затѣмъ въ землѣ донскихъ козаковъ войсковая канцелярія приняла на счетъ войсковыхъ суммъ содержаніе гимназіи и уѣздныхъ училищъ. Болѣе или менѣе значительныя пожертвованія были сдѣланы и въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Изъ пожертвованій частныхъ лицъ самымъ крупнымъ было пожертвованіе тайнымъ совѣтникомъ Судьенкомъ 40000 рублей на устройство училищъ въ Малороссіи.

Какъ надо заключать изъ сохранившейся между бумагами Тимковскаго копіи письма его отъ 10 мая 1804 г. къ Потоцкому, послѣдній торопилъ его съ открытіемъ гимназій и повидимому желалъ, чтобы существующія главныя народныя училища какъ можно скорѣе были переименованы въ гимназіи.

Отвѣчая на это, Тимковскій писалъ: „всемѣрно стараться буду, сколько отъ меня зависитъ, соотвѣтствовать желанію вашего сіятельства, изображенному въ письмѣ ко мнѣ отъ сего апрѣля, чтобы гимназіи въ харьковскомъ учебномъ округѣ какъ можно скорѣе могли быть открыты". Указавъ затѣмъ на то, что именно для этого еще остается сдѣлать, Тимковскій продолжалъ: „Безъ сего переименовать главныя народныя училища въ гимназіи и дать учителямъ больше жалованья безполезно будетъ притомъ упадетъ даже и то лестное мнѣніе, съ какимъ публика, при своемъ отвращеніи къ народнымъ училищамъ, ожидаетъ открытія гимназій. А поелику не все исполнить можно по вышеупомянутому вдругъ во всѣхъ губерніяхъ, то и гимназіи не инако, какъ постепенно одна за другою, открывать слѣдуетъ. Во первыхъ я займусь планомъ образованія слободско-украинской губерніи, съѣзжу въ Екатеринославъ, составлю планъ на екатеринославскую гимназію, затѣмъ надо приступить къ плану на черниговскую и донскую гимназіи. Между тѣмъ осмѣливаюсь донести вашему сіятельству о томъ, что теперь почитаю я нужнымъ". Далѣе Тимковскій говоритъ о разныхъ мѣрахъ относительно денежныхъ суммъ и назначенія учителей.—Согласившись съ Тимковскимъ въ томъ, что гимназіи слѣдуетъ открывать постепенно одну за другою, Потоцкій въ письмѣ отъ 5 іюня 1804 г. просилъ Тимковскаго устроить такъ, чтобъ въ теченіи 1804 года могли быть открыты по крайней мѣрѣ три гимназіи: харьковская, черниговская и курская.

Согласно съ изложеннымъ, гимназіи были открываемы постепенно одна за другою. Раньше всѣхъ были открыты харьковская и черниговская гимназіи, въ слѣдующую очередь гимназіи екатеринославская и новочеркасская, потомъ—курская, орловская, воронежская и новгородсѣверская, позже — таганрогская и одесская. Одновременно съ открытіемъ гимназій, происходило въ тѣхъ же губерніяхъ и открытіе уѣздныхъ училищъ.

Назначеніе состава учителей въ гимназіи и уѣздныя училища, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, зависѣло главнымъ образомъ отъ него, что было вполнѣ естественно, такъ какъ,

обревизовавши всѣ старыя учебныя заведенія харьковскаго округа, онъ одинъ лично зналъ весь учебный персоналъ этихъ заведеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстѣ не доставало способныхъ людей для замѣщенія всѣхъ учительскихъ должностей, Тимковскій обращался къ Потоцкому съ просьбами выписать учителей изъ другихъ мѣстъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ писемъ, Потоцкій рекомендовалъ Тимковскому выписать учителей изъ Германіи или Польши, прибавляя, что „послѣдніе скорѣе будутъ въ состояніи преподавать наставленія на россійскомъ языкѣ". Однако изъ бумагъ Тимковскаго не видно, чтобъ изъ Польши были выписываемы учителя, и вообще мы не знаемъ, какимъ именно образомъ былъ пополненъ недостатокъ въ учителяхъ; но, кажется, въ то время поляки не получили назначеній, они появились въ харьковскомъ учебномъ округѣ гораздо позже. Къ Тимковскому, какъ свидѣтельствуетъ масса сохранившихся бумагъ, обращались съ ходатайствами всѣ искавшіе мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; на его же распоряженіе представляли директоры народныхъ училищъ поступавшія къ нимъ просьбы о назначеніи на должности учителей. Самыя опредѣленія совѣта университета о назначеніи къ должностямъ [1]) были редактированы въ такой формѣ: „*предназначенныхъ профессоромъ Тимковскимъ* учителей въ такую-то гимназію такихъ-то (указывались фамиліи назначаемыхъ и предметы преподаванія) къ ихъ должностямъ опредѣлить" (таково напримѣръ опредѣленіе отъ 16 іюня 1805 г. о назначеніи учителей въ новочеркасскую гимназію).

Насколько правильно дѣлалъ Тимковскій оцѣнку учительскихъ способностей, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай: обозрѣвая воронежское главное народное училище, Тимковскій обратилъ вниманіе на учителя этого училища Г. П. Успенскаго и, замѣтивъ въ немъ недюжинныя способности, въ отчетѣ своемъ настоялъ на томъ, чтобъ Успенскій былъ назначенъ въ харьковскую гимназію для того, чтобъ получилъ воз-

---

[1]) Тогда учителя гимназій были опредѣляемы къ должностямъ совѣтомъ университета.

можность продолжать научныя занятія и приготовиться къ профессурѣ,—благодаря чему изъ Успенскаго дѣйствительно вышелъ впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ профессоровъ харьковскаго университета. Интересно, что въ этомъ же отчетѣ Тимковскій упоминаетъ о томъ, что онъ совѣтовалъ Успенскому „написать сочиненіе о россійскихъ древностяхъ". Изъ этого видно, что мысль сочиненія, которое впослѣдствіи Успенскій написалъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ" и которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ литературномъ мірѣ, — была внушена Успенскому Тимковскимъ.

Когда всѣ приготовительныя распоряженія къ открытію гимназій были сдѣланы, Тимковскій выѣзжалъ лично открывать многія изъ гимназій округа, сочинялъ церемоніалы ихъ открытія, говорилъ рѣчи, экзаменовалъ имѣвшихъ быть зачисленными въ ученики гимназій, указывалъ учителямъ, какихъ учебниковъ они должны держаться по каждому предмету, давалъ разныя другія наставленія директорамъ и учителямъ, составлялъ списки книгъ, которыми слѣдуетъ пополнить гимназическія библіотеки и проч.

Въ числѣ разныхъ городовъ, которые посѣтилъ Тимковскій для обозрѣнія и устройства училищъ, былъ г. Новгородъ-Сѣверскъ. Обревизовавши тамошнее главное народное училище въ первый разъ въ началѣ 1804 г., Тимковскій своимъ отзывомъ о немъ и своими представленіями содѣйствовалъ тому, что это училище не было упразднено, какъ предполагалось первоначально, а было преобразовано въ гимназію. Здѣсь, познакомившись съ дочерью директора означеннаго училища, а потомъ гимназіи—Ивана Ивановича Халанскаго Софьею Ивановною, Тимковскій сочетался съ нею бракомъ 5 сентября 1809 года, и вслѣдствіе этого сдѣлался послѣ обитателемъ находящейся въ недалекомъ разстояніи отъ Новгородъ-Сѣверска деревни Турановки, глуховскаго уѣзда, принадлежавшей его женѣ [1]. Здѣсь

---

[1]) Это имѣніе принадлежало прежде Туранскимъ и было подарено женѣ Тимковскаго ея крестнымъ отцемъ Николаемъ Демьян. Туранскимъ.

же впослѣдствіи, по смерти И. И. Халанскаго, Тимковскому самому пришлось сдѣлаться директоромъ гимназіи, устройству которой онъ содѣйствовалъ.

Съ открытіемъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, отношенія его къ нимъ не прекращались: во множествѣ изъ этихъ бумагъ директоры гимназій время отъ времени просятъ у него разрѣшенія разныхъ вопросовъ и сомнѣній (чаще другихъ мы встрѣчали такіе запросы со стороны директоровъ черниговской и екатеринославской гимназій); къ нему же они обращаются съ ходатайствами о наградахъ учителямъ и съ жалобами на плохихъ учителей; въ свою очередь учителя жалуются ему на притѣсненія директоровъ. Въ нѣкоторыхъ сучаяхъ даже и университетъ передавалъ на распоряженіе Тимковскаго поступавшія къ нему жалобы. Такъ, въ 1810 году учителя черниговской гимназіи Кнейперъ (нѣмецкаго языка) и Феттеръ (французскаго языка) подали взаимныя другъ на друга жалобы по поводу происшедшей между ними ссоры. Представляя эти жалобы въ училищный комитетъ университета, директоръ гимназіи Марковъ въ рапортѣ своемъ отъ 3 сентября 1810 г. объяснилъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ ссоры, происшедшей „между сими двумя горячаго и вспыльчиваго сложенія людьми, и едва возмогъ прекратить ее, не успѣвши впрочемъ уговорить ихъ къ всегдашнему примиренію, которое, кажется, никогда послѣдовать не можетъ по изъявляемой ими открыто отъ одного къ другому мстительной ненависти“. Правленіе университета отъ 24 сентября за № 1168, передало эти жалобы Тимковскому, „съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ на мѣстѣ въ подробное о семъ изслѣдованіе и, ежели можно, принялъ бы мѣры къ прекращенію несогласія помянутыхъ учителей примиреніемъ“.—Нѣсколько позже два другихъ учителя той-же гимназіи Пилянкевичъ (латинскаго языка) и Дубровичъ (естественной исторіи) поспорили изъ за обладанія кухней при отведенныхъ учителямъ квартирахъ и также жаловались другъ на друга. Училищный комитетъ университета 1 октября 1810 г. передалъ эти жалобы Тимковскому—„съ тѣмъ, чтобы онъ разобралъ ихъ на мѣстѣ и предоставилъ каждому принадлежащее“.

Вообще, какъ видно изъ бумагъ Тимковскаго, состоя въ должности профессора, онъ до нѣкоторой степени фактически начальствовалъ надъ всѣми средними и низшими учебными заведеніями харьковскаго учебнаго округа.

Въ то же время онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ попечителя округа Потоцкаго. Между бумагами Тимковскаго сохранилось много писанныхъ его рукою черновыхъ бумагъ, озаглавленныхъ „мнѣніями пепечителя Потоцкаго", изъ чего видно, что эти „мнѣнія попечителя" сочинялись Тимковскимъ и были въ дѣйствительности его мнѣніями. Кромѣ особыхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ, и нѣкоторыя другія бумаги отъ имени Потоцкаго также составлялись Тимковскимъ, какъ свидѣтельствуютъ черновые проекты этихъ бумагъ. Повидимому, Потоцкій во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ обращался къ содѣйствію Тимковскаго, пользуясь его знаніями и способностью къ работѣ.

М. И. Сухомлиновъ въ вышеупомянутой статьѣ своей говоритъ о Потоцкомъ: „если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало бы назвать идеаломъ попечителя" [1]). Еслибъ этотъ отзывъ о Потоцкомъ былъ справедливъ, то нѣкоторую долю славы Потоцкаго нужно бы было удѣлить и Тимковскому, какъ ближайшему сотруднику Потоцкаго, который въ очень многихъ случаяхъ работалъ руками и головою Тимковскаго, какъ это видно изъ бумагъ послѣдняго.

По количеству открытыхъ въ харьковскомъ округѣ новыхъ учебныхъ заведеній, дѣятельность Тимковскаго, можетъ быть, была менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность Ѳ. Чацкаго въ виленскомъ округѣ, но и положеніе Тимковскаго было совсѣмъ другое. Чацкій былъ богатый мѣстный аристократъ, имѣвшій обширныя связи какъ съ польскими помѣщиками, такъ и съ католическимъ духовенствомъ, вслѣдствіе чего онъ и могъ легко подвигнуть какъ однихъ, такъ и другихъ къ щедрымъ пожертвованіямъ на устройство учебныхъ заведеній, а Тимковскій былъ въ Харьковѣ пришлый чиновникъ, не располагавшій собственными средствами и не имѣвшій никакихъ связей и знакомствъ

---

[1]) Изслѣдованія и статьи М. И. Сухомлинова, томъ I, стр. 25.

въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ дѣйствовать; вмѣсто богатыхъ польскихъ магнатовъ, онъ имѣлъ дѣло съ менѣе состоятельными и менѣе тароватыми людьми, которыхъ предварительно надо было еще убѣждать въ пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній. Притомъ визитаторство и устройство училищъ не было для Тимковскаго единственнымъ дѣломъ, которому онъ могъ бы отдаться всецѣло: онъ могъ заниматься этимъ дѣломъ только по временамъ, отрываясь отъ другихъ возложенныхъ на него занятій, въ числѣ которыхъ первыми для него были поставлены всѣ приготовительныя распоряженія по устройству университета, а съ открытіемъ послѣдняго онъ, въ качествѣ профессора, долженъ былъ читать лекціи, и притомъ, какъ выше было упомянуто, отъ одного предмета чрезъ нѣкоторое время перейти къ другому, причемъ эти предметы были разныхъ факультетовъ и не имѣли между собою никакой связи. Кромѣ того, отсутствіе въ первое время попечителя учебнаго округа ставило Тимковскаго въ необходимость тратить значительное количество времени на то, чтобъ вести пространныя письменныя сношенія съ двумя попечителями, изъ которыхъ одинъ—назначенный попечителемъ харьковскаго округа графъ С. О. Потоцкій странствовалъ по западной Европѣ, а другой, временно исправлявшій его должность Н. Н. Новосильцевъ, находился въ Петербургѣ. За отсутствіемъ ихъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Тимковскій долженъ былъ выполнять и тѣ дѣйствія, которыя лежали бы на самомъ попечителѣ, еслибъ онъ находился на мѣстѣ. Можно сказать, что въ теченіе нѣкотораго времени Тимковскій замѣнялъ собою и отсутствовавшаго попечителя учебнаго округа, и цѣлый университетъ, и ревизора всѣхъ старыхъ учебныхъ заведеній въ округѣ, и устроителя всѣхъ новыхъ учебныхъ заведеній; и можно удивляться тому, какъ при такой многосложности лежавшихъ на Тимковскомъ обязанностей онъ успѣвалъ все сдѣлать.

Есть, наконецъ, и еще одна разница между Чацкимъ и Тимковскимъ: о Чацкомъ было очень много писано, а о дѣятельности Тимковскаго въ качествѣ визитатора и устроителя училищъ харьковскаго учебнаго округа въ печати до послѣд-

няго времени не было сказано почти ничего. Но университетъ цѣнилъ эту дѣятельность и, какъ видно изъ опредѣленія университетскаго совѣта отъ 15 іюля 1811 г., главную заслугу со стороны Тимковскаго видѣлъ именно въ заботахъ его объ устройствѣ училищъ; въ этомъ опредѣленіи было сказано: „университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ нашего университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду профессора Тимковскаго".

Когда, съ открытіемъ многихъ гимназій и уѣздныхъ училищъ, эти учебныя заведенія стали меньше требовать времени отъ Тимковскаго, онъ принялся за литературные труды. Въ это время имъ были написаны сочиненія: 1) „О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства" (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 17 января 1808 г.),—2) „О помѣстьяхъ" (рѣчь, произнесенная въ собраніи университета 30 іюня 1810 г.),—3) „Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка" (изданіе харьковскаго университета 1811 г.). Кромѣ того, въ бумагахъ Тимковскаго есть указаніе на написанное имъ въ это же время на латинскомъ языкѣ сочиненіе: „Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ россійскими", за которое геттингенское ученое общество въ 1809 г. избрало Тимковскаго въ свои члены; когда и гдѣ было издано это сочиненіе—намъ не извѣстно.

Мы забыли своевременно упомянуть, что отъ московскаго университета Тимковскій 30 іюня 1805 г. получилъ степень доктора обоихъ правъ (т. е. гражданскаго и уголовнаго), а отъ харьковскаго университета 18 декабря 1807 г.—степень доктора философіи.

Въ 1811 году Тимковскій, ссылаясь на разстроенное во время служебныхъ разъѣздовъ здоровье, подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Въ отвѣтъ на это, ему было предложено для поправленія здоровья воспользоваться годичнымъ отпускомъ, съ сохраненіемъ полнаго оклада жалованья. Тимковскій взялъ отпускъ, но потомъ повторилъ свое ходатайство объ увольненіи въ отставку, которую и получилъ 2 сентября 1813 г.

(Окончаніе слѣдуетъ). **Н. Шугуровъ.**

Путешествіе импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году.[1]

VIII.

Изъ Херсона въ Крымъ.

17 мая, въ день отъѣзда изъ Херсона, Императрица въ 12-мъ часу утра принимала прежде всего на приватной отпускной аудіенціи маркиза де Галло, а потомъ жаловала къ рукѣ: кн. Понятовскаго, барона Герберта, гр. Мошинскаго и гр. Модольфа, которые были приглашены къ обѣду. На столѣ, вмѣсто конфектныхъ пирамидъ, для украшенія поставлены были одиннадцать моделей кораблей и другихъ судовъ.

Послѣ обѣда, въ половинѣ 2 часа, Императрица выѣхала изъ Херсона въ своемъ восьмимѣстномъ фаэтонѣ, въ который были приглашены: графъ Фалькенштейнъ, графиня А. В. Браницкая, кн. Потемкинъ, И. И. Шуваловъ, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, принцъ де Линь и графъ Кобенцель. Остальныя лица свиты послѣдовали въ каретахъ. Выѣздъ сопровождался пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ. Возлѣ фаэтона верхомъ ѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ и всѣ военные чины; у собора стояло духовенство въ облаченіи съ крестами; при выѣздѣ изъ города у тріумфальныхъ воротъ привѣтствовали Императрицу херсонскіе купцы, мѣщане и ремесленники. Тутъ Самойловъ и всѣ военные откланялись и возвратились въ городъ.

Для путешествія Императрицы, въ Крыму еще въ октябрѣ 1786 г. приготовлялись дороги, ставились поверстные столбы,

---

[1] См. Кіевская Старина, 1891 г., № 8.

въ городахъ строились дворцы, съ Дону ожидались изготовленные тамъ походные войлочные дворцы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1787 г. въ Карасу-Базарѣ живописцы отдѣлывали дворецъ. Дѣлались распоряженія, чтобы въ Перекопъ и къ Бахчисараю посланы были татары, киргизы, ногайцы и туркмены для поклоненія Императрицѣ; принимались даже мѣры, чтобы въ Бахчисараѣ число жителей увеличилось. Для экипажей и всего поѣзда вытребовано было 2000 донскихъ лошадей, изготовлено было сто кибитокъ и къ нимъ дуги и хомуты и все доставлено заблаговременно въ Бериславль; заготовляли ледъ, кадки, ведра, ушаты и всякую деревянную посуду; на всякой станціи былъ заготовленъ кофей леванскій; коровы для молока назначены были наемныя отъ обывателей окрестныхъ деревень, это было сдѣлано съ цѣлью доставить жителямъ прибыль и показать имъ, что отъ нихъ безъ платы ничего не требуется.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Бахчисараѣ приготовляли даже разныя бревна и доски для устройства фейейрверка. Суровая зима, сѣверные вѣтры и глубокіе снѣга, какихъ не помнили и сторожилы, чрезвычайно мѣшали успѣху работъ.

Первая остановка, хотя кратковременная, была въ 17 верстахъ отъ Херсона на р. Ингульцѣ; здѣсь устроена была переправа для экипажей. На другомъ берегу ожидала шестимѣстная путевая карета Императрицы, въ которой она и продолжала путь, приглася съ собою графа Фалькенштейна, графиню Браницкую, Дмитріева-Мамонова, принца де Линя и графа Кобенцеля.

Въ три четверти 8 часа вечера прибыли въ Бериславль. Свитѣ приготовленъ былъ въ дворцѣ ужинъ, а Императрица, побесѣдовавъ съ графомъ Фалькенштейномъ, удалилась во внутренніе покои наскоро выстроеннаго дворца, а графъ Фалькенштейнъ отправился въ приготовленную для него квартиру.

Передъ дворцомъ горѣла иллюминація изъ плошекъ [1]).

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ 18 мая: „На сіе число ночевали въ Бериславлѣ, что былъ Кизикерменъ"...

---

[1]) См. Камеръ-Фурьер. журналъ 1787 г.

Императрица говорила ему: „Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно прилежнѣе работать въ Эрмитажѣ. Все вижу и слышу, хотя не какъ императоръ, — (Императрица намекала на Іосифа II). Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія, но, будучи строгъ противъ самаго себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, не знаетъ русской пословицы—мѣшать дѣло съ бездѣльемъ".

Отъѣздъ изъ Бериславля назначенъ былъ утромъ и рѣшено обѣдать ранѣе обыкновеннаго. Но въ то время, когда, въ 10 часовъ утра, объявляли объ этомъ съѣхавшимся во дворецъ, кн. Потемкинъ неожиданно для всѣхъ въ особой комнатѣ, за особеннымъ столомъ, наскоро пообѣдалъ, откланялся Императрицѣ и уѣхалъ впередъ въ „Тавриду", пригласивъ съ собою генералъ-поручика графа М. П. Румянцева, тайн. сов. Е. А. Черткова, графа Браницкаго и принца Нассау.

Ранній обѣдъ Императрицы со свитою кончился въ началѣ 1-го часа; затѣмъ, отправились до пристани, приготовленной у переправы чрезъ Днѣпръ и Конскія Воды, на шлюбкахъ.

Переѣхали на другой берегъ Днѣпра, принадлежавшій уже таврической области; здѣсь екатеринославскій губернаторъ генералъ-маіоръ Синельниковъ откланялся Императрицѣ, и встрѣтили ее таврическій правитель Коховскій, директоръ экономіи Габицъ и Мамутъ-бей съ конными туркменцами, киргизами и ногайцами, обитавшими въ днѣпровскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ.

Вся эта новая свита провожатыхъ поскакала и впереди, и возлѣ, и сзади шестимѣстной кареты Императрицы, въ которой она сидѣла съ графомъ Фалькенштейномъ, графинею Браницкой, Мамоновымъ, принцемъ де-Линь и графомъ Кобенцелемъ. Дорога была ровная, природа безлѣсная и безводная—голая степь съ солончаками. Ночлежная станція назначена была въ урочищѣ у Каменнаго моста на рѣкѣ Калангакѣ за 35 верстъ до Перекопа. Эта рѣчка или точнѣе ручей, протекающій по болотному излогу, впадаетъ въ Черное море. Чрезъ рѣчку въ давнія времена, по преданіямъ, еще генуэзцами былъ построенъ

каменный мостъ[1]), близъ котораго и назначенъ былъ ночлегъ въ путевомъ дворцѣ, въ палаткахъ и ставкахъ, изготовленныхъ еще въ Петербургѣ и возившихся во время крымскаго путешествія въ поѣздѣ Императрицы.

Не доѣзжая Каменнаго моста, явились на встрѣчу императорскому поѣзду донскіе козаки,—слишкомъ 3500 человѣкъ, съ своимъ войсковымъ атаманомъ, генералъ-поручикомъ Иловайскимъ во главѣ.

„Козаки (записано въ Камеръ-Фурьерскомъ журналѣ) препровождали карету Ея Величества, представляя съ похвальнымъ проворствомъ козачьи разъѣзды и разныя воинскія движенія, имъ свойственныя“.

Гарцованіе донскихъ козаковъ чрезвычайно понравилось австрійскому императору. „Они парадировали, производили разные маневры, пускались въ атаку и стрѣляли изъ пистолетовъ впродолженіи цѣлаго перегона“. Ловкость козаковъ и родъ строя, который они умѣли соблюдать, при кажущемся безпорядкѣ и суматохѣ, заинтересовали Іосифа II.

„Если пустить такое войско въ тылъ разстроившейся кавалеріи, она пропала безвозвратно и уже потомъ ни за что не построится“. Таково было мнѣніе Іосифа, которое онъ сообщилъ въ письмѣ къ своему фельдмаршалу (см. Arneth. Catharina et Ioseph II).

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Каменному мосту, производилась пальба изъ полковыхъ пушекъ донского войска; а когда въ 7 часу вечера Императрица прибыла на станцію, „въ присутствіи Ея Императорскаго Величества изображенъ былъ всѣми козаками сильный ударъ на непріятеля“ (К.-Ф. журналъ 1787).

У путеваго дворца на крыльцѣ встрѣтили Императрицу кн. Потемкинъ и правитель таврическій Каховскій съ дворянствомъ.

Храповицкій въ дневникѣ своемъ подъ 19 мая записалъ:

---

[1]) Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи, предпріемлемое въ 1787 году. Печатано при Горномъ училищѣ въ 1786 году.

„Пріятенъ ночлегъ при Каменномъ мостѣ и экзерциція донскихъ козаковъ. Cela fait naitre des reflexions“.

Свита помѣщена была въ ставкахъ, стоявшихъ возлѣ путеваго (т. е. временно устроеннаго тоже въ видѣ ставки) дворца, гдѣ былъ сервированъ и ужинъ на 27 человѣкъ, къ которому были приглашены посланники, а также Иловайскій съ его офицерами.

Палатки для путешествія по Крыму были изготовлены еще въ Петербургѣ и заблаговременно доставлены въ Кіевъ. Изготовлено было 80 палатокъ, въ томъ числѣ ставка для Императрицы о трехъ покояхъ; въ ней была столовая палатка, уборный шатрикъ, галлерея для сервиза и кухня (изъ д. Госуд. Архива).

Мы выше упоминали, что въ Херсонѣ Императрица выказала свое неудовольствіе гр. Сегюру, но на станціи Каменный мостъ она помирилась съ французскимъ посланникомъ. Онъ подробно разсказалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ:

„Въ Кизикерменѣ (т. е. въ Бериславлѣ) Императрица, садясь въ карету, сказала мнѣ: для чего вы стѣсняете себя, графъ? Если вы боитесь скуки въ степяхъ, то никто не мѣшаетъ вамъ отправиться въ Парижъ, гдѣ васъ ожидаетъ такъ много удовольствія? И затѣмъ она сѣла въ карету, не дождавшись моего отвѣта.

Понятно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая, чтобы объясниться объ этомъ странномъ, неожиданномъ для меня замѣчаніи—и потому, когда она расположилась въ своемъ шатрѣ (на станціи Каменный мостъ) и намъ дозволено было ее видѣть, я просилъ ее объяснить мнѣ смыслъ шутки, которую я не понялъ.

Императрица отвѣчала: „Это вовсе не шутка. Я нѣсколько разъ вамъ говорила о моей увѣренности въ томъ, что ваши парижскія красавицы сожалѣютъ васъ, которому нужно проѣхать пятьсотъ миль въ варварской странѣ, по степямъ, со скучною царицею. А потому, узнавъ, что вы просили объ отпускѣ, я не хотѣла съ своей стороны причинять вамъ затрудненій, хотя бы вашъ отъѣздъ и былъ бы для меня непріятенъ“.

Я съ жаромъ опровергалъ ея странное мнѣніе обо мнѣ и объ моихъ чувствахъ къ ней. „Итакъ, Ваше Величество, отвѣ-

чалъ я,—Вы считаете меня человѣкомъ слѣпымъ, неблагодарнымъ, безразсуднымъ и съ грубымъ вкусомъ. Мнѣ очень прискорбно, что я вижу въ этомъ еще остатокъ Вашего предубѣжденія вообще противъ всѣхъ французовъ, предубѣжденія, ни на чемъ неоснованнаго. Нигдѣ Васъ такъ не уважаютъ и не оцѣниваютъ, какъ во Франціи, и въ этомъ отношеніи я вѣрный представитель моего отечества. Очень буду сожалѣть, если я принужденъ буду, хотя на время, уѣхать по возвращеніи Вашемъ въ Петербургъ, но если Вамъ угодно, чтобы я уѣхалъ ранѣе, то это будетъ для меня равняться ссылкѣ".

„Я этого вовсе не хочу, сказала она смѣясь, я бы желала, чтобы вы всегда оставались при мнѣ, и вы это очень хорошо знаете. Если я немножко и посердилась на васъ по случаю недавняго прибытія сюда вашихъ умныхъ учениковъ, бородатыхъ турокъ, то теперь эта досада прошла совершенно". Послѣ этого она стала говорить о предложеніяхъ, сдѣланныхъ ею Портѣ, и, между прочимъ, сказала: „Король вашъ увидитъ, что я уступчива, искренно желаю мира и вовсе не такъ честолюбива, какъ обыкновенно полагаютъ". Съ этой поры Государыня была со мною снова очень любезна и привѣтлива".

Въ этотъ же вечеръ, когда Императрица откланялась всему собранію и когда всѣ разошлись по своимъ палаткамъ, Іосифъ II, желая воспользоваться прекрасною ночью, взялъ Сегюра подъ руку, они пошли гулять, и довольно долго ходили по этой степи, гдѣ взоръ не находилъ преградъ. При видѣ нѣсколькихъ верблюдовъ и татарскихъ пастуховъ, бродившихъ въ степи, императоръ сказалъ своему спутнику: „Какое странное путешествіе! Кто бы могъ подумать, что я, вмѣстѣ съ Екатериною II, французскимъ и англійскимъ посланниками, буду бродить по татарскимъ степямъ! Это совершенно новая страница въ исторіи".

„Мнѣ скорѣе кажется, отвѣчалъ Сегюръ,—что это страница изъ „Тысячи и одной ночи", что меня зовуть Джафаромъ, и что я прогуливаюсь съ халифомъ Гаруномъ аль-Рашидомъ, по обыкновенію своему, переодѣтымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того императоръ вдругъ остановился и, протирая себѣ глаза, сказалъ: „Право я незнаю, на

яву ли это или ваши слова о „Тысячѣ и одной ночи“ подѣйствовали на мое воображеніе: посмотрите въ эту сторону!“

Сегюръ обернулся въ указанную сторону и не могъ отдать себѣ отчета, что такое онъ видитъ: шагахъ въ 200 отъ нихъ огромная палатка сама собою двигалась по землѣ и приближалась къ нимъ. Несмотря на высокую траву, Сегюръ съ императоромъ тотчасъ же побѣжали, чтобы поближе посмотрѣть. Палатка остановилась, и изъ нея вышло до 30 человѣкъ калмыковъ. Императоръ предложилъ Сегюру войти въ нее, а за нимъ вошли въ палатку и калмыки и опустили занавѣсъ, который закрывалъ входъ въ палатку; такимъ образомъ гр. Сегюръ очутился въ плѣну у этихъ калмыковъ. Они продолжали двигаться впередъ, неся палатку, и пройдя нѣсколько шаговъ, открыли занавѣсъ,—у входа стоялъ императоръ и смѣялся отъ всей души надъ удивленнымъ Сегюромъ. Онъ самъ вошелъ въ шатеръ.— Вскорѣ императору и Сегюру объяснили подробно устройство этихъ калмыцкихъ подвижныхъ жилищъ. Изъ планокъ дѣлается рѣшетка, и составляется круглая загородка, около четырехъ футовъ вышиною, сдерживаемая сверху деревяннымъ обручемъ, который образуетъ карнизъ. На этомъ кругѣ утверждаютъ длинные шесты, футовъ въ 30, которые вверху скрѣпляются деревяннымъ кружкомъ. Вся эта рѣшетка затягивается ремнями. Этотъ остовъ накрывается верблюжьею кожею до земли. Покрывало это поднимаютъ съ той стороны, которая защищена отъ вѣтра и солнца. Куски той же кожи служатъ вмѣсто кровати и дивановъ. Наверху оставляютъ отверстіе для дыма. Въ такомъ шатрѣ удобно помѣщается до 30 человѣкъ, а вокругъ нихъ располагается ихъ скотъ. Когда они оставляютъ мѣсто кочевья, то снимаютъ покрывало, разбираютъ подставки, складываютъ рѣшетку въ связки и все это сваливаютъ на телѣгу. Но если калмыки хотятъ перейти на другое мѣсто и только для того, чтобы найти лучшее пастбище скоту, то, не разстраивая своего жилья, становятся внутри палатки и, обратившись всѣ въ одну сторону, приподымаютъ на себѣ рѣшетку и такимъ образомъ переносятъ эти легкіе дома. Такой переносъ и послужилъ причиною удивленія нашихъ путешест-

венниковъ, когда они неожиданно увидѣли движущійся шатеръ, не видя ни людей, ни животныхъ, двигавшихъ его [1]).

На другой день, рано утромъ, начала собираться свита въ ставку Императрицы и всѣ дожидали прихода гр. Фалькенштейна, но онъ не являлся и оказалось, что, вставъ ранѣе всѣхъ онъ поскакалъ осматривать Перекопъ, гдѣ и предположилъ ожидать Императрицу.

При выходѣ Императрицы въ „собраніе", ей были представлены жена Иловайскаго съ дочерью, жена бригадира Денисова и самъ Иловайскій съ его офицерами-козаками.

Въ 9 часовъ утра Императрица выѣхала въ фаэтонѣ въ Перекопъ, гдѣ при пушечной пальбѣ встрѣтили ее гр. Фалькенштейнъ, кн. Потемкинъ, комендантъ и бригадиръ Θедоръ Денисовъ съ его отрядомъ донскихъ козаковъ.

Гр. Фалькенштейнъ, какъ мы видѣли, поскакалъ сюда впередъ; онъ проѣхалъ поперегъ весь перешеекъ отъ одного моря до другаго, что составляло около 16 верстъ, осмотрѣлъ все подробно и сообщилъ о томъ, что видѣлъ своему фельдмаршалу: „Профиль вала очень высокъ, ширина и глубина рва очень значительны. У моря стоитъ укрѣпленіе, съ него и начинается валъ, а отсюда тянется прямой линіей до середины, гдѣ есть мостъ и турецкая крѣпость, довольно большая, но въ развалинахъ; отсюда валъ идетъ опять прямой линіей вплоть до Сивашскаго моря, гдѣ тоже имѣются три обложенныя камнемъ батареи или что то похожее на редуты, которыми и заканчивается валъ. Въ прежнее время валъ этотъ былъ сплошь обложенъ камнемъ, съ эскарпами и контръ-эскарпами, но русскіе разобрали камни на постройку домовъ (см. Arneth. Catharina II und Ioseph II). Поѣздъ Императрицы прибылъ прямо къ дому смотрителя перекопскихъ озеръ Свербѣева; здѣсь былъ приготовленъ завтракъ, во время котораго Императрицѣ представлены были образцы тринадцати родовъ мѣстной самосадочной соли.—Послѣ завтрака Императрица, сопровождаемая скакавшими возлѣ кареты донскими козаками и „имянитыми"

---

[1]) См. Записки Сегюра.

крымскими татарами, выѣхала изъ Перекопа и въ 1 часу дня пріѣхала къ станціи Пяти-Колодезей, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ въ палаткахъ. Отсюда, перемѣнивъ лошадей въ дер. Дюрменъ, въ 26 верстахъ отъ *Пяти-Колодезей*, въ 6 часовъ вечера поѣздъ императорскій прибылъ въ мѣстечко Айбары, гдѣ все уже было приготовлено и вокругъ ставки Императрицы собраны и установлены всѣ палатки для помѣщенія свиты, прислуги и всего дворцоваго хозяйства. Для графа Фалькенштейна была такъ же отдѣльная палатка, какъ и для посланниковъ. До 9 часовъ вечера Императрица бесѣдовала съ гр. Фалькенштейномъ и лицами свиты въ своей ставкѣ, потомъ откланялась своимъ спутникамъ и всѣ статсъ-дамы, посланники и свита, по приглашенію кн. Потемкина, отправились ужинать въ огромную, раскинутую между ставками калмыцкую юрту.—Посланники любовались невиданною ими картиною: въ степи ставки, палатки были освѣщены горѣвшими плошками и не прекращались движеніе и говоръ козаковъ, татаръ и многочисленной придворной прислуги.

Изъ Айбара Императрица писала къ гр. Брюсу:... „Я выѣхала изъ прекраснаго Херсона, ночевала въ Бериславѣ, вчерась, 18 переправилась чрезъ Днѣпръ и ночевала въ редутѣ у Каменнаго Моста, сего утра 19 проѣхали мы Перекопскіе вороты, а сіе пишу изъ Айбары, завтра будетъ ночлегъ въ Бахчисараѣ, мы всѣ, слава Богу, здоровы; дни теплые при вѣтрахъ перемѣнныхъ; со всѣхъ сторонъ неба отселѣ уже видны горы, хотя до нихъ еще болѣе ста верстъ. Дорога какъ по билліарду, ни за что не зацѣпишься“ [1]).

На другой день, послѣ обѣда въ Такилѣ, въ 50 верстахъ отъ Айбара, продолжали путь къ Бахчисараю, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Во время этого переѣзда путешественники видѣли уже другую картину: тѣнистую зелень, живописныя поля, красивые домики жителей, дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ. Вездѣ замѣтно было присутствіе движенія и жизни, которыхъ и слѣда не было въ пустынной, безлюдной степи перекопской. (Записки

[1]) См. Приложенія къ Камеръ-Фурьер. журналу 1787 года.

Сегюра). Не доѣзжая 11 верстъ до Бахчисарая, въ Алма-Кермени встрѣтили „хоругви изъ 26 лучшихъ мурзъ, и начальствующій ими полковникъ Иванъ большой Горичь съ татарами, вольно вступившими въ службу; ихъ было 1500 человѣкъ". Пропустя фаэтонъ Императрицы и отдавъ честь съ преклоненіемъ знаменъ, они, раздѣлясь на двѣ стороны, съ полковникомъ Горичемъ во главѣ, провожали Императрицу до самаго дворца въ Бахчисараѣ; здѣсь на горѣ, съ правой стороны расположены были лагеремъ полки: екатеринославскій гренадерскій и мушкатерскіе—троицкій и старооскольскій. При въѣздѣ Императрицы загремѣла музыка" и барабанный бой и полки отдавали фронтомъ честь съ преклоненіемъ знаменъ. При съѣздѣ съ горы, передъ самымъ Бахчисараемъ встрѣтили Императрицу мѣстные жители-татары верхами и скакали за фаэтономъ до самаго дворца.

Этотъ новый конвой въ эту минуту оказалъ большую услугу: предъ спускомъ въ городъ съ крутой горы лошади, запряженныя въ тяжелую шестимѣстную карету Государыни, не могли удержаться, рванулись, понесли внизъ и потомъ стали разомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ упали.—Карета наѣхала ни нихъ и опрокинулась бы, если бы татары не поддержали ее. Всѣ перепугались за Государыню, но на лицѣ Ея не видно было ни малѣйшаго слѣда испуга [1]).

По обѣ стороны длинной улицы, ведущей ко дворцу, начиная съ въѣзда, были лавки сперва ремесленниковъ, потомъ мелочныя, а ближе ко дворцу лавки богатыхъ купцовъ; всѣ лавки были открыты и передъ каждою стоялъ ея хозяинъ. Въ срединѣ этой улицы встрѣтилъ Императрицу муфтій бахчисарайской ханской мечети Мусалафъ-Ефендій съ магометанскимъ духовенствомъ. Близъ дворца встрѣтилъ греческій священникъ съ хлѣбомъ и солью.

Императрица прибыла въ 5 часу во дворецъ съ гр. Фалькенштейномъ; здѣсь стоялъ почетный караулъ отъ екатеринославскаго гренадерскаго полка; у подъѣзда встрѣтилъ Ее кн.

[1]) Смолен. Губ. Вѣд. 1891, № 10—14; также Записки Сегюра.

Потемкинъ, генералъ-аншефъ Каховскій, „военный генералитетъ“ и мѣстные бахчисарайскіе чиновники; у подъѣзда же привѣтствовали Императрицу шестнадцать малолѣтнихъ дѣтей благородныхъ грековъ и албанцевъ“ [1]).

Вечеромъ всѣ мечети и дома, расположенные большею частью по косогорамъ, были иллюминованы.

По прибытіи Императрицы въ Бакчисарай, близъ дворца, въ главной мечети, гдѣ до того хоронились ханы и ихъ семейства, муфтій отправлялъ торжественное богослуженіе съ дервишами [2]).

Императрицѣ все болѣе и болѣе нравился южный край, и въ Бахчисараѣ, ложась спать, она описала свои впечатлѣнія въ письмѣ къ П. Д. Еропкину [3]).

„... Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ уничиженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края: и Херсонъ и Таврида современемъ не токмо окупятся, но надѣяться можно, что, если Петербургъ приноситъ осьмую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныя мѣста.

Кричали и противъ климата, пугали и отсовѣтовали. Обозрѣвъ самолично, сюда пріѣхавши, ищу причины таковаго предубѣжденія безразсуднаго. Слыхала я, что Петръ I въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню еще, что тотъ край никому не нравился; воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ пріобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Елисаветградъ по нынѣ сіе помнятъ; съ сими мыслями и я съ немалымъ утѣшеніемъ, написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей имперіи. Изъ Бакчисарая, 20 мая 1787 г.“.

Безъ сомнѣнія Императрица не ожидала видѣть того, что она видѣла, и, конечно, все это сдѣлалъ кн. Потемкинъ, желая уничтожить своихъ враговъ, чернившихъ его въ глазахъ Ека-

---

[1]) Кам.-Фурьер. журналъ. 1787 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) См. Сочиненія Екатерины. Изданіе Смирдина. Т. III. Спб. 1850.

терины и особенно обвинявшихъ его въ злоупотребленіяхъ властью и денежныхъ захватахъ по случаю устройства Крыма.

Для показанія Бахчисарая Императрицѣ въ приличномъ видѣ, начались приготовленія еще въ 1784 году; но въ февралѣ 1787 года еще ничего не было готово. Въ мартѣ въ Бахчисараѣ исправляли еще въ домахъ крыши, а во дворцѣ отдѣлывали комнаты, для убранства которыхъ Потемкинъ черезъ посланника нашего въ Константинополѣ Булгакова выписалъ оттуда турецкія матеріи, носившія названія: *ангарскія* шали, *севай* бѣлая и желтая, *алтынъ улунь*, *хіосская* желтая, *белдари* желтая и красная, *ялакъ-кафе бѣлая*; *дамгахане*, *шефаньхане* съ цвѣтами розовая и бѣлая, *агабани* съ желтыми и съ голубыми цвѣтами; выписаны были для бахчисарайскаго дворца не только матеріи, но и стклянки розоваго масла, разные духи: *темсукъ* кусками, *амбари* драхмами... и еще, вѣроятно для подарковъ татарамъ, 26 красныхъ скуфикъ, 12 паръ шитыхъ женскихъ башмаковъ. Въ апрѣлѣ 1787 вся плотничья и деревянная работа была кончена, все оштукатурено и живописцы расписали стѣны, потолки, карнизы, двери и пр.

Потемкинъ, при содѣйствіи довѣренныхъ ему лицъ, старался угодить Императрицѣ до самыхъ малѣйшихъ, ничтожныхъ бездѣлицъ во время проѣзда ея по Крыму. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ были остановки или подставы,—татары объѣзжали заблаговременно лошадей, назначенныхъ въ экипажи. Вездѣ заготовлено было въ большомъ количествѣ въ бутылкахъ „таврическое“ вино, полпиво, медъ, даже кислые щи.

Устройство крымскихъ дворцовъ и убранство ихъ мебелью, зеркалами и др. мелочными вещами стоило болѣе тридцати семи тысячъ—и все большею частью было выписано изъ Москвы и Курска [1]).

Графъ Сегюръ оставилъ намъ въ своихъ запискахъ очень краткое описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ его видѣлъ: Дворецъ каменный, построенъ на берегу рѣчки, вдоль которой татарами устроена была набережная; въѣздъ во

[1]) Въ донесеніяхъ Коховскаго 1787.

дворецъ черезъ небольшой каменный мостъ. На лѣвой сторонѣ большія ханскія мечети, подалѣе конюшни; на правой сторонѣ дворцовыя зданія одноэтажныя, окруженныя садомъ съ четырьмя террасами. Возлѣ мечети кладбище, гдѣ хоронили хановъ, великихъ мурзъ и муфтіевъ. Кладбище очень живописно по красотѣ и разнообразію гробницъ и деревьевъ, ихъ осѣняющихъ.

Императрица съ императоромъ заняли бывшіе покои хановъ, посланникамъ и принцу де Линь отвели помѣщеніе въ комнатахъ Сераля, выходившихъ окнами въ красивый садъ, окруженный каменною высокою стѣною. Единственною мебелью въ этихъ комнатахъ были только широкіе диваны, поставленные вдоль стѣнъ. Средину комнаты занималъ четырехугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора съ водою, изъ котораго билъ фонтанъ свѣжей и чистой воды. Комната была полуосвѣщена; стекла въ окнахъ были расписаны; когда отворяли окно, то и тогда лучи солнца едва проникали сквозь густыя вѣтви розовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, закрывавшихъ окна своею зеленью [1]).

Сегюръ досталъ себѣ провожатаго для осмотра дворца, мечети и вообще Бахчисарая. Этотъ провожатый былъ прежде садовникомъ бывшаго хана Шагинъ-Гирея и говорилъ по итальянски. Онъ провелъ Сегюра и въ ханскую мечеть.

Богослуженіе Сегюру не понравилось.

„Намъ представилось, говоритъ онъ, грустное зрѣлище: 30 или 40 восторженныхъ дервишей, называемыхъ по арабски вертящимися, быстро кружились, какъ спущенные волчки, крича изо всей мочи „Аллахъ-Гу!“, и притомъ съ такимъ изступленіемъ, что, наконецъ, падали на землю, обезсиленные и едва дышащіе“. (Тамъ же).

На Императрицу магометанское богослуженіе также произвело впечатлѣніе:

„Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей (писала она къ барону Гримму), гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ“ [2])...

---

[1]) См. Записки Сегюра, т. III, 150.

[2]) См. Письма къ Гримму. Сборникъ р. историч. общества, т. XXIII.

Хотя императоръ Іосифъ II и не любилъ оффиціальныхъ помѣщеній, но ему были отведены комнаты во дворцѣ. Вотъ что сообщаетъ онъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Бахчисараемъ:

„Императрица помѣстилась въ ханскомъ дворцѣ, въ которомъ вся обстановка въ восточномъ вкусѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ служилъ для пребыванія бывшаго хана. Князь Потемкинъ и многіе другіе господа изъ свиты поселились въ гаремѣ, который представляетъ въ маломъ видѣ точную копію съ султанскаго гарема въ Константинополѣ. Дворецъ чрезвычайно похожъ на наши монастыри, кармелитскіе и другіе, въ которыхъ соблюдается правило строгаго заключенія. Онъ со всѣхъ сторонъ огражденъ высокими стѣнами, съ нѣсколькими садиками, прекрасными фонтанами обильными водою, но все это скрыто стѣнами.

Я занимаю комнаты, въ которыхъ въ прежнее время жилъ братъ хана; у него жены были всѣ старухи, потому и мои мечты не могутъ имѣть особенно радужной окраски.

Вчера вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ до самыхъ верховъ горъ, что представляло очень красивое зрѣлище. Мы остаемся здѣсь на цѣлыя сутки.

На послѣдней станціи на встрѣчу Императрицѣ выѣхалъ татарскій отрядъ въ тысячу человѣкъ верхами, всѣ были одѣты въ одинаковое платье; эти татары, вмѣстѣ съ тридцатью другими, выбранными изъ дворянства, одѣтые въ зеленые, богато обшитые галунами кафтаны, составили дворянскую гвардію, которая сопровождала Императрицу до города, а двѣнадцать мальчугановъ, также благороднаго происхожденія, состояли при ней пажами. У воротъ православное духовенство встрѣтило ее съ Евангеліемъ, а муфтій—съ Алкораномъ. Эта смѣсь и этотъ парадъ были, дѣйствительно, столько же интересны, сколько и своеобразны. Но среди всего этого стеченія народа не видать было ни одной женщины. Что, впрочемъ, ни дѣлаетъ императрица для здѣшняго населенія, и какія льготы она имъ не предоставляетъ, нѣтъ ни одного особенно изъ стариковъ, кто бы не былъ радъ уйти изъ подъ новой власти.

Я опять обошелъ нѣсколько мечетей, чтобы видѣть обычные молитвенные обряды, совершаемые мусульманами каждую пятницу, такъ какъ у нихъ этотъ день считается праздничнымъ. Надобно отдать имъ справедливость: по внѣшности они показываютъ искреннюю вѣру и благочестіе.

Я побывалъ еще въ одномъ городѣ близъ Бахчисарая; городъ этотъ населенъ исключительно евреями изъ секты караимовъ; изъ нихъ одни довольно богатые купцы, а другіе занимаются земледѣліемъ; своихъ женъ они прячутъ, по примѣру татаръ. По своему закону, они обязаны довольствоваться одною женою, пока она не подурнѣетъ, или пока у ней не попортится зрѣніе; въ этихъ только двухъ случаяхъ имъ разрѣшается жениться на другой. Будь только установленъ такой законъ въ Вѣнѣ, сколько женщинъ оказалось бы въ очкахъ, лишь бы избыть своихъ мужей“ [1]).

Самое подробное и единственное описаніе бахчисарайскаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ черезъ 12 лѣтъ послѣ путешествія императрицы въ Крымъ, намъ оставилъ путешествовавшій по Крыму П. Сумароковъ:

„Дворецъ, въ которомъ ханы всегда обитали,—огромное зданіе,—стоитъ при концѣ базара, посреди города, на берегу гнилой рѣчки. При вступленіи на пространной дворъ, съ правой стороны находятся палаты, съ лѣвой противъ ихъ придворная съ переходами мечеть, и три бока по оному обнесены разными строеніями, а впереди на противоположной сторонѣ воротамъ видны висячіе одинъ надъ другимъ сады. Дворецъ составленъ изъ многихъ соединенныхъ отдѣленій и теремовъ, коихъ неравныя высоты, неправильные фасады и различныя на нихъ крышки даютъ ему необыкновенные красы. Раззолоченной входъ, родъ подъѣзда съ татарскою на дверяхъ крупною надписью и двумя колоннами, ведетъ въ сѣни, въ которыхъ одинъ изъ навислыхъ теремовъ служитъ имъ въ иныхъ мѣстахъ крышею; тутъ поставлены два большіе мраморные фонтаны съ различными для воды изверженіями. Подлѣ сѣней диванъ, или

1) См. Arneth. Catharine II et Joseph. II.

бывшее засѣданіе хана, представляетъ пространную комнату въ два свѣта; въ нижнемъ всѣ стекла разноцвѣтныя, въ верхнемъ же онѣ бѣлыя, цѣльныя, самаго большаго разбора и убраны, на подобіе янтарей, лалловъ и изумрудовъ, многими разноцвѣтными же кусочками стеклышекъ въ узорѣ. Въ другой комнатѣ полъ и водометъ посреди ея облечены чистымъ бѣлымъ мраморомъ, изъ которой выходятъ въ небольшой садикъ. Оной наполненъ розовыми кустами и цвѣтниками; по стѣнамъ, его огражцающимъ, переплетаются виноградныя вѣтви, и въ концѣ онаго стоитъ бесѣдка съ преизряднымъ фонтаномъ.

Прочее въ нижнемъ жильѣ есть ничто иное, какъ смѣшеніе переходовъ, погребовъ и кладовыхъ съ нѣсколькими притомъ горницами. Въ верхнемъ ярусѣ великое число комнатъ съ лѣстницами въ нихъ изъ одной въ другую являютъ въ себѣ богатыя украшенія; тамъ на потолкахъ и стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, блеститъ золото, повсюду диваны съ парчевыми, бархатными подушками, и полы устланы или дорогими коврами, или египетскими рогожками. Въ чертогахъ женъ вставлены вмѣсто стеколъ плетеныя рогожки, сквозь которыя онѣ, будучи невидимыми, могли на все смотрѣть свободно, и въ семъ отгороженномъ для нихъ отдѣленіи находится особой съ бесѣдками и фонтанами садъ. Всѣхъ комнатъ во дворцѣ и службахъ считается до 150; окружность его въ строеніи простирается на 420 сажень, и онъ стоилъ великаго иждивенія. Внутреннее онаго великолѣпіе, разные при немъ дворики съ цвѣтниками, насыпанные сады, изобилующіе лучшими плодами, и множество фонтановъ представляютъ придуманной восточной вкусъ, и все дышетъ тутъ роскошью, нѣгою и сладострастіемъ" [1]).

Къ барону Гримму Екатерина писала изъ Бахчисарая: „Третьяго дня мы перебрались черезъ перекопскій валъ и вчера, около шести часовъ по полудни, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровьѣ и веселые. Всю дорогу насъ конвоировали татары, а въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда мы нашли все, что только есть

---

[1]) Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году Павла Сумарокова. М. 1800. Стр. 132.

лучшаго въ Крыму, на конѣ. Картина была великолѣпная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые такимъ образомъ, въ открытой коляскѣ, въ которой сидѣло восемь персонъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и остановились прямо во дворцѣ хановъ. Здѣсь мы помѣщаемся среди минаретовъ и мечетей, гдѣ голосятъ, молятся, распѣваютъ и вертятся на одной ногѣ пять разъ въ сутки. Все это слышно намъ изъ нашихъ оконъ, и такъ какъ сегодня день Константина и Елены, то мы слушаемъ обѣдню на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, гдѣ на сей конецъ раскинуты палатки. О, что за необычайное зрѣлище представляетъ пребываніе въ этомъ мѣстѣ! кто? гдѣ? Принцъ де Линь говоритъ, что это не путешествіе, а рядъ празднествъ, непрерывающихся и разнообразныхъ, нигдѣ невиданныхъ, и какихъ никогда болѣе не увидишь. Скажутъ: какой льстецъ этотъ принцъ де-Линь! Но, быть можетъ, онъ и не совсѣмъ неправъ. Завтра мы выѣзжаемъ отсюда въ Севастополь" [1]).

Въ своемъ письмѣ къ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 20-го мая, Императрица говоритъ о путешествіи въ Тавриду слѣдующее: „Въ день отъѣзда изъ Херсона я ночевала въ Бериславѣ; на другой день, переправившись черезъ Днѣпръ, мы вступили въ Тавриду и спали въ редутѣ у Каменнаго моста; вчера мы проѣхали извѣстныя линіи Перекопа и провели ночь въ палаткахъ въ Айбарѣ; сегодня послѣ обѣда прибыли сюда въ Бахчисарай, и я пишу вамъ изъ дома хановъ, гдѣ остановилась. Эта часть Тавриды не похожа ни на что изъ того, что я видѣла; здѣсь есть очень красивые ломбардскіе тополи, видѣнные мною только на картинахъ, а городъ похожъ на тѣ китайскіе рисунки, которые изображаютъ жилища тамошнихъ странъ; онъ расположенъ въ ущельѣ, между двумя высокими горами. Противные днѣпровскіе вѣтры замедлили мое путешествіе на нѣсколько дней, но, выбравшись отсюда, я постараюсь ускорить свое возвращеніе, если будетъ возможно. Въ жизни своей я не видала такихъ высокихъ горъ; графъ Фалькенштейнъ сравниваетъ ихъ съ Альпами; вся эта часть Тавриды весьма живописна; погода

[1]) Сб. русск. ист. общ. XXIII, 411.

ни жаркая, ни холодная, и всѣ мы здоровы. Прощайте; обнимаю васъ. Бахчисарай, 20 мая 1787 года. Поздравляю васъ съ днемъ ангела Константина и Елены, которые завтра буду здѣсь праздновать“ [1]).

Дѣйствительно, на другой день, 21 мая, Императрица въ Бахчисараѣ праздновала торжественно день тезоименитства великаго князя Константина Павловича и великой княжны Елены Павловны.

Въ 11 часовъ утра собрались во дворецъ вся свита, военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Бахчисараѣ, всѣ придворные и иностранные посланники. Въ 12 часовъ Императрица съ гр. Фалькенштейномъ, сопровождаемая всѣми собравшимися во дворецъ, вышла въ поставленную на дворѣ дворца еще наканунѣ походную церковь старооскольскаго пѣхотнаго полка во имя св. Іоанна Воина.

Во время шествія Императрицы отъ дворцоваго крыльца къ церкви на пути стояли сперва изъ благородныхъ малолѣтніе греки и албанцы, потомъ дѣти мурзъ татарскихъ и напослѣдокъ мальчики и дѣвочки вышедшихъ изъ Молдавіи и Валахіи поселенцевъ, живущихъ близь Бахчисарая.

Обѣдню служилъ полковой священникъ, пѣли за пѣвчихъ солдаты; при пѣніи многолѣтія, во время торжественнаго молебна, изъ полковыхъ пушекъ, стоявшихъ на горѣ, производилась пальба. Возвратившись во дворецъ, Императрица жаловала къ рукѣ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и крымскихъ татаръ.

Когда старшины татарскіе удостоены были поцѣловать руку Ея Величества, Государыня пожаловала многимъ изъ нихъ великія награды.

Князь Потемкинъ при этомъ случаѣ, сказалъ: „Въ этихъ чертогахъ нѣсколько лѣтъ назадъ злѣйшіе враги Вашего Импе-

---

[1]) Сб. русск. ист. общ., XV. 113.

раторскаго Величества, на подданныхъ своихъ налагали цѣпи, а Ты, премилосердая, въ тѣхъ же самыхъ чертогахъ осыпаешь ихъ милостями и наградами; кто изъ смертныхъ можетъ сравниться съ Тобой, единственная въ мірѣ Царица!" (См. Морской Сборникъ. 1855. № 4).

Во время стола около дворца играла полковая музыка, а татары били въ большіе и малые бубны. Къ столу, сверхъ свиты, были приглашены—генералъ-аншефъ Коховскій, генералъ-маіоръ П. Л. Волковъ, генералъ-маіоръ баронъ фонъ-Ферзенъ, правитель таврическій дѣйств. ст. сов. Коховскій, россійскій министръ при Портѣ г. Булгаковъ, бригадиръ Ѳедоръ Денисовъ, инженеръ-полковникъ Корсаковъ, полковники: Василій Тотовичъ, Иванъ большой Горичъ, Иванъ Жигулинъ, князь Иванъ Мещерскій, князь Егоръ Циціановъ, духовные магометанскаго закона: муфтій Мусаловъ-Эфенди, казіаскеръ Сеидъ-Мехмедъ-Эфенди.

Послѣ обѣда, въ 5 часовъ графъ Безбородко представилъ Императрицѣ прибывшаго изъ Іерусалима лишеннаго зрѣнія грузинскаго царевича Давида; онъ пріѣхалъ нарочно, чтобы поклониться Императрицѣ и былъ пожалованъ къ рукѣ. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ съ графомъ Фалькенштейномъ, а лица свиты въ той же комнатѣ играли въ шахматы и карты. Съ вечера и во всю ночь мечети и дома были иллюминованы.

На слѣдующій день былъ назначенъ выѣздъ въ Севастополь.

При отъѣздѣ изъ Бахчисарая Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что Императрица ему сказала: „Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ о бородахъ П. I (Петромъ I) выбритыхъ. А. М. Д. М. (Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ) молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ. Гр. Фальк...(енштейнъ) видитъ другими глазами. Фицгерб...(ертъ) слѣдуетъ англійскимъ

правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худаго состоянія. Гр. Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но министерство, обманутое своими емиссарами, тому не вѣритъ и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ кромѣ здѣшняго двора нигдѣ министромъ быть не хочетъ". (Изъ Дневника Храповицкаго).

Г. В. Есиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ѲЕДОРЪ ЛИСОВСКІЙ.[1]

1709—1722.

(*Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-й пол. XVIII ст.*)

Лисовскій не былъ крупнымъ историческимъ дѣятелемъ и не занималъ никакого выдающагося положенія, которое дѣлало-бы его замѣтнымъ; хотя онъ въ свое время и надѣлалъ много шуму, но этотъ шумъ ничего общаго съ историческими заслугами не имѣетъ. И тѣмъ не менѣе жизнь и дѣятельность Лисовскаго представляютъ значительный интересъ со многихъ точекъ зрѣнія. Ѳедоръ Лисовскій—одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ, маленькихъ людей, которые не дѣлали исторіи, не стояли во главѣ крупныхъ историческихъ движеній, не вносили ничего новаго въ жизнь своихъ современниковъ, а наоборотъ, сами цѣликомъ являлись продуктомъ помимо нихъ сложившихся жизненныхъ условій, непосредственно отражая ихъ на себѣ, плыли по не ими созданнымъ теченіямъ, отмѣчая своимъ жизненнымъ

[1]) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили нѣсколько документовъ хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Документы эти слѣдующіе: *Связка 36*, *№ 48*: „Челобитье новгородъ-сѣверск. гражданъ въ послушаніи по прежнему сотнику ихъ Лисовскому и о усмиреніи бунтовщиковъ". *Связка 38*, *№ 31*: „О сборѣ Афанасію Заруцкому (новг.-сѣверск. протопопу) церковныхъ приходовъ, изъ разныхъ мѣстъ получаемыхъ". *№ 43*: „Челобитье писаря новг.-сѣверск. Ивана Никитовича о неуплатѣ ему заслуженнаго жалованія". *Связка 41*, *№ 51*: „Дѣло по челобитью значковаго товарища Данилы Кутневскаго на сотника новгор. Ѳ. Лисовскаго въ укорительныхъ на его Данилу словахъ"; это дѣло заключаетъ въ себѣ отвѣты Лисовскаго на 9 пунктовъ, въ которыхъ Кутневскій обвиняетъ его въ разныхъ преступленіяхъ по отношенію къ себѣ и другимъ лицамъ. *№ 55*: „Дѣло исковое Ѳ. Лисовскаго по челобитью на Андрея Цикулицкаго и

путемъ направленіе этихъ теченій. Біографіи такихъ людей—внутренняя исторія ихъ времени, и чѣмъ больше такихъ біографій, чѣмъ полнѣе каждая изъ нихъ, чѣмъ больше въ ней живыхъ подробностей, тѣмъ полнѣе и ярче развертывается передъ нами современная имъ жизнь. Лисовскій былъ въ полномъ смыслѣ слова сыномъ своего времени. Постоянная коллизія, въ которой находились, съ одной стороны то, что можно было-бы назвать нормальнымъ политическимъ строемъ Малороссіи, и съ другой—фактическая сила, дѣйствовавшая на каждомъ шагу наперекоръ этому строю и во всякомъ случаѣ преслѣдовавшая цѣли, которыя стояли внѣ тѣснаго круга интересовъ вновь присоединенной страны,—эта постоянная коллизія должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на политическіе и общественные нравы старшины, создавая чрезвычайно удобную почву для дѣятельности людей, подобныхъ Лисовскому.

Андрея Заруцкаго въ ночномъ на его дворъ нападеніи" (показанія обвиняемыхъ и двѣнадцати свидѣтелей); тутъ же и распоряженіе о невыѣздѣ Лисовскаго изъ Глухова во все время розыска, предпринятаго по челобитнымъ Аѳан. Заруцкаго и Кутневскаго съ товарищи и „поручная запись" Лисовскаго о невыѣздѣ. *№ 56*: Списокъ съ универсаловъ гетмана Скоропадскаго новг.-сѣверск. Успенской соборной церкви на дворы, лавки и пр., коихъ доходами помянутой церкви, а не сотнику Лисовскому корыстоваться. *Связка 42*, *№ 7*: Допросъ новг. сотника Ѳ. Лисовскаго противу челобитія новг. обывателей (черновая этого допроса съ нѣсколькими измѣненіями въ словахъ и съ довольно большой вставкой въ одномъ мѣстѣ приложена также и къ дѣлу связка 41, № 51). *№ 21*: „Челобитіе Лисовскаго на предмѣстника своего Д. Кутневскаго въ напрасномъ его Государю на него доносѣ". *№ 29* „Дѣло по челобитію капитана Ивана Хрипунова на сотника Лисовскаго въ брани и безчестіи". *№ 32*: Письмо къ стольнику Протасьеву отъ новг. сотника Лисовскаго на Зѣневича въ неправедномъ на него прошеніи. *Связка 43*, *№ 38*: „Челобитье Лисовскаго на гетмана Скоропадскаго въ причиненномъ ему по гетманскому указу смертномъ бою" (тутъ же показаніе караульныхъ офицеровъ и осмотръ ранъ и увѣчій, найденныхъ на тѣлѣ Лисовскаго послѣ экзекуціи). *№ 58*: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новг. сотника Ѳ. Л. по челобитію всѣхъ новг. обывателей, также гадяцкаго полковника Ив. Чарныша и Д Кутневскаго"; документъ этотъ содержитъ въ себѣ 29 дѣлъ по жалобамъ различныхъ лицъ (каждое дѣло состоитъ обыкновенно изъ челобитной истца, отвѣта Лисовскаго, вызванной имъ улики челобитчика и показаній свидѣтелей, если одна изъ сторонъ на нихъ ссылается), пространную челобитную Чарныша, написанную, вѣроятно, въ 1714 г., когда Лисовскій убѣжалъ изъ Гадяча отъ наряженнаго архіереемъ суда и явился вновь уже въ качествѣ истца и доносчика съ цѣлой слѣдственной коммиссіей; тутъ же находятся

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прослѣдить, хотя-бы въ общихъ чертахъ, біографію самого Л—го, чтобы видѣть, какъ сильно на ней сказалась именно эта ненормальность политическихъ условій: авантюристъ и человѣкъ сомнительнаго происхожденія, онъ, вслѣдствіе, какой-то темной услуги, оказанной правительству Петра Великаго, попадаетъ въ Гадячъ протопопомъ; оттуда, благодаря той-же рукѣ, покровительствовавшей Лисовскому, онъ, вмѣсто того, чтобы окончить свою бурную и уже полную приключеній жизнь гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ, если не на висѣлицѣ, получаетъ вдругъ назначеніе на сотничество въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, въ силу котораго его не могутъ смѣстить безъ царскаго указа или вообще распоряженія высшаго правительства, онъ, не обращая никакого вниманія на гетмана и его универсалы, даетъ полную волю своимъ разыгравшимся на такомъ раздольи инстинктамъ и аппетитамъ. И такихъ сотниковъ, полковниковъ, и другихъ урядниковъ было

челобитія Кутневскаго, Андрея Зиновьевича Фая, двѣ жалобы первой жены Лисовскаго, Пелагеи, жалоба новг. обывателей о пустомъ листѣ, который Лисовскій заставилъ ихъ насильно подписать, просьба ихъ, чтобы Лисовскому не позволяли присутствовать при розыскѣ, наконецъ, благодарность (подложная) сельскихъ атамановъ новг. сотни за присланнаго имъ въ сотники Лисовскаго. *№ 61*: „Дѣло по челобитью городничего новгородскаго Дмитрія Шенелича на сотника Л. въ награжденіи причиненной ему обиды"; этотъ № заключаетъ въ себѣ кромѣ того еще 8 обвинительныхъ пунктовъ противъ Л., составленныхъ, вѣроятно, Кутневскимъ и содержащихъ въ себѣ, между прочимъ, чрезвычайно интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло Д. Латышенка; тутъ же помѣщены еще: челобитная Кутневскаго, доношеніе его Протасьеву по поводу двухъ дѣлъ, дѣло линковскаго попа Ивана, допросъ Л. противъ челобитныхъ новг. обывателей, представляющій собой дословное повтореніе № 7 въ связкѣ 42, вмѣстѣ съ копіей представленной Лисовскимъ челобитной сельскихъ атамановъ (подлинникъ помѣщенъ въ связкѣ 43, № 58); копія съ челобитной новг. обывателей о запрещеніи Лисовскому присутствовать при розыскѣ; наконецъ, копіи съ гетманскаго универсала и региментарнаго листа относительно отдачи Л—му двора и коморъ для поселенія. *Связка 46*, *№ 74*: „Пункты канцлеру графу Головкину гетманскаго посланца, Пареена Пекалицкаго, предложенные съ прошеніемъ на оные рѣшенія". *№ 81*: „Челобитная Лисовскаго на Кутневскаго въ неправедномъ на него доносѣ (тутъ же просьба Л. разрѣшить ему присутствовать при розыскѣ Хрипунова). *Связка 48*, *№ 19*. „Пашквѣль на Лисовскаго, стихами написанный". *№ 31*: Челобитіе Ѳ. Лисовскаго, Андрея Колбасы, бывшаго компанейскаго полковника и Потапа Пискуненка, сотника бывшаго воронежскаго, о

много въ Малороссіи того времени, да и не могло не быть: ихъ создавала сама жизнь, тѣ своеобразныя и во многихъ отношеніяхъ исключительныя историческія условія, въ которыя Малороссія попала въ первое время послѣ присоединенія ея къ Россіи. Если въ біографіи Лисовскаго и есть что-нибудь исключительное, такъ это ея конецъ. Л. оборвался на трудномъ и опасномъ пути созиданія своего благополучія во чтобы то ни стало, тогда какъ другіе продолжали подыматься по туго натянутому канату, ловко эквилибрируя и справляясь съ встрѣчающимися препятствіями; Л. умеръ подъ судомъ, тогда какъ его собратья, въ большинствѣ случаевъ мирно отходили въ вѣчность съ радостнымъ сознаніемъ, что они положили прочное основаніе благополучію своихъ потомковъ.

Интересъ біографіи Лисовскаго еще болѣе увеличивается тѣмъ временемъ, къ которому она относится: первая четверть XVIII в. представляетъ собой одну изъ самыхъ интересныхъ эпохъ исторіи Малороссіи, когда эта послѣдняя перестала уже входить въ исторію Польши и не успѣла еще слиться съ общей исторіей Россіи, когда періодъ вооруженной борьбы за ту или иную форму политическаго существованія уже закончился Мазепинскимъ эпизодомъ, и въ исторіи Малороссіи уже стали ясно и отчетливо намѣчаться формы своеобразнаго во многихъ отношеніяхъ жизненнаго строя; правда, этому строю не суждено было пройти всѣ стадіи нормальнаго развитія, но тѣмъ больше цѣны пріобрѣтаетъ въ глазахъ историка этотъ краткій періодъ самобытнаго существованія.

Ѳедоръ Лисовскій былъ родомъ изъ Стародуба. О его жизни до назначенія его гадяцкимъ протопопомъ извѣстно очень мало; но и эти немногія свѣдѣнія, собранныя полковникомъ

изслѣдованіи нанесенныхъ имъ обидъ и разореній. *№ 38*: Челобитіе новгородъ-сѣверскаго жителя Василія Красовскаго на сотника Л. въ побояхъ и увѣчіи, отъ него, сотника, понесенномъ.

Кромѣ перечисленныхъ документовъ, мы пользовались еще статьей о Лисовскомъ А. М. Лазаревскаго (въ Русскомъ Архивѣ, 1873 г., кн. 1), перепечатанной имъ впослѣдствіи въ „Описаніи старой Малороссіи“ (т. I, стр. 197—206).

гадяцкимъ Чарнышомъ[1]) и формулированныя имъ въ восьми обвинительныхъ пунктахъ, характеризуютъ будущаго протопопа и сотника съ очень невыгодной для него стороны. Оказывается, что Лисовскій, находясь на службѣ въ качествѣ челядника въ Черниговѣ, у полковаго есаула Красовскаго, укралъ у него шкатулку съ деньгами и за это былъ присужденъ къ висѣлицѣ (въ 1703 г.). Затѣмъ, вернувшись въ Стародубъ, онъ вздумалъ поправить свои обстоятельства женитьбой: увезъ дочь богатаго стародубца Степана Улѣзко и тайно обвѣнчался съ ней[2]); но Улѣзко поднялъ дѣло, и Лисовскій „суженъ былъ архіереемъ черниговскимъ за похищеніе брака, и наказано имъ розыйтися, и ему быть чернцемъ, а ей черницей“ [3]). Но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться чернцомъ, Лисовскій очутился въ „царствующемъ градѣ Москвѣ“ и тамъ, „будучи межи пѣвчими в нѣякогось дворянина, окладнихъ иконъ многое число укравши и окладъ сребраній и золоченій на иконахъ ободравши, святыя иконы въ гной зарылъ“. Разумѣется, послѣ этого ему нельзя было долго оставаться въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и мы видимъ Лисовскаго снова въ Малороссіи, въ переяславскомъ полку, гдѣ онъ крадетъ воловъ и коней у бзовскаго старосты Кондрата Макаренка; затѣмъ онъ въ городкѣ Лѣплявомъ „отъ власного мужа жену з имѣніемъ подговоривши и въ поле з нею ночью выѣхавши, имѣніе отобралъ, а женѣ той скрозь рукава друкъ крестообразно заложивши, отпустилъ тую жену въ домъ свой до мужа еи“. Побывалъ онъ также и на своей родинѣ въ Стародубѣ, гдѣ снова затѣялъ романтическую исторію съ дочерью какой-то вдовы Василихи, но въ самый рѣшительный моментъ изъ церкви „отъ шлюбу втюкъ и тамъ же въ Стародубѣ, въ дворѣ войсковомъ въ склепъ убѣгъ и въ куфу (бочку) заховался; за якую хитрость суженъ былъ и долгое время

---

[1]) Челобитная Чарныша. Св. 43, № 58.

[2]) Въ 1704 г. См. А. М. Лазаревскій „Описаніе Стар. Малор.“ т. I, стр. 198.

[3]) Это не совсѣмъ вѣрно; самъ Л. разсказывалъ, что бракъ расторгли, а на него наложили эпитимію; позднѣйшія же событія показали, что бракъ былъ признанъ дѣйствительнымъ, и Лисовскаго, женившагося вторично, судили потомъ за двоеженство. См. у Лазаревскаго.

въ темници сидѣлъ, а тая дѣвка за иншого человѣка бракомъ сочеталася". Въ Батуринѣ онъ укралъ у бывшаго архимандрита Одорского двухъ лошадей и 6 рублей денегъ; „въ полку кіевскомъ зъ села Свѣтилнаго нѣякой вдовици сына еи хлопца подмовивши з собою въ дячки[1]) и въ Бѣлагородъ завюзши, мѣсто завоеваннаго чухна продалъ того хлопца, а тая матка на его Л—го била челомъ архіерею кіевскому".

Наконецъ Л—й, уже успѣвшій жениться вторично, получилъ назначеніе въ Гадячъ протопопомъ, вскорѣ послѣ 1708 года. Какъ неизвѣстно; самъ Л—й пишетъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ[2]): это случилось, „я, рабъ вашъ, за вѣрность въ измѣну Мазепину пожа лованъ отъ вашего державства на протопопство въ Гадячъ",—но въ чемъ состояла эта „вѣрность", и какъ могла быть замѣчена Государемъ вѣрность темнаго авантюриста, какимъ былъ тогда Л—й, не занимавшій никакого уряда и не имѣвшій даже опредѣленнаго общественнаго положенія,—объ этомъ ничего не говорятъ документы. Какъ бы то ни было, Л—й, ставши протопопомъ, не измѣнилъ своихъ привычекъ; по выраженію Чарныша[3]), онъ „Бога не боясь, человѣкъ не срамляяся, архіерейскую и свѣцкую власть отъ вышнего даже до нижнего чина воничтоживши, что далѣй, то горѣй на злѣйшее преуспѣвая, килко лѣтъ въ Гадячомъ зоставалъ протопопою, во вся тые времена пьянствомъ, забойствомъ и воровствомъ бавился". Больше всего „бавился" протопопъ конокрадствомъ, которое и привело его въ концѣ концовъ къ катастрофѣ. Такъ, Л—й укралъ у сотника гадяцкаго Тимофея Лукашевича коня гнѣдого, котораго промѣнялъ въ Стародубѣ на горѣлку; даже у цыгана ухитрился протопопъ уворовать коня бѣлаго, котораго онъ три дня дер-

---

[1]) Очевидно, Л. къ этому времени сдѣлался уже священникомъ. По его собственному разсказу, онъ, отбывши эпитимію, пошелъ въ южную Малороссію въ украинскіе города, пробавляясь дьяконствомъ и другими службами; занимая должность сотеннаго писаря въ м. Варвѣ, онъ женился на Ксеніи Алесеневичъ и скоро послѣ этого былъ поставленъ въ священники архіереемъ Ясинскимъ. Лазаревск. 198—9.

[2]) Св. 43, № 38.

[3]) Челобитная гадяцкаго полковника Ивана Чарныша (Св. 43, № 58), изъ которой мы заимствуемъ разсказъ о дѣятельности Лисовскаго въ Гадячѣ въ качествѣ протопопа, относится къ 1714 году.

жалъ „въ своемъ будинку, въ комнатѣ“ и промѣнялъ затѣмъ въ Кіевѣ на мѣдные котлы. Вообще, конокрадство было, повидимому, для Л—го однимъ изъ главныхъ средствъ къ существованію, такъ какъ Чарнышъ замѣчаетъ про него въ концѣ своей челобитной: „однакъ онъ весьма голый будучи, бо що вкрадетъ или ограбитъ, тымъ питается и одягается“. Наконецъ, Л—й соблазнился парой буланыхъ отца Кипріана, игумена гадяцкаго; это ужъ переполнило чашу терпѣнія гадяцкихъ обывателей и урядниковъ: кони были „в него з двора вытрушены“, и тогда „на ратушу явилося въ конехъ и волахъ на его Л—го до килка десять коней доводного воровства его“. Изъ Кіева, отъ архимандрита было наряжено слѣдствіе, которое было поручено игумену кирилловскому, іеромонаху Евстратію Самборовичу и префекту школъ кіевскихъ Сильвестру Пѣковскому. Лисовскій предпочелъ суду бѣгство и „плутался“ около Гадяча, въ Ромнѣ, Каменномъ и въ Сумахъ, „провѣдуючи потоль, поколь судіи архіерейскіе пріѣхали въ Гадячъ“; когда же онъ узналъ, что слѣдствіе началось и приняло весьма серьезный оборотъ, и что судьи вслухъ высказывались, что еслибы Л—й не убѣжалъ, то они взяли бы его въ Кіевъ „предъ архіерея“, Л—й „побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышленные плутовства своего пункты“ подалъ въ Правительствующій Сенатъ. Онъ такъ хорошо съумѣлъ устроить свои дѣла въ Москвѣ, что скоро вернулся оттуда съ подъячимъ по имени Борисомъ (вмѣсто фамиліи этого подъячаго въ рукописи пропускъ) и съ царскимъ указомъ „тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать“; розыскъ былъ порученъ гетману Скоропадскому, коменданту глуховскому бригадиру князю Богдану Ивановичу Гагарину, да стольнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву, министру-резиденту при Скоропадскомъ. „И взятъ я, полковникъ, разсказываетъ Чарнышъ, з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и чернорызцами въ Глуховъ, и противъ его плутовскихъ наносовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринымъ, Протасьевымъ и генеральными судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано вынности, а на его протопопа явлени за руками и печатми

майстратовыми и живими свидѣтелми в лице ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запираетца, также о воровствѣ, в кого лошади покралъ, в кого воли и коровы, з якими ворами на воровство ѣжувалъ, а зворовавши, гдѣ тые лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневалъ, и тые воры з уликою в лицѣ ему все тое доволне сказали, и кого смертно убилъ, чиись попадѣ окгвалтивъ, кого своими руками скалѣчилъ бьючи, и другія якія плутовства содѣловалъ..... На остатокъ для существеннѣшаго розыску и очного видѣнія посылали полковника салдацкого господина Вестова съ товарищи въ Гадячь, а мене полковника з товарищи потоль держано въ Глуховѣ, поколь во всемъ полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ наносамъ, который, пріѣхавши въ Гадячъ, собиралъ предъ себе всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ и всякого чина свѣцкихъ и духовныхъ людей, поповъ и черноризцевъ, и отъ себе посылалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колоколы церковніе, по городахъ и селахъ ѣздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на едного полковника приносили челобитія". Но и это не помогло, такъ велико было озлобленіе противъ Л—го: несмотря на запрещеніе, челобитныя противъ него такъ и посыпались. Но Вестовъ не принималъ ихъ, „отвѣтуючи, же нѣтъ мнѣ указу на протопопу челобитя пріймать". Вестовъ пробылъ въ Гадячѣ цѣлую недѣлю, и когда онъ „з Гадяча имѣлъ выѣздити, тогды его-жъ протопопа Л—го баба во время звоненя на набоженство утреннее ночю въ челобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подалъ Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителеми тамошними, извѣстившися о томъ неправедномъ челобитю, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую челобытную велѣлъ вычитать, и мы, мовятъ, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ полк. Вестовъ таковый учинилъ отвѣтъ: „Въ челобитной, мовитъ, отъ попадѣ

бабы Л—ой поданной, дѣла нѣтъ, читать нечего, и уже оная до возка схована". И старшина ему полк. Вестову повторне отказали: „Если в нюй дѣла нѣтъ, то ненадобно еи и пріймать, а если принята, то надобно еи обявить намъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску". Вестовъ, и паки бабиной челобитной не обявивши, отъѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ". Такимъ образомъ, Вестовъ сдѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы не скомпрометтировать Л—го своимъ розыскомъ и придать дѣлу возможно болѣе благопріятный для Л—го оборотъ. Въ свою очередь и самъ Л—й не дремалъ: онъ повелъ встрѣчный искъ противъ Чарныша, обвинивъ его сначала въ кражѣ коня и разграбленіи его дома, а потомъ въ соучастіи съ однимъ фальшивомонетчикомъ.

„Да онъ-же протопопъ Л—й мене, вѣрнаго Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества слугу, безчестилъ тимъ клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда, понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ зосталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши объявлено; того-жъ часу я велѣлъ котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дубьемъ безъ пощады велѣлъ бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлати, сколь много и с кимъ дѣлалъ, и хто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немилостивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною полковникомъ и передъ прочіею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и предъ кн. Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково-жъ сказалъ; и сказка его особно есть записана, и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу, и тамъ такожде у правду сказати муситъ. А мене Вашего Царского Пресвѣтлаго Величества полковника, вѣрнаго раба и слугу, ему протопопу, явному вору и весьма некчемному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаніемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводилося-бы безчестить и измышленными клеветами въ

народѣ тривогъ и смятенія затѣвати". Далѣе Чарнышъ перечисляетъ заслуги своего отца передъ Государемъ и свои собственныя и заканчиваетъ свою челобитную слѣдущиюмъ воззваніемъ. „Только и паки стократно пренайпокорнѣй Васъ, Великого Государя, Ваше Царское Пресвѣтлое Величество, со слезами прошу: умилосердися, Великій Государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и на ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами полчанами моими отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкого Лисовскаго, на котораго бія челомъ, у стопъ ногъ Монаршихъ со слезами упадаю".

Просьба Чарныша и гадяцкихъ обывателей была исполнена: Лисовскаго взяли изъ Гадяча, но вмѣсто того, чтобы отдать подъ судъ, назначили сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, и притомъ сотникомъ, назначеннымъ непосредственно русскимъ правительствомъ, помимо гетмана и, можетъ быть, противъ его воли, а также безъ всякаго участія выбора сотнянъ, что было почти повсемѣстно распространеннымъ обычаемъ въ то время.

Новгородъ-Сѣверскъ былъ однимъ изъ значительныхъ малорусскихъ городовъ въ XVIII в. Его населеніе, среди котораго было немало богатыхъ промышленниковъ, вело бойкую торговлю на многочисленныхъ мѣстныхъ ярмаркахъ, а также вывозило различные продукты мѣстной промышленности, преимущественно пеньку, лѣсъ и водку, въ Стародубъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Ригу, Кіевъ и др. города. Такимъ образомъ, Лисовскій получилъ очень доходное мѣсто, и, какъ увидимъ далѣе, съумѣлъ очень хорошо воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Но къ несчастью, это положеніе имѣло и невыгодныя стороны: Л—му на роду было написано терпѣть отъ козней своихъ враговъ. Въ Гадячѣ его преслѣдовалъ Чарнышъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ оказалась цѣлая партія недоброжелателей Л—го, которые сразу же повели противъ него аттаку и не давали ему покоя до тѣхъ поръ, пока не погубили окончательно: „какъ только я прибылъ на свой урядъ, разсказы-

ваетъ Л—ій въ одной изъ челобитныхъ [1]), того-жъ часу ажъ доселѣ (писано въ половинѣ 1719 г.) велено на мене инстиговать и гоныть бывшимъ новгородскимъ сотникомъ Кутневскимъ, также и мѣщанами тамошними". Во главѣ враждебной Л—му партіи стояли, кромѣ Данилы Кутневскаго, протопопъ Аѳанасій Заруцкій, Парѳенъ Пикулицкій (или Пекальницкій, какъ его называютъ иногда въ документахъ), бывшій сотеннымъ писаремъ въ 1717 г., а потомъ, во время розыска надъ Л—мъ въ концѣ 1718 г., наказнымъ сотникомъ, Семенъ Юркевичъ, впослѣдствіи наказной войтъ, его братъ Григорій, Ященко, занимавшій одно время урядъ сотеннаго хорунжаго и нѣкоторые другіе значительные граждане Новгородъ-Сѣверска. Лисовскій явился на мѣсто назначенія своего въ мартѣ 1715 г. [2]), и уже въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго, по проискамъ враговъ, ему пришлось оставить на время сотенную хоругвь и отправиться въ Глуховъ для розыска, который былъ порученъ генеральному бунчужному Лизогубу и канцеляристу Максимовичу. На этотъ разъ розыскъ кончился благополучно для Л—го, и, повидимому, только придалъ ему еще больше смѣлости, такъ какъ обнаружилъ полное безсилье гетманской власти. Пробывъ въ Глуховѣ недѣль 5—6, Л—й вернулся по прежнему на сотничество. Тогда, разсказываетъ Л—й, „новгородской сотни атамане, видя мою невинность, пріѣхали въ домъ мой всѣ и по своей добротѣ (или любви, по другому варіанту) написали они на имя Царского Величества челобитную, что въ невинность меня турбовано" [3]). Челобитная эта была составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій! Мы, нижайшіе рабы Вашего Царского Величества, всѣ едностатне бьемъ челомъ, благодарствуючи за присланнаго намъ сотника Ѳедора Лисовскаго, за которымъ вносимъ до Вашего Царскаго Величества нашу рабскую прозбу, что его безвинно супостатъ его, бывшій сотникъ Кутневскій, мстячися на его сотника за

---

[1]) Св. 43, № 38.

[2]) См. Лазаревскаго „Оп. Ст. Мал." 201.

[3]) Показаніе Л—го отъ 16 янв. 1719 г. противъ челобитной новг. обывателей. Св. 41, № 51. Тоже въ св. 42, № 7 и св. 43, № 61.

урядъ той сотничества, согласясь съ протопопою, невинне его, сотника Л—го, турбуютъ; а онъ, протопопъ Заруцкій, з жаднымъ сотникомъ не турбуючися не обошелся, а теперь за согласіемъ Кутневскаго, отъ котораго з его сотницства всѣ бѣду терпѣли, безвинно его сотника нашего турбуетъ, за котораго и мы много страдаемъ, о чомъ просимъ милости, жебы впредь того не было, за что долженствуемъ за васъ Бога молити". Внизу подпись какого то Ивана Миколовича Стегайла з сынами и двадцати восьми атамановъ, вмѣсто имени которыхъ выставлены кресты [1]). Подобный документъ показываетъ, повидимому, что Лисовскій, несмотря на свою скверную репутацію и происки враговъ, успѣлъ, однако, довольно скоро заслужить расположеніе извѣстной части населенія новгородъ-сѣверской сотни, по крайней мѣрѣ, большинства подвѣдомственныхъ ему сельскихъ атамановъ. Но дѣло объясняется гораздо проще: Лисовскій, чтобы имѣть лишній шансъ въ борьбѣ со своими недоброжелателями, не задумался составить подложный актъ: онъ объявилъ сельскимъ атаманамъ, что слѣдуетъ написать челобитную на имя гетмана съ просьбой смѣстить новгородскаго атамана Ивана Андреевича Судіенка, съ которымъ Лисовскій съ самого начала не ладилъ. Атаманы не смѣли ослушаться сотническаго приказа, а можетъ быть и сами ничего не имѣли противъ смѣщенія Судіенка: поэтому они дали свои подписи, не поинтересовавшись даже узнать, подъ чѣмъ они подписываются; когда впослѣдствіи на розыскѣ ихъ допрашивали объ этомъ, они откровенно признались, что не помнятъ, подписывались-ли они „на голомъ паперѣ", или же на немъ было что-нибудь написано, не помнятъ „того ради, что рѣчь давняя"; но при этомъ атаманы рѣшительно и единодушно заявили, что „къ челобитной, просячи о сотникѣ Лисовскомъ, рукъ не прикладывали; также

[1]) Челобитная эта, а также предшествовавшая ей поѣздка Лисовскаго въ Глуховъ для розыска, относятся къ первымъ двумъ годамъ сотничества Л—го (по всей вѣроятности къ началу 1716 г.), такъ какъ, по словамъ Кутневскаго (Св. 43, № 58), челобитная составлена писаремъ Иваномъ Никитовичемъ Трусомъ, который, какъ видно изъ его жалобы на неуплату ему заслуженнаго жалованья (Св. 38, № 43), занималъ эту должность въ теченіи 1715 и 1716 годовъ.

и о Данилѣ Кутневскомъ объ обидахъ и раззореніяхъ писать челобитенъ не велѣвали“ [1]). Такимъ образомъ, Лисовскій ловко обошелъ простодушныхъ сельскихъ атамановъ, и безъ особеннаго труда заручился документомъ, который, какъ онъ разсчитывалъ, можетъ ему со временемъ пригодиться. При первомъ-же представившемся случаѣ Л—й поспѣшилъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства о сочувствіи, которымъ онъ пользуется среди населенія своей сотни: въ бытность свою въ Кіевѣ онъ, по собственному признанію, словесно доложилъ о содержаніи атаманской челобитной губернатору кіевскому кн. Голицыну [2]).

Такой способъ заслужить народное расположеніе и популярность настолько понравился Л—му, что въ скоромъ времени онъ рѣшился прибѣгнуть къ нему вторично, только въ нѣсколько иной формѣ. Послѣ возвращенія Л—го изъ Глухова, гдѣ онъ одержалъ верхъ надъ своими противниками, борьба между нимъ и этими послѣдними возобновилась съ еще большей силой и ожесточеніемъ. Въ этой борьбѣ Лисовскій, надо думать, не оставался безъ союзниковъ. Трудно было-бы найти въ это время человѣка, который, занимая болѣе или менѣе выдающееся общественное положеніе и будучи облеченъ хотя-бы въ малой долѣ правомъ вязать и разрѣшать, не злоупотреблялъ-бы этимъ правомъ и не оставилъ-бы послѣ себя большаго или меньшаго количества людей обиженныхъ, ограбленныхъ или вообще такъ или иначе понесшихъ ущербъ отъ ихъ общественной дѣятельности. Ни Кутневскій, бывшій сотникъ новгородъ-сѣверскій, ни протопопъ Заруцкій не составляли, конечно, исключеній. Этимъ и воспользовался Л—ій: случилось, что новгородскіе мѣщане рѣшили съ общаго согласія подать гетману „суплику“ на протопопа Аѳанасія Заруцкаго; Л—ій и подсунулъ имъ „голый листъ паперу“ для подписей, говоря, что напишетъ потомъ на этомъ листѣ жалобу на протопопа. На такую уловку, пожалуй, и не поддались-бы видавшіе всякіе виды и уже искушенные новгородскіе мѣщане, которые смутно чувствовали, что пустое

[1]) Св. 43, № 61.

[2]) Св. 42, № 7.

мѣсто оставлено Л—мъ „до написанія, знать, нѣякогось своего фортелю“ [1]): имъ слишкомъ хорошо была извѣстна „природная хитрость“ ихъ сотника. Но Л—ій, на этотъ разъ, не ограничился одной хитростью и употребилъ въ дѣло и насилье. „Природу имѣючи не погамованную, пишетъ Кутневскій въ одной изъ своихъ безчисленныхъ челобитныхъ [2]), до злонравной хитрости, якою-бы людемъ возмоглъ зашкодити, онъ же Лисовскій вымыслилъ новое злохитра своего изобрѣтеніе: положивши голый папиръ, понудилъ мѣщанъ, по единому призываючи, руки свои подписовати, якожъ многими оного побоями и необыкновеннымъ страхомъ и уставичнымъ драпижствомъ перестрашенные люди мусили на томъ голомъ папирѣ имена свои подписовати и недопытуючися, страха ради, причины, для чего-бы тотъ сооружалъ бланкветъ“. По ихъ собственному заявленію „многіе, видячи его (Л—го) самовластіе, же во многихъ людскихъ жалобахъ и ясневельможнаго добродѣя (гетмана) не слухаетъ, мусили волю его исполнити“.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Л—го очутился листъ съ подписью наиболѣе именитыхъ новгородъ-сѣверскихъ гражданъ; суплика на протопопа была уже написана и подана гетману, и поэтому Л—й рѣшился воспользоваться этимъ листомъ для того, чтобы имѣть еще одно письменное доказательство народной любви и преданности. Вотъ что онъ написалъ на „голомъ паперѣ“: „Державнѣйшій Царь, Государь Всемилостивѣйшій, мы, нижеподписавшіе граждане Новгородка-Сѣверскаго, по всемощной грамотѣ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества въ 1714 г. [3]) принялисмолю безно себѣ за сотника Ѳедора Лисовскаго, которому по нашей повинности достойное воздавали послушенство, а онъ къ намъ также взаемную воздавалъ любовь, лечь, *не знаемъ на чію уповаючи надежду*, бувшій сотникъ Данило Кутневскій въ скоромъ времени началъ на Лисовскаго гонити з протопопою новгородскимъ Заруцкимъ, и

---

[1]) Св. 43, № 58: Челобитная новгородъ-сѣв. мѣщанъ.

[2]) Св. 43, № 61: Пункты Кутневскаго противъ Л—го, пунктъ 7.

[3]) По свѣдѣніямъ А. М. Лазаревскаго (Оп. ст. Мал. 201), которыя вполнѣ подтверждаются многими указаніями бывшихъ у насъ подъ руками документовъ, Л—й явился въ Новг.-Сѣверскъ въ мартѣ 1715 г., такъ что въ данномъ случаѣ

не могучи своимъ неправеднымъ доношеніемъ одолѣти (ясный намекъ на кончившійся ничѣмъ розыскъ, о которомъ говорено было выше), подвигнетъ Кутневскій, высшею властью повелѣваючи, народъ и почнетъ приказовать, абы въ его на Л—го написанныхъ пунктахъ руки подписовали, на що мы всеконечно не соизволяли, лечь онъ Кутневскій, не знаемъ по чіеи власти, иншихъ туремнымъ вязеніемъ, иншихъ страхомъ и битемъ до того притягалъ, же хто ничего и не знаетъ, на томъ руки подписовали, и такъ, чрезъ два годы нами бунтуючи, въ великое ратушъ и гражданъ привелъ изнищеніе, що мы, со слезами терпячи, не могли до кого апелловати, поневажъ если хто гдѣ Лисовского споменетъ, албо до его придетъ, то такого, ово вязеннемъ, ово битемъ каралъ, що всѣ чинити мусили по волѣ Кутневского, и не хотячи. А теперь, когда намъ з него Лисовскаго невинность Богъ и Государь оправдивши по прежнему вручили власть (по возвращеніи Л—го изъ Глухова послѣ розыска), тогда мы, якъ и прежде, повинность нашу готови отдавати ему Лисовскому; а Кутневскій и теперь своего не перестаетъ коварства, хотячи воздвигнути бунты, принялъ къ себѣ прежнихъ союзниковъ (слѣдуютъ имена наиболѣе непріятныхъ Л—му людей); а кромѣ ихъ вси мы, граждане и сѣлскіе, бемъ челомъ Вашему Царскому Величеству и рабско просимъ, да повелитъ Державство Ваше отихъ бунтовщиковъ смирить, жебы народу въ градѣ не смущали и власти повиновалися, а мы, вдержавши такое милосердіе за всемощное державство царское Вашего Пресвѣтлого Величества готови вышняго Царя въ долготу дней престола благати". Затѣмъ слѣдуютъ подписи (числомъ 41), среди которыхъ имена наказнаго войта (Иванъ Доморка), бывшаго войта (Степанъ Андреевичъ Быковскій), сотниковъ отдѣльныхъ частей городскихъ (между прочимъ новобарканской) и цехмейстеровъ восьми ремесленныхъ цеховъ: кравецкаго, шевскаго, ризницкаго, котлярскаго, ткацкаго, шаповальнаго, камницкаго и олейницкаго [1]).

очевидно, имѣется въ виду указъ о назначеніи Л—го сотникомъ, который, вѣроятно, предшествовалъ нѣсколькими мѣсяцами его прибытію на мѣсто.

[1]) Весь эпизодъ съ супликой гетману на Заруцкаго и „голымъ листомъ",

Судя по всему, дѣла Лисовскаго въ то время, когда онъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, были далеко не въ блестящемъ состояніи. Мы уже видѣли, что всѣ его попытки составить себѣ состояніе кончались неудачей и что въ концѣ своей дѣятельности въ Гадячѣ онъ оказывается, по выраженію Чарныша „весьма голымъ", такъ что отъ него даже и не ждутъ возмѣщенія всѣхъ причиненныхъ имъ убытковъ, а только просятъ убрать поскорѣе изъ Гадяча этого „бодрого до чужихъ коней и воловъ" протопопа. Поѣздка въ Москву и еще болѣе успѣхъ, которымъ эта поѣздка увѣнчалась, не могли, конечно, увеличить средствъ Л—го, такъ что явившись на сотничество, онъ не могъ даже пріобрѣсть себѣ въ собственность усадьбы, а поселился на общественный счетъ въ одномъ дворѣ, который скоро перешелъ въ другія руки, и новый собственникъ Ольшанскій сталъ выселять сотника изъ своего двора „не допуская ему тамъ больше мѣшкати". Лисовскій обратился къ гетману, и тотъ, снесясь съ мѣстными властями, отдалъ ему въ мартѣ 1716 г. „въ спокойное и зуполное владѣніе" дворъ Быстрицкаго, на рынкѣ, съ находящимися на немъ коморами [1]). Но доходы съ этого двора и коморъ припадлежали соборной церкви Успенія, и такимъ образомъ явился еще новый поводъ для столкновенія между Лисовскимъ и протопопомъ Аѳанасіемъ Заруцкимъ, тѣмъ болѣе, что сотникъ не ограничился отведеннымъ ему гетманскимъ универсаломъ дворомъ съ двумя коморами: воспользовавшись сосѣдствомъ съ доходными торговыми помѣщеніями на городскомъ рынкѣ, онъ скоро завладѣлъ и смежными со своимъ дворомъ коморами, а затѣмъ наложилъ руку и на другіе церковные доходы. Заруцкій вовсе не былъ

подписаннымъ мѣщанами, произошелъ въ 1717 г., какъ видно изъ выраженія „и такъ *через два годы* нами бунтуючи" (припомнимъ, что прибылъ Л—й на сотничество въ началѣ 1715 г.), изъ подписей Ивана Доморки—наказного войта, и Степана Андреевича Быковскаго, *бывшаго* войта (онъ занималъ эту должность въ 1715 и 16 г. г. и затѣмъ вторично съ конца 1717 г. до розыска въ концѣ 1718 г.). Кромѣ того, въ своемъ показаніи Л—й ссылается на бывшаго въ то время писаремъ Кирила, а Кирило Леонтьевъ, какъ видно изъ одного документа, подписаннаго имъ, былъ сотеннымъ писаремъ именно въ 1717 г.

[1]) Св. 43, № 61.

расположенъ отнестись снисходительно ко всѣмъ этимъ покушеніямъ сотника на церковное имущество. Уже въ августѣ 1716 г. онъ выхлопоталъ у гетмана новый универсалъ, которымъ подтверждается, что „вся грошовая прибыль съ мельницы пироговской (на р. Шосткѣ), с перевозу путивльскаго и мѣского, с коморъ, с двора брацкого скотного, торговаго, вагового и помѣрнаго“ должна идти на нужды соборной церкви; универсалъ заявляетъ, что въ настоящее время всѣ перечисленные выше доходы, „въ розные отъ закупщиковъ идутъ руки и невѣдомо куда тратятся; на будущее время для завѣдованія этими доходами протопопу поручается выбирать довѣренное лице, которое должно будетъ вести строгую отчетность, такъ чтобы „сотникъ и никто изъ урядниковъ и гражданъ тѣхъ церковныхъ приходовъ не запродавати и не закупать отнюдь не держалъ [1]). Но это было въ концѣ 1716 года, когда Лисовскій на опытѣ уже успѣлъ убѣдиться, что гетманская власть для него нисколько не опасна, и что онъ можетъ, ничѣмъ не рискуя, не обращать никакого вниманія на универсалы и „претительныя письма“ гетмана. Онъ такъ и сдѣлалъ, продолжая забирать въ свою пользу церковные доходы. Два года спустя, гетманъ издалъ новый указъ, которымъ удостовѣряетъ, что „тылко одинъ дворъ и въ немъ двѣ коморы для спряту его (Лисовскаго) домашняго, и то на время надалисмо“, а Л—й самовластно завладѣлъ также и окрестъ лежащими коморами (числомъ 24). „Такъ черезъ сей нашъ открытый листъ знову тые коморы до церкови святой приворочаемъ, поневажъ онъ, Лисовскій, противборствуя всегда указамъ нашимъ, насилно оныя похитилъ“. Въ это время сооружалось каменное зданіе для собора въ виду чего, по распоряженію гетмана, часть доходовъ съ коморъ должна идти „на потребные для докончения зданія церкви тоей експенса“ (расходы). Все-же самовольно забранное Л—мъ у закупщиковъ (съемщиковъ торговыхъ помѣщеній) мимо указовъ гетманскихъ сначала его сотничества „повиненъ онъ будетъ выплатити, и до шкатулки церковной отдати муситъ“ [2]). Какъ

[1]) Св. 38, № 31.

[2]) Св. 41, № 56.

показалъ впослѣдствіи розыскъ, Л—ій получилъ съ этихъ коморъ въ теченіи трехъ лѣтъ около двухсотъ рублей [1]), что составляло въ то время немалую сумму денегъ. Въ своихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Заруцкаго Лисовскій не ограничивался тѣмъ, что захватывалъ церковные доходы, на которые протопопъ, можетъ быть, и самъ разсчитывалъ; онъ наносилъ своему врагу ущербъ, гдѣ только могъ, и не только самъ, но и черезъ посредство другихъ: такъ напр., онъ разрѣшилъ крестьянамъ сотницкаго села Голубовки рубить лѣсъ на сосѣдней землѣ Заруцкаго (между Знобой [2]) и Руднею); крестьяне, разумѣется, широко воспользовались позволеніемъ сотника, такъ что Заруцкій долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ гетмана, который и далъ ему универсалъ, подтверждающій его владѣніе и разрѣшающій протопопу всѣхъ самовольно въѣзжающихъ въ это владѣніе „грабить и не допускати чинити спустошеніе; до котораго грунту панъ сотникъ новгородскій и никто изъ урядниковъ тамошнихъ никакого не повиненъ имѣти вступленія подъ виною тысячи талярей [3])“.

Другимъ постояннымъ противникомъ и неутомимымъ врагомъ Л—го былъ его предшественникъ, Данило Кутневскій. Кутневскій могъ имѣть, конечно, много поводовъ къ враждѣ къ Л—му, но однимъ изъ главныхъ мотивовъ, безспорно, было его положеніе

---

[1]) Св. 43, № 61. При дѣлѣ приложены два реестра, перечисляющихъ, кто и и на какихъ условіяхъ владѣлъ этими коморами; одинъ реестръ подписанъ Ильей Аѳанасьевымъ войтомъ со всѣми лавочниками, другой Назаромъ Степановымъ, ктиторомъ соборной церкви. Въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ то время было много ярмарокъ, во время которыхъ шла бойкая торговля въ рыночныхъ коморахъ. Поэтому при опредѣленіи арендной платы за комору получало рѣшающее значеніе, пріобрѣталъ-ли арендаторъ право торговли во время ярмарокъ, или нѣтъ; если-же пріобрѣталъ, то на какихъ условіяхъ: одна комора безъ ярмарокъ или съ одной ярмаркой стоила въ годъ 3 копы или отъ 4-хъ до 7 золотыхъ, съ правомъ торговать въ теченіи половины каждой ярмарки 4—10 золотыхъ, со всѣми ярмарками 5—8 копъ и 4—40 золотыхъ.

[2]) Село Зноба также принадлежало Заруцкому: оно было пожаловано ему гетманомъ, когда тотъ былъ въ Москвѣ „за труды въ составленіи конклузій въ нескончаемую хвалу и въ безсмертную славу Царскаго Величества“. Жалованная грамота была подтверждена Государемъ въ 1718 г. (Св. 40, № 4).

[3]) Св. 37, № 17.

бывшаго сотника. Не говоря уже о томъ, что К—ій не могъ отнестись дружелюбно къ человѣку, занявшему урядъ, отъ котораго его только что отставили, и что онъ поэтому недоброжелательствовалъ Л—му, по выраженію послѣдняго, „мстячися за тое сотництво", не говоря уже объ этомъ, такъ сказать, нравственномъ мотивѣ, бывшій сотникъ долженъ былъ постоянно сталкиваться со своимъ преемникомъ на почвѣ имущественныхъ отношеній. Обыкновенно сотникъ, кромѣ своего личнаго имущества, владѣлъ селами, поселенными его предшественниками „на корогву" (какъ напр. Голубовка, поселенная Черняемъ) или вообще такъ или иначе присвоенныхъ извѣстному уряду; оставляя сотницкій урядъ, онъ передавалъ и владѣніе этими селами и угодіями своему преемнику; въ большинствѣ случаевъ это, конечно, случалось, когда сотникъ умиралъ или получалъ другое назначеніе. Но иногда, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, гетманъ закрѣплялъ то или иное владѣніе за сотникомъ и его потомствомъ; особенно часто должно было это случаться съ угодіями, въ устройствѣ или упорядоченіи которыхъ сотникъ принималъ личное дѣятельное участіе. Такъ случилось и съ Кутневскимъ: будучи сотникомъ новгородъ-сѣверскимъ онъ сдѣлалъ на Деснѣ езъ [1]) для ловли рыбы, для чего и воспользовался трудомъ козаковъ своей сотни; гетманъ далъ ему универсалъ на владѣніе этимъ езомъ; но Л—ій на томъ основаніи, что езъ сдѣланъ козаками и Кутневскій владѣлъ имъ въ качествѣ сотника, предъявилъ на езъ свои права. Повидимому, сначала противники пытались войти въ сдѣлку: Л—ій предлагалъ, чтобы его взяли въ половину, Кутневскій соглашался, чтобъ Лисовскаго „была-бъ праца, а ево-бъ Даниловы сѣти". Но Л—ій ухитрился овладѣть универсаломъ и, уничтоживши его, не допустилъ Кутневскаго къ какому бы то нибыло участію во владѣніи езомъ [2]).

---

[1]) Езъ (галицкое язъ)—запруда, плотина; приспособленіе для ловли рыбы.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Кутневскій; Л—ій отрицаетъ фактъ уничтоженія универсала: онъ говоритъ, что никогда не видалъ его и даже не знаетъ, существуетъ ли подобный универсалъ (Св. 41, № 51, пунктъ 2).

Этимъ вражда между бывшимъ и настоящимъ сотникомъ, конечно, не ограничилась. Л—ій, при первомъ представившемся случаѣ насолить Кутневскому, высѣкъ канчуками его челядника, придравшись къ тому, что тотъ рано утромъ („часу въ пятомъ ночи") стрѣлялъ изъ пистоли и выстрѣлами своими будто-бы зажегъ близъ лежавшее сѣно, отъ чего могъ случиться пожаръ. Въ другой разъ Л—ій, сидя въ гостяхъ у хорунжаго сотеннаго Тимоша Смердовскаго, увидѣлъ, что мимо двора ѣдетъ другой челядникъ Кутневскаго, Василій Шишъ, и, вспомнивъ, что онъ провинился когда-то, сдѣлавъ нападеніе во главѣ кривоносовскихъ мужиковъ (с. Кривоносовка принадлежало Кутневскому) на дворъ мѣстнаго атамана,—сотникъ побѣжалъ и собственноручно избилъ Шиша. Все это не могло, конечно, не возстановить Кутневскаго еще болѣе противъ новаго сотника. Дѣло дошло (со стороны Л—го) до угрозъ „забить до смерти" и до покушеній (со стороны К—го). Однажды противники встрѣтились въ домѣ новгородскаго жителя Никиты Ануфріева, который справлялъ „весилля". Л—ій явился, кажется, неприглашенный: по крайней мѣрѣ въ своемъ отвѣтѣ онъ старательно подчеркиваетъ то обстоятельство, что *былъ* приглашенъ, и именно зятемъ хозяина Григоріемъ Шепеличемъ. Началъ онъ съ того, что устроилъ скандалъ женѣ атамана за то, что она не хотѣла уступить мѣста сотничихѣ, и тутъ-же, при случаѣ, сталъ говорить „ругательныя слова и безчестить" жену Кутневскаго. Затѣмъ, сидя въ свѣтлицѣ, Л—ій поносилъ самого Кутневскаго „передъ людьми публикуючи, что онъ изъ Санктъ-Питербурха ушелъ" (вѣроятно, намекъ на какое-нибудь неудачное искательство Кутневскаго). Тутъ, какъ на зло, явилась мѣщанка Ермолиха и стала жаловаться сотнику, что „поставлены къ ней на квартиру нѣсколько человѣкъ великороссійскихъ людей, которые ей учинили утѣсненія". Л—ій „послалъ спросить тѣхъ великороссійскихъ людей: по какому указу они у той мѣщанки стали?" Оказалось, что ихъ поставилъ Кутневскій; это показалось Л—му „запротивно, что мимо него, сотника, онъ, Кутневскій, по квартирамъ великороссійскихъ людей разставляетъ и тѣмъ его, сотника, уничтожаетъ". Кутнев-

скій, такъ разсказываетъ Л—ій, въ это время „сидѣлъ въ комнатѣ и, услыша, что я его за вышеписанное бранилъ“, пошелъ комнатными дверьми и приказалъ людемъ своимъ понабивать пистолета и дождаться на улицѣ меня забить до смерти“. Л—ій въ свою очередь послалъ челядника своего за саблей и, когда она была принесена, то вмѣстѣ съ другими челядниками задержалъ слугу Кутневскаго и сталъ его допрашивать; „и тотъ ничего мнѣ не сказалъ, говоритъ Л—ій, и я изъ свѣтлицы пошелъ въ комнаты“; вслѣдъ за этимъ „жена его Кутневскаго съ протопопицей (женой Заруцкаго) стали утекать“, но почему—Л—ій не объясняетъ, отговариваясь невѣдѣніемъ. „Когда я, продолжаетъ свой разсказъ Л—ій, съ вышеозначеннаго веселля съ женою своею и съ другими многими, которые на томъ веселлѣ были, пошелъ домой и увидѣлъ на улицѣ ночною уже порой стоячего человѣка, котораго спросилъ, что онъ за человѣкъ; и оный человѣкъ отвѣтствовалъ, что пана Кутневскаго сторожъ, а поставилъ его панъ и приказалъ смотрѣть, которою дорогою онъ сотникъ пойдетъ, и велѣлъ о томъ себѣ дать вѣдомость; и я того человѣка взялъ и привелъ въ домъ свой, который при многихъ людехъ вышеозначеныя рѣчи, повторяя, сказывалъ; а того сторожа ни самъ я, ни челядь моя не бивали, и посторонніе люди меня бить его не унимали, а только я, напоя того человѣка горѣлкою и давъ ему два гроши денегъ, изъ двора своего отпустилъ; а на дворъ его Кутневскаго я находить никогда не хотѣлъ [1])“.

Наконецъ, недоброжелатели Лисовскаго добились того, что надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Уже и прежде на Л—го поступало множество жалобъ гетману, и не разъ дѣло доходило до розыска; но, какъ мы уже сказали, гетманская власть въ этомъ случаѣ была безсильна: Л-й, въ сущности, не обращалъ никакого вниманія на гетмана и его репрессаліи и всегда благополучно отдѣлывался отъ гетманскихъ розысковъ,—онъ очень хорошо сознавалъ, что опирается на авторитетъ гораздо болѣе высокій, чѣмъ гетманъ, и только старался не упустить изъ подъ

[1]) Св. 41, № 51. Отвѣтъ Л—го на пункты Кутневскаго: пункть 1, 3, 4, 6, 7 и 8.

своихъ ногъ той почвы, на которой онъ такъ прочно стоялъ; Л—й былъ раза два въ Кіевѣ и не упустилъ случая словесно доложить тамошнему губернатору кн. Голицыну о томъ, какъ сильно привязаны къ нему сельскіе атаманы новгородской сотни; онъ ѣздилъ на встрѣчу кн. Глѣбову, заботился о томъ, чтобы быть на хорошемъ счету у стольника Протасьева — министра резидента при Скоропадскомъ, настойчиво указывалъ въ своихъ челобитныхъ на то, что пожалованъ сначала на протопопію въ Гадячѣ, а потомъ на новгородское сотничество за вѣрность во время измѣны Мазепиной,—однимъ словомъ, пользовался всѣми путями и средствами для того, чтобы укрѣпить за собою репутацію надежнаго и удобнаго человѣка, и продолжалъ себѣ спокойно дѣйствовать въ томъ направленіи, которое усвоилъ задолго до назначенія въ Новгородъ-Сѣверскъ, и которое было, пожалуй, единственно удобнымъ и безопаснымъ въ то время. Но Л—ій уже перешелъ мѣру и дѣйствовалъ слишкомъ беззастѣнчиво, при этомъ онъ не воздержался и отъ такихъ поступковъ, которые сильно роняли его репутацію,—и на этотъ разъ дѣло приняло болѣе серьезный оборотъ, чѣмъ когда-бы то ни было раньше. Протасьевъ получилъ изъ Петербурга приказъ учинить розыскъ и для этой цѣли послалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ капитана бывшаго полка Еропкина, Ивана Филипповича Хрипунова. У Лисовскаго, которому указъ запрещалъ присутствовать при розыскѣ, отняли хоругвь—знакъ его сотницкаго достоинства, и его самого отправили въ Глуховъ, гдѣ съ него взяли подписку о невыѣздѣ. Вотъ этотъ любопытный документъ: „1718-го года сентября 27-го по указу Великаго Государя и по присланнымъ Царскаго Величества грамотамъ изъ Санктпитербурха изъ посолской канцеляріи велено по челобитью новгородскаго протопопа Афанасія Заруцкаго и знатнаго товарища Данилы Кутневскаго съ товарищи [1]) на сотника новгородскаго во многихъ его сотницкихъ къ нему протопопу и ко всей сотнѣ обидахъ столнику Ѳедору Ивановичу Протасьеву разыскивать, и нынѣ

---

[1]) Въ подачѣ челобитныхъ принимали участіе Парѳенъ Пекалицкій (Св. 43. № 61), а также „новгородскіе и сельскіе обыватели“ (Св. 42, № 29).

онъ сотникъ Л—ій въ Глуховѣ явился; того ради собрать по немъ поручную запись, чтобъ ему сотнику до окончанія розыску изъ Глухова не ѣхать". Далѣе слѣдуетъ собственноручная „запись" Л—го: „По сему вышеписанному письму порукъ на мнѣ сотнику Ѳедору Лисовскому никого не будетъ, а я въ томъ подписуюся своею рукой, ежели я до вершенія вышеозначенныхъ дѣлъ, что изображено въ грамотахъ Царскаго Величества, изъ Глухова уѣду, и за то—бъ указалъ Царское Величество учинить мнѣ жестокое наказаніе и, покамѣсть я явлюся по прежнему въ Глуховѣ, указали-бъ держать жену мою за карауломъ. Ѳедоръ Лисовскій, рукою власною" [1]). Вопросъ о томъ, присутствовать-ли ему при розыскѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, или нѣтъ, былъ для Л—го очень важенъ; поэтому онъ и попробовалъ-было похлопотать о благопріятномъ для себя рѣшеніи этого вопроса; мотивировалъ онъ свою просьбу тѣмъ, что челобитчики безъ очной ставки съ нимъ, будто-бы „что захотятъ станутъ и неправду на меня говорить и писать" [2]). Но новгородъ-сѣверцы, хорошо зная нравъ своего сотника, не безъ основанія боялись этой очной ставки и поспѣшили подать отвѣтную челобитную, въ которой заявили, что Л—ій „ложно проситъ" и что „то онъ сдѣлалъ по своей природной хитрости, дабы своею бытностью народъ смущать страхомъ, яко уже и началъ не только на словахъ, но и на письменно дѣлать. А что насъ уличаетъ неправостью, и мы въ томъ, когда окончится розыскъ, будемъ просить о свидѣтельствѣ на тотъ розыскъ при немъ, Лисовскомъ, кромѣ капитана (Хрипунова) хочъ другими особами, и нынѣ, припадая къ императорскому престолу, всимъ городомъ со слезами покорне просимъ Вашего Царскаго Величества, да повелитъ Державство Ваше, подлугъ присланной своей премочнѣйшей монаршей грамоѳѣ, быть ему Л-му во время розыску въ иномъ городѣ. А отъ кого онъ увѣдомился, что будто мы неправду затѣваемъ и ложное свидѣтельство становымъ, о томъ его допросить, чтобы сказалъ онъ именно" [3]).

---

[1]) Св. 41, № 55.

[2]) Св. 43 № 61 и св. 46, № 81.

[3]) Св. 43, № 58 и 61. Челобитная подписана наказнымъ войтомъ Семеномъ

Старанія Л—го, такимъ образомъ, не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ оставаться въ Глуховѣ все время, пока длился розыскъ. Впрочемъ за это время ему пришлось побывать въ Новгородъ-Сѣверскѣ, но не надолго и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя не позволяли ему „своей бытностью народъ смущать страхомъ": Л—й былъ вызванъ изъ Глухова для допроса по спеціальному розыску полковника Ергольскаго. Еще раньше, вскорѣ послѣ шведской войны, полковникъ кіевскаго гарнизона Григорій Ергольскій былъ отправленъ въ стародубскій полкъ по дѣлу о раскольникахъ, которые, явившись сюда въ концѣ прошлаго вѣка (первое ихъ поселеніе относится къ 1669 г.), образовали въ Сѣверщинѣ цѣлыя слободы [1]). Затѣмъ въ 1714 и 15 г.г. Ергольскій былъ посланъ „въ малороссійскіе города для сыску и выводу бѣглыхъ драгунъ и солдатъ и прочихъ великороссійскаго народу людей на прежнія жилища" [2]). Лисовскій, Кутневскій и другіе урядники и державцы новгородской сотни должны были дать подписку, обязывавшую ихъ „великороссійской породы бѣглыхъ людей являть и впредь не принимать подъ жестокимъ штрафомъ и подъ смертною казнью" [3]). Всѣ захваченные бѣглые великороссійскіе люди были высланы и поселены на прежнихъ мѣстахъ жительства. Но вскорѣ многіе изъ нихъ снова вернулись въ Малороссію, и Л—ій не устоялъ противъ искушенія принять ихъ въ свою сотню, взявши, конечно, съ нихъ за это „искупъ денгами, хлѣбомъ, медомъ, горѣлкою". Одному изъ нихъ онъ позволилъ жить въ селѣ Кутневскаго Кривоносовкѣ, взявши за это „денежный скупъ" [4]); Кутневскій, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовался этимъ для того, чтобы подставить ногу своему заклятому врагу и представилъ великороссійскаго человѣка въ Новгородъ-Сѣверскъ для допроса. Въ другомъ случаѣ шесть великорусскихъ семей, выселенныя Ер-

Юркевичемъ, Василемъ Ивановичемъ, атаманомъ новг., и 26-ю другими значительнѣйшими гражданами.

[1]) Лазаревскій, Опис. Старой Малор., стр. 440—465.

[2]) Лазар., 446 и 458.

[3]) Св. 43, № 61 и св. 41, № 51

[4]) Св. 41, № 51, пунктъ 9.

гольскимъ изъ с. Ромашкова, вернулись туда снова, и когда мѣстный атаманъ, „боячися указу монаршего“, не принялъ ихъ, то бѣглецы отправились въ Новгородъ-Сѣверскъ и тамъ за двѣ куфы (бочки) горѣлки получили отъ Л—го „позволительное писаніе“, которымъ имъ разрѣшалось вольно жить въ с. Ромашковѣ, а атаману и мѣстнымъ властямъ предписывалось не вмѣшиваться въ это дѣло.

Въ указѣ о розыскѣ Протасьеву предписывалось принимать всѣ жалобы, челобитныя и пункты на Лисовскаго отъ новгородскихъ козаковъ и посполитыхъ обывателей[1]). Пароенъ Пикулицкій, назначенный наказнымъ сотникомъ на время розыска, по словамъ Л—го, „разсылалъ отъ себя по всей сотнѣ письма, упевняя тѣмъ, что уже я (т. е. Л—ій) сотникомъ не буду, чтобъ на меня пріѣзжали всѣ бить челомъ“[2]). Новгородъ-сѣверцы вздохнули свободно: „аще и многіе неудобьпоносные, пишутъ они въ своей челобитной, черезъ полчварталѣтнюю (отъ марта 1715 г. до сентября 1718 г.) Лисовскаго на сотничествѣ власть побои, забойство, мучительство, грабительство, поруганіе и невинне безчестье видѣли на многихъ насъ дѣйствіемъ бываемая, однакъ до сего времени мусили страха ради его безчеловѣчнаго, терпѣніемъ в(ы)носити, того ради, что иные хочи и держали (дерзали) во своихъ тяжкихъ обидахъ бить челомъ ясневельможному и по своему челобитью привозили до него претителные писма и универсалы, но онъ, чиня себе самовластникомъ, тые гетманскіе указы вси уничтожывалъ, честь гетманскую изпражняючи, и горшую бѣду за тое еще дѣлалъ“[3]). „А теперь, заявляютъ они въ другой челобитной, по злодышащой той бурѣ тишайшее Вашего Царскаго Величества намъ явилося милосердіе, подающее свободу всѣмъ на его невозбранно бить челомъ“[4]). И ободренные этимъ милосердіемъ царскимъ, а еще болѣе увѣренностью, что они ужъ навсегда освобождены отъ Л—го, нов-

---

[1]) Св. 43 № 58 и № 61.

[2]) Св. 41, № 51.

[3]) Св. 43, № 61. Просьба новгородцевъ не позволять Л—му присутствовать при розыскѣ.

[4]) Св. 43, № 58.

городъ-сѣверцы понесли Хрипунову свои „жалостливыя и плачливыя скарги", обвиняющія сотника во всевозможныхъ преступленіяхъ [1]. „Державнѣйшій Царь, Государь Всемистивѣйшій, такъ начинается большая часть этихъ челобитныхъ, написаныхъ на имя Императора; я нижеподписанный бью челомъ на Өедора Лисовскаго, который, ставши у насъ сотникомъ, якъ онымъ многимъ людемъ чинилъ обиды, грабителства, забойства, такъ и на менѣ бѣдномъ тые-жъ свои поступки выказалъ, ибо здоровье мнѣ умаливши немало, убожества моего позабиралъ, въ конецъ меня разоривши"; или: „панъ Лисовскій, сотникъ новгородскій, якъ звыклъ былъ свою жестокость противно всѣхъ оказывати, такъ и на убогомъ дому моемъ тое-жъ свое явилъ немилосердіе". Сотняне жалуются на „великіе свои утески", на „неудобпоносныя тяжести и озлобленія, которыя дѣлалъ Л—ій на убогомъ дворѣ" того или другого изъ нихъ, на „нестерпимую кривду"; обвиняютъ своего сотника въ „прохирствѣ" и „ненасытномъ драпижствѣ", въ томъ, что онъ „своей злохитрой обманой" разорилъ ихъ; объявляютъ, что у нихъ „напередъ сего такова мучительства и пытокъ батогами не бывало и нынѣ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ нѣтъ". Содержаніе этихъ челобитныхъ представляетъ собой длинный списокъ проступковъ и преступленій, которыя Л—ій успѣлъ совершить въ $3^1/_2$ года своего сотничества. Всѣмъ классамъ и сословіямъ новгородъ-сѣверской сотни досталось отъ его управленія: попы и державцы—помѣщики, урядники и богатые торговцы, козаки, ремесленники и мѣщане, женщины и даже дѣти—всѣ они одинаково жалуются на своего сотника, безцеремонность котораго въ притѣсненіи своихъ подчиненныхъ казалась невѣроятной даже въ ту эпоху ничѣмъ не сдерживаемаго насилія и своеволья старшины, которая въ погонѣ за наживой не останавливалась даже передъ азартной игрой въ измѣну и вѣрность, ловко пользуясь различными теченіями и тенденціями своего времени. Эта безцеремонность

---

[1] Эти жалобы и челобитныя составляютъ толстую тетрадь (Св. 43, № 58), озаглавленную: „Розыскъ о наглыхъ поступкахъ новгородскаго сотника Ө. Лисовскаго по челобитью всѣхъ новгородскихъ обывателей".

вполнѣ объясняется тѣмъ нѣсколько исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ Лисовскій находился въ качествѣ сотника.

Обыкновенно сотникъ, положеніе котораго, въ общемъ, было самостоятельнымъ и независимымъ, все таки находился подъ двойнымъ контролемъ: подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, съ которымъ, между прочимъ, считались и при назначеніи сотника на урядъ, и подъ контролемъ высшей администраціи: непосредственнымъ начальникомъ сотника былъ полковникъ, высшей инстанціей являлся гетманъ и генеральный судъ, съ которымъ урядникамъ часто приходилось имѣть дѣло и съ которымъ они, впрочемъ, умѣли ладить. Лисовскій былъ изъятъ изъ подъ обѣихъ формъ контроля: онъ былъ назначенъ сотникомъ по царскому указу, и не могъ быть смѣщенъ иначе, какъ по такому же указу. Это было, конечно, исключеніемъ, но исключеніемъ характернымъ, вполнѣ въ духѣ того времени. Такимъ образомъ Л—ій могъ не обращать никакого вниманія ни на общественное мнѣніе, которое было уже скандализовано его дѣятельностью въ качествѣ гадяцкаго протопопа и еще болѣе его внезапнымъ превращеніемъ изъ проворовавшагося попа въ сотника и которое имѣло достаточно поводовъ возмущаться его поведеніемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, ни на гетмана и генеральный судъ, который былъ безсиленъ противъ несмѣняемаго сотника.

Положеніе сотника, какъ мы уже сказали, было довольно самостоятельнымъ и независимымъ. Онъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть военную, административную и судебную: какъ козаки въ мирное время превращались въ простыхъ обывателей, занимавшихся земледѣліемъ и промыслами, такъ и ихъ командиръ становился начальникомъ края, въ которомъ они жили. Кромѣ того сотникъ имѣлъ обширную судебную компетенцію, которая распространялась на все населеніе. Фактически сотникъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своей сотнѣ, какъ полковникъ въ полку и гетманъ во всей Украйнѣ. Его дѣйствія были нѣсколько стѣснены городскимъ и ремесленнымъ самоуправленіемъ и мѣстными представителями церкви, но городской магистратъ, съ которымъ обыкновенно урядники вели постоянную борьбу, былъ

слишкомъ слабымъ противникомъ для такой крупной силы, какой являлся сотникъ въ сотенномъ городѣ и полковникъ въ полковомъ, и поэтому магистратъ, за очень рѣдкими исключеніями, всегда проигрывалъ въ этой борьбѣ. Во всякомъ случаѣ, Л—ій, который ставилъ ни во что гетмана и генеральную старшину, который „чинилъ себя самовластникомъ", не могъ встрѣтить серьезнаго препятствія въ комъ бы то ни было у себя дома въ Новгородкѣ, и, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ никѣмъ и ничѣмъ не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ.

С. Моравскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ[1]).

II.

Письменная почта и таможни.

До Румянцева только лишь въ Кіевѣ существовало правильно устроенное почтовое учрежденіе, во главѣ котораго въ началѣ второй полов. XVIII в., въ качествѣ директора, былъ маіоръ Скоропадскій; возилась исключительно казенная корреспонденція въ Москву, Петербургъ, Глуховъ и по направленію къ Царьграду, особыми нарочными, составлявшими при кіевской губернской канцеляріи такъ называемую рейтерскую команду. Для перевозки оффиціальныхъ бумагъ въ предѣлахъ гетманщины, при каждой полковой и сотенной канцеляріи находились всегда нарочные изъ козаковъ по очереди, подъ названіемъ „асаульцовъ" или „стойчиковъ"[2]), что составляло довольно тягостную натуральную повинность для осѣдлыхъ козаковъ, „отъдаляя онихъ отъ домовства", и въ то же время не вполнѣ обезпечивало своевременную доставку пакетовъ.

Румянцевъ на первыхъ же порахъ, по прибытіи своемъ въ Малороссію, озаботился устройствомъ правильнаго почтоваго сообщенія, безъ котораго немыслимо было бы приводить въ исполненіе предначертанія Императрицы Екатерины II объ ассимиляціи гетманщины съ прочими частями имперіи, по невозможности быстро сноситься со столицей по различнымъ воз-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1891 г., № 3.

[2]) Шафонскій. Топограф. описаніе черниגов. намѣстнич., стр. 123, 161.

никавшимъ вопросамъ, при маломъ количествѣ рейтеровъ, и опубликовывать то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ чрезъ полковыя канцеляріи.

Пользуясь разрѣшеніемъ Императрицы „о всемъ томъ, что можетъ служить къ народному облегченію и внутренней коммерціи, всѣ мѣри полезние изискивая, новими установлениями способствовать“ и находя практиковавшійся способъ пересылки корреспонденціи крайне неудобнымъ, Румянцевъ издалъ 7 іюня 1765 года указъ отъ имени малороссійской коллегіи, которымъ учреждалась во всей Малороссіи письменная почта для частныхъ и казенныхъ надобностей. Копіи съ указа были разосланы во всѣ полковыя канцеляріи, за подписью члена коллегіи, генеральнаго хоружаго Даніила Петровича Апостола, Іосифа Туманскаго и войсковаго канцеляриста Семена Магденка, съ приложеніемъ къ нимъ по одному экземпляру устава вновь учреждаемой почты, въ силу котораго избраніе лицъ на должности почтмейстеровъ и почталіоновъ предоставлялось полковымъ канцеляріямъ.

Чтобы новое дѣло не затормозилось на первыхъ порахъ по недостатку средствъ, Румянцевъ имѣлъ въ виду помѣстить почтовыя конторы въ частныхъ домахъ, принадлежащихъ тѣмъ лицамъ, которыя въ то же время могутъ быть назначены на должности почтмейстеровъ; оттого то онъ и предоставилъ право назначенія почтмейстеровъ и почталіоновъ полковымъ канцеляріямъ, какъ лучше знающимъ мѣстныхъ обывателей.

Во всякой почтовой конторѣ должно было быть по почтмейстеру изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, по назначенію полковыхъ канцелярій, при чемъ предлагалось послѣднимъ руководствоваться при назначеніи тѣмъ, чтобы это были люди надежные, скромные, вѣжливые, умѣли чисто писать и хорошо считать, а также, чтобы почтовыя конторы могли безопасно помѣщаться въ ихъ домахъ. Почталіоновъ на каждый почтовый перегонъ требовалось по два и чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ по двѣ лошади; въ почталіоны предлагалось выбирать людей трезвыхъ, скромныхъ, поворотливыхъ, изъ подсосѣдковъ, не торгующихъ мѣщанъ и посполитыхъ, преимущественно изъ того же села, гдѣ помѣщается почтовая контора.

Такъ какъ новые почтовые урядники вполнѣ замѣняли прежнихъ нарочныхъ козаковъ, то естественно, что и полковники, и сотники должны были распустить по домамъ „стойчиковъ", оставивъ лишь самое ограниченное число ихъ при себѣ, на случай чего либо экстреннаго.

Несмотря на назначеніе почтовыхъ служащихъ полковыми канцеляріями, они всецѣло подчинялись въ служебномъ отношеніи почтъ-директору, который имѣлъ право взыскивать съ нихъ и отставлять отъ службы. Чтобы пріохотить къ почтовой службѣ лучшихъ людей, Румянцевъ приказывалъ освобождать почтовыхъ урядниковъ отъ всякихъ податей и повинностей, но, чтобы отъ этого не было ущерба казнѣ, онъ предлагалъ назначать „маломощнихъ, а отънюдь не изъ виборнихъ или первихъ въ окладахъ платежемъ".

Вознагражденіе почтовыхъ урядниковъ производилось двояко—въ видѣ платы за нанимаемыя подъ почтовыя конторы квартиры и за содержаніе лошадей и, кромѣ того, давалось жалованье. Необходимыя суммы ассигновались изъ почтовыхъ сборовъ, которые поступали въ распоряженіе скарбовой канцеляріи.

Почтовыя пошлины взимались съ вѣса и по числу верстъ. За единицу вѣса брался одинъ золотникъ, а за единицу разстоянія 50 верстъ: за 1 золотникъ на разстояніи менѣе 50 верстъ, и свыше—до 75-ти верстъ, почтовая пошлина взималась въ размѣрѣ $^1/_4$ коп., за каждый слѣдующій золотникъ прибавлялось по $^1/_4$ коп. и за каждыя слѣдующія 50 верстъ прибавлялось тоже по $^1/_4$ коп., такъ что пересылка, напримѣръ, одного пуда на разстояніи 500 верстъ стоила 19 р. 20 к.

Почтой можно было отправлять корреспонденцію и посылки не тяжеле десяти пудовъ.

Лица, замѣченныя въ перевозкѣ писемъ и посылокъ помимо почты, подвергались штрафу въ размѣрѣ десяти рублей.

Въ почтовомъ уставѣ, составленномъ Румянцевымъ, были строго опредѣлены обязанности почтмейстеровъ.

По принесеніи присяги на должность, почтмейстеръ обязанъ былъ неотлучно находиться при конторѣ, не уѣзжая никуда даже на сутки безъ особаго всякій разъ разрѣшенія, дол-

женъ былъ лично самъ вѣдать отправку и пріемъ почты, ни на кого не сдаваясь, подъ штрафомъ въ десять рублей, и взимать съ частныхъ лицъ слѣдуемыя въ казну почтовыя пошлины. Чтобы ему не мѣшали внимательно относиться къ отправкѣ корреспонденціи, онъ долженъ былъ принимать письма лишь до трехъ часовъ дня, а чтобы его не безпокоили при пріемѣ, онъ долженъ былъ „зделать, где видавать и принимать писма, особое окно, для того, чтобъ никто, особливо простой народъ в контору не входилъ и ему в делахъ не дѣлалъ помѣшателства".

Что касается до почталіоновъ, то они должны были быть готовы за полчаса до прибытія почты, чтобы не задерживать дальнѣйшей отправки, надѣвать почтовые мундиры, имѣть при себѣ рожки, въ которые и трубить, при въѣздѣ въ города и деревни, а также „пред ущелинами, плотинами и мостами, дабы всякой слиша почте не мешалъ в дороги или на мосту, но оставлялъ ей свободной проездъ". Въ случаѣ, еслибы почта была ограблена, ближайшіе къ мѣсту происшествія обыватели должны были оказать содѣйствіе къ розысканію злодѣевъ, подъ страхомъ строгой отвѣтственности; а еслибы почталіонъ заболѣлъ въ дорогѣ или пала у него лошадь, то первый узнавшій это долженъ былъ озаботиться бережной доставкой почты къ мѣсту назначенія.

Письменную почту въ Малороссіи при Румянцевѣ возили по слѣдующимъ трактамъ туда и обратно: изъ Глухова — въ Кіевъ, Полтаву, Стародубъ, Черниговъ и Переяславъ, изъ Кіева— въ Стародубъ и Полтаву, изъ Полтавы въ Черниговъ, изъ Ромна въ Лубны. При этомъ корреспонденція развозилась и во всѣ попутные и близъ лежащіе города и мѣстечки: въ Кролевецъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Конотопъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Борзну, Прилуки, Пирятинъ, Переяславъ, Роменъ, Лубны, Гадячъ, Миргородъ, Опошню и проч. По всѣмъ этимъ трактамъ почта возилась туда и обратно по два раза въ недѣлю.

Всѣхъ почтовыхъ конторъ въ Малороссіи, а слѣдовательно, и почтмейстеровъ, было первоначально пятнадцать: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ, Конотопѣ, Козельцѣ, Стародубѣ, Переяславѣ, Полтавѣ, Ромнѣ, Лубнахъ, Прилукѣ,

Гадячѣ и Опошнѣ; всѣхъ же почталіоновъ въ Малороссіи было 165 человѣкъ и они имѣли для почтовой гоньбы каждый по двѣ лошади, всего 330 лошадей. Такъ какъ, согласно почтовому уставу 1765 г., почтмейстеры и почталіоны опредѣлялись на службу по выбору полковыхъ канцелярій изъ мѣстныхъ обывателей, то, по своей принадлежности къ тому или другому полку, почтмейстеры распредѣлялись такъ: отъ нѣжинскаго полка было 4 почтмейстера—въ Глуховѣ, Кролевцѣ, Нѣжинѣ и Конотопѣ, отъ кіевскаго, лубенскаго и гадяцкаго полковъ, по два—въ Кіевѣ и Козельцѣ, въ Ромнѣ и Лубнахъ, въ Гадячѣ и Опошнѣ, отъ стародубскаго, черниговскаго, переяславскаго и полтавскаго по одному въ полковыхъ городахъ, и отъ миргородскаго полка одинъ въ Прилукѣ. Что касается почталіоновъ, то они распредѣлялись по полкамъ слѣдующимъ образомъ: отъ нѣжинскаго 38, по 4—въ Глуховѣ, Нѣжинѣ и м. Олишевкѣ, по 3—въ Кролевцѣ и Конотопѣ, и по два—въ м. Батуринѣ, Борзнѣ, Воронежѣ, Мринѣ, сс. Тулиголовѣ, Алтыновкѣ, Комаровкѣ, Ярославкѣ, Мутинѣ и Райгородкѣ; отъ кіевскаго 16, по три—въ Кіевѣ и Козельцѣ, и по два—въ м. Носовкѣ, сс. Козарахъ, Семиполкахъ, Броварахъ и Чемерѣ; отъ стародубскаго 17, по два—въ м. Ропскѣ, Горскѣ, Гринскѣ, сс. Каменкѣ, Корсуновѣ, Кистрѣ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и три въ Стародубѣ; отъ черниговскаго полка 16, четыре въ Черниговѣ и по два—въ м. Городнѣ, Седневѣ, Сосницѣ, Менѣ, Березнѣ и въ с. Брусиловѣ; отъ переяславскаго 13, три въ Переяславѣ и по два—въ м. Яготинѣ, Барипполѣ, сс. Любарцахъ, Капустинцахъ и Княжичахъ; отъ полтавскаго 4, по два—въ Полтавѣ и с. Стасовцѣ; отъ лубенскаго 23, четыре въ Лубнахъ, три въ Ромнѣ и по два—въ м. Яблоновѣ, Куринькѣ, Глинскѣ, Лохвицѣ, сс. Чернухахъ, Бербеницѣ, Брисяхъ и Окопѣ; отъ миргородскаго 18, четыре въ Прилукѣ и по два—въ м. Монастырищѣ, Иваницѣ, Журавкѣ, сс. Голюнкѣ, Ярошовкѣ, Яблуновѣ и Хмѣловѣ; отъ гадяцкаго 14, по три—въ Гадячѣ и Опошнѣ и по два въ м. Зиньковѣ, Боркахъ, Ковалевкѣ и с. Липовой Долинѣ.

Эти свѣдѣнія о распредѣленіи почталіоновъ по полкамъ и по мѣстожительству имѣютъ большое значеніе въ томъ отноше-

ніи, что точнѣе опредѣляютъ направленія почтоваго сообщенія. Въ этомъ распредѣленіи замѣчается нѣкоторая странность— почталіоны въ поселеніяхъ прилуцкаго полка всѣ уроженцы миргородскаго полка, слѣдовательно, Румянцевъ не предоставилъ прилуцкой полковой канцеляріи права выбора и назначенія почтовыхъ урядниковъ, вѣроятно, почему либо ей не довѣряя.

Въ приложеніи къ „Топографическому описанію черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго помѣщена карта намѣстничества, составленная въ 1786 г., съ обозначеніемъ почтовыхъ трактовъ. Въ § 60 текста находимъ „росписаніе почтовыхъ дорогъ, по черниговскому намѣстничеству лежащихъ, съ показаніемъ почтовыхъ становъ, числа отъ стана до стана и до губернскаго города верстъ, и въ которыхъ мѣстахъ находятся почтовыя конторы“; послѣднихъ, сравнительно съ 1765 г. въ 1786 г. было больше.

Для скорѣйшаго приведенія новаго дѣла въ порядокъ, Румянцевъ назначилъ почтъ-директоромъ на всю Малороссію маіора Скоропадскаго. Канцеляріи должны были увѣдомить Скоропадскаго о назначеніи почтмейстеровъ и почталіоновъ, съ приложеніемъ ихъ поименныхъ списковъ, и тогда вновь устроенныя почтовыя конторы могли открыть свои дѣйствія.

Несмотря на строгій порядокъ, введенный Румянцевымъ въ почтовомъ дѣлѣ, на первыхъ же порахъ бывали злоупотребленія, вслѣдствіе чего, по его представленію, указомъ сената отъ 19 сентября 1765 г., было повелѣно „за подступную (умышленную) утайку партикулярныхъ (частныхъ) писемъ взыскивать штрафу за каждый золотникъ по рублю безъ всякаго упущенія“. Но, несмотря на взысканія, злоупотребленія продолжались, при чемъ иногда ихъ причиной бывало простое любопытство по отношенію къ содержанію не только частной, но даже казенной корреспонденціи, и притомъ даже со стороны такихъ лицъ, какъ самъ малороссійскій почтъ-директоръ, которымъ былъ послѣ Скоропадскаго Лаврентій Яковлевичъ Селецкій. Въ 1779 г. Румянцевъ сдѣлалъ Селецкому слѣдующее замѣчаніе:

„Господину надворному совѣтнику и почтъ-директору, Селецкому.

Читалъ я не безъ удивленія рапортъ вашъ, отъ 19-го числа минувшаго февраля подъ № 43, и въ ономъ видѣлъ вашъ и почтмейстера прилуцкаго, Прокоповича, поступки обоихъ званіямъ вашимъ весьма неприличными и паче дѣйствіемъ непозволеного любопитства, нежели наблюденія описаного вами тутъ указа[1]). Тотъ указъ выполнять надлежащимъ образомъ слѣдуетъ при подачѣ на почту писемъ отправляющимъ почтмейстерамъ, чтобы наблюдено было государственное о почтахъ узаконеніе и дабы дѣлающіе злоупотребленія обличены и наказаны были, а почта жъ въ свое извѣстно-положенное время отправляема и всѣ писма, а колми паче указы по надписямъ, кому надлежитъ, безъ задержанія вѣрно доходили и непозволенное, особливо въ государственныхъ дѣлахъ, любопытство было-бъ пресѣчено. Вы имѣете по сему свой, изыскавъ отъ прилуцкаго почтмейстера, отвѣтъ ко мнѣ представить въ томъ, для чего коснулись указъ распечатать и, распечатавъ оной, при надписѣ, а также писмо, ко мнѣ адресованное, не доставили, потому что государственныя дѣла не могутъ быть удержаны. Вамъ неналежно знать, кто что къ людямъ въ отправленіи пишетъ, такъ какъ ко мнѣ могутъ быть письма, не о партикулярныхъ и весьма важныхъ дѣлахъ писанные. А прилуцкій почтмейстеръ съ чего таково сомнѣніе взялъ, и какъ дѣло указное, то для чего не по надписи съ примѣчаніемъ своего сомнѣнія, но къ вамъ отправилъ, и слѣдовательно, въ производствѣ дѣла учинилъ остановку, при отвѣтѣ должномъ вы пояснить должны, а также, въ первое ли таково сомнѣніе на почтахъ вѣдомства вашего найдено и какіе въ томъ взяты были мѣры. За полученіемъ сего моего ордера, имѣете, на основаніи онаго, всѣмъ почтмейстерамъ подтвердить, чтобъ на таковыя сомнѣнія, при отправленіи писемъ, дѣлали они свои примѣчанія и въ тѣ мѣста, откуда таково прислано будетъ, немедленно отзывались, дабы при нихъ таковые пакеты распечатываемы и въ подобныхъ

[1]) Указъ Румянцева, 16 октября 1767 г.

злоупотребленіяхъ обличенные, по силѣ указа, штрафованы, а всякіе письма, паче-жъ публичные дѣла, какъ выше сказано, въ свое время отправляемы и безъ задержанія по надписямъ отдаваемы были. Глуховъ, 15 марта 1779 г. Графъ Румянцевъ".

Составленный Румянцевымъ для малороссійскихъ почтъ уставъ сохранялъ силу до времени учрежденія намѣстничествъ; онъ былъ подтвержденъ Высочайшимъ рескриптомъ на имя Румянцева, отъ 26 октября 1781 г.: „Учрежденная вами въ 1765 году, по благоугодности Нашей, почта, для пересылки всякаго рода писемъ, долженствуетъ остаться на прежнемъ основаніи до будущаго о почтахъ Нашего установленія, распорядя оную по настоящему состоянію дорогъ и устроенію губернскихъ и уѣздныхъ городовъ. Но что принадлежитъ до почтъ и дорогъ для проѣзда между губерніями и уѣздными городами, содержаніе оныхъ есть дѣло общественное; мы токмо желаемъ, чтобъ тутъ со стороны вашей и всѣхъ прочихъ мѣстъ и особъ, вамъ подчиненныхъ, къ коимъ попеченіе о сей части относится, при наблюденіи прямой пользы, нужды и исправности, отвращены всякія злоупотребленія и народная тягость" [1]).

Настоящая резолюція Императрицы послѣдовала въ отвѣтъ на донесеніе Румянцева отъ 24 августа 1781 г., помѣченное с. Черешеньки, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Въ Малой Россіи имѣются двѣ почты. Одна, для пересылки всякого рода писемъ въ Малороссіи и комуникаціи съ околичными губерніями, съ опредѣленными почтмейстерами и почталіонами, въ 1765 году мною учрежденная; другая, для возки курьеровъ и иныхъ переѣзжающихъ по введенному за бывшихъ гетмановъ обыкновенію; держатся онѣ отъ малороссійскаго скарба по главному московскому тракту отъ Глухова до Кіева въ 14 стансіяхъ, на каждой по 12 лошадей, на глуховской же по 17, а на батуринской по 15, по контрактамъ

[1]) Шафонскій, l. c. p. 132.

съ рядчиками, но издревле при станціяхъ никогда почтовыхъ домовъ не было и нынѣ нѣтъ, кромѣ для почтарей избъ. А какъ въ ново-учрежденныхъ губерніяхъ при иныхъ благоустроеніяхъ сдѣланы дороги по положенію и установлены почты, почтовые дома, съ опредѣленнымъ отъ обывателей, или инаковымъ образомъ, содержаніемъ, равно и въ Малой Россіи, за учрежденіемъ намѣстничествъ, по положенію оныхъ все то устроено быть должно, то и о семъ буду ожидать Высочайшаго повелѣнія, тѣмъ паче, что всякіе новые сборы и наряды пресѣчены".

По настоящей выдержкѣ изъ донесенія Румянцева мы знакомимся съ устройствомъ при немъ въ Малороссіи почтъ для проѣзжающихъ. Завѣдываніе этими почтами было поручено сотеннымъ правленіямъ.

Въ 1782 г., въ виду полной реорганизаціи административнаго строя Малороссіи, и въ почтовомъ дѣлѣ произошли реформы: былъ учрежденъ малороссійскій почтамтъ, которому и было поручено завѣдыванье почтами и назначеніе почтовыхъ служащихъ и который подлежалъ вѣдѣнію почтоваго департамента [1]). Почтовыя пошлины, собираемыя въ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ намѣстничествахъ, были причислены къ общимъ почтовымъ доходамъ, изъ которыхъ и производилась уже уплата жалованья почтъ-директорамъ, почтмейстерамъ и почталіонамъ, а также всѣ необходимые расходы по содержанію почтъ [2]).

Указомъ 26 октября 1781 г. были отложены еще до будущаго времени реформа таможеннаго дѣла и генеральное межеваніе; но дальнѣйшій ходъ историческихъ событій сдѣлалъ почти излишней реформу таможеннаго дѣла въ Малороссіи. Въ своей всеподданѣйшей запискѣ Румянцевъ писалъ о таможняхъ слѣдующее:

1) П. С. З. № 15316.
2) П. С. З. №№ 15419, 15420.

„Изъ таможенъ, въ Малой Россіи находящихся, входятъ въ губерніи: кіевскую—васильковская, съ ея заставами—межигорскою, переяславскою, секиринскою и стайковскою, и сорокошицкая, а вѣдѣнія сей послѣдней застава каменская одна, въ черниговскую. А какъ отъ 16 числа минувшаго февраля при всенижайшемъ моемъ представленіи Вашему Императорскому Величеству объясненія о примѣченномъ съ 1770 года въ сборахъ васильковской таможни умаленіи донесено, колико смотръ таможнямъ по предположенію Вашего Иимператорскаго Величества необходимо потребный долженъ быть и весьма полезнымъ для того, что по стеченію многихъ обстоятельствъ и по тому генеральному заключенію, что таможни и пошлинный сборъ должны по уваженіямъ къ своимъ фабрикамъ, торговли и удобности къ вывозу своихъ и ввозу надобныхъ иностранныхъ товаровъ, учреждаемы и въ нихъ служители не по знатности чиновъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ лучшихъ качествъ, отъ коихъ тутъ все и зависитъ, опредѣляемы быть. Многія изъ настоящихъ таможенъ пе въ сходственномъ находятся положеніи, то, я за тѣмъ и за сдѣланнымъ уже отъ статского совѣтника Даля таможнямъ осмотромъ и что и строенія ихъ уже обветшали, буду ожидать всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества рѣшенія“.

Краткія свѣдѣнія о числѣ служащихъ въ малороссійскихъ таможняхъ чиновниковъ, цольнеровъ, мы имѣемъ въ запискѣ А. И. Чепы о таможняхъ, помѣщенной нами въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1890 годъ.

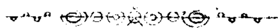
Съ расширеніемъ границъ Россіи малороссійскія таможни становились все менѣе нужны, и правительству приходилось заботиться объ устройствѣ таможенъ по раздвинувшимся границамъ, что мы и видимъ въ сенатскихъ указахъ [1]) отъ 5 февраля 1776 г. о дѣйствіи новаго тарифа во вновь учрежденныхъ таможняхъ: портовой при Азовскомъ морѣ и двухъ пограничныхъ-никитинской и миргородской, а отъ 26 мая того-же года объ учрежденіи въ новороссійской и азовской губерніяхъ портовыхъ

[1]) П. С. З, №№ 14431, 14478.

и пограничныхъ таможенъ и заставъ по приложенному къ указу штату; малороссійскія же таможни были прежде всего переданы въ 1780 году въ вѣдѣніе генералъ губернатора, чтобы онъ могъ распорядиться ими по своему усмотрѣнію [1]). Слѣдствіемъ послѣдняго указа было ближайшее ознакомленіе Румянцева съ состояніемъ малороссійскихъ таможенъ чрезъ посредство ревизіи ихъ, произведенной статскимъ совѣтникомъ Далемъ, и въ результатѣ вышеприведенное нами донесеніе Императрицѣ о неудовлетворительности ихъ состоянія. Въ Высочайшемъ рескриптѣ Румянцеву, разрѣшавшемъ нѣкоторые, поставленные Румянцевымъ въ его всеподданнѣйшей запискѣ, вопросы, реформа томоженнаго дѣла въ Малороссіи откладывалась до будущаго времени и это будущее само указало, что таможни въ Малороссіи были излишни съ тѣхъ поръ, какъ она стала вполнѣ внутренней провинціей имперіи, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ 26 мая 1782 года высочайшій указъ [2]) сенату объ уничтоженіи таможенъ и заставъ, имѣющихся на границахъ малороссійскихъ губерній съ бѣлорусскими, о свободной торговлѣ между этими губерніями и объ учрежденіи таможенъ и заставъ на границѣ имперіи. Въ слѣдующемъ 1783-мъ году состоялся указъ [3]) Румянцеву объ оставленіи одной лишь васильковской таможни въ кіевскомъ намѣстничествѣ, съ общимъ всѣмъ остальнымъ таможнямъ имперіи тарифомъ.

Что касается генеральнаго межеванія, то, несмотря на то, что Императрица сознавала его настоятельную необходимость, оно не было осуществлено не только въ ея царствованіе, но и ни въ одно изъ послѣдующихъ до знаменательной эпохи реформъ въ царствованіе императора Александра II, согласно Его указу отъ 27 января 1858 года [4]).

Н. В. Стороженко.



---

[1]) П. С. З. № 15042.

[2]) П. С. З. № 15407.

[3]) П. С. З. № 15878.

[4]) Ханенко. Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. Черниговъ. 1870. Стр. 114—121.

ЗАПИСКИ
МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).[1]

X.

Волынь.—Тадеушъ Валевскій.—Викентій Тышкевичъ.—Съѣзды и приготовленія.—Извѣстіе о ноябрьскомъ движеніи.—Контракты въ Кіевѣ.—Генералъ Кайсаровъ.—Братья Тышкевичи.

На выборы въ Житомиръ не пріѣхалъ ни Тадеушъ Валевскій, ни одинъ изъ его явныхъ подначальныхъ; не было даже купца Лаговскаго, который не привыкъ пропускать такія торжества безъ того, что не привезти на нихъ своихъ товаровъ: борзыхъ, обезьянъ и горчицу. Всѣ выѣхали со своимъ начальникомъ въ Галицію, а оттуда въ Карлсбадъ. Члены семейства Піотровскихъ, которое на Волыни покровительствовало Тадеушу Валевскому, подобно тому какъ въ Подоліи Еловицкіе покровительствовали Викентію Тышкевичу, утверждали, что это былъ очень искусный маневръ съ цѣлью укрыться отъ взоровъ властей и вмѣстѣ съ тѣмъ войти въ соглашеніе съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, котораго можно было найти только заграницей. Піотровскіе, которые по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ были сторонниками наслѣдственной монархіи, считали роды князей Чарторыйскихъ и Сангушковъ за роды, имѣющіе, по устраненіи саксонской династіи, право на польскую корону. Однако, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, эти Піотровскіе отличались однимъ, такъ сказать спеціально польскимъ, недостат-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1891 г., № 8.

комъ, который, быть можетъ, принесъ болѣе всего зла польскому дѣлу,—необузданной страстью командовать всѣми, водить всѣхъ за носъ, соединеннымъ съ отсутствіемъ рѣшимости стать самимъ во главѣ дѣла изъ боязни и тѣни отвѣтственности. Благодаря ихъ усиліямъ былъ не выбранъ, а скорѣе намѣченъ Тадеушъ Валевскій, человѣкъ въ высшей степени легкомысленный и безразсудный, лишенный всякаго національнаго чувства, даже не знавшій, что такое была Польша, необразованный, не выдававшійся заслугами среди дворянства, человѣкъ, единственное достоинство котораго заключалось въ томъ, что онъ былъ мужемъ Анны Карвицкой, хорошей патріотки и умной женщины, принесшей ему въ приданое запасъ венгерскаго изъ погреба въ Мизочѣ, подобнаго которому не было ни въ Польшѣ, ни въ Венгріи. Піотровскіе боялись двухъ кандидатовъ на это мѣсто: кн. Романа Сангушка, котораго желали всѣ волынскіе помѣщики, и кн. Михаила Радзивилла, подлужанскаго и бердичевскаго, который принялъ бы на себя начальство, если бы оно было ему предложено Кн. Романъ Сангушко былъ храбрымъ офицеромъ русской гвардіи, слылъ за человѣка съ твердымъ характеромъ, носилъ имя Романа Сангушка, подвиги котораго воспѣвалъ Падура и другіе поэты украинской школы. Михаилъ Радзивиллъ служилъ при Наполеонѣ полковникомъ въ польскомъ войскѣ, былъ женатъ на Ворцель, семейство которой имѣло большое значеніе среди помѣщиковъ, и считался хорошимъ администраторомъ.

Упомянутый выше недостатокъ польскаго общества—соперничество, доходило до того, что даже близкіе родственники Чайковскихъ и Гленбоцкихъ неохотно видѣли маршалкомъ Яна Канта Гленбоцкаго, а особенно въ описываемое время, потому что онъ былъ человѣкомъ съ сильной волей, выдававшимся благодаря своимъ заслугамъ и въ средѣ помѣщиковъ, и въ русской арміи, гдѣ онъ отличился мужествомъ и способностями, потому что онъ былъ человѣкомъ образованнымъ, получившимъ въ виленскомъ университетѣ дипломъ на степень магистра правъ и администраціи, потому что имѣлъ обыкновеніе входить во все самъ, ни на кого не полагаясь, и втеченіе шестилѣт-

няго предводительства показалъ, что никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои распоряженія. За это то и хотѣли смѣстить его съ предводительства.

Житомирскій повѣтъ состоялъ тогда изъ двухъ частей: Полѣсья на лѣвомъ берегу Тетерева, которое издавна, еще съ тѣхъ поръ, когда повѣты житомирскій и овручскій входили въ составъ кіевскаго воеводства, принадлежало къ этому повѣту, и Украины, на правомъ берегу Тетерева, только незадолго предъ тѣмъ присоединенной къ волынской губерніи, а нынѣ опять принадлежащей къ кіевской и составляющей бердичевскій уѣздъ. Полѣшуки и украинцы были постоянно между собой въ распряхъ, носившихъ политическій характеръ. Первые были демократами, потому что между ними было мало крупныхъ землевладѣльцевъ, украинцевъ же называли аристократами, потому что среди нихъ было много людей богатыхъ и образованныхъ. Гленбоцкіе давали тонъ на Полѣсьѣ, такъ какъ были тамъ богаче другихъ, на Украинѣ же первенствовали генералъ Корженевскій и Северинъ Залесскій, а подъ ихъ верховенствомъ Піотровскіе распоряжались этою частью повѣта.

Подъ предлогомъ удовлетворенія желаній обѣихъ частей повѣта, было предложено выставить на должность предводителя трехъ кандидатовъ: Яна Канта Гленбоцкаго, чтобы удовлетворить полѣшуковъ, меня, чтобы сдѣлать пріятное генералу Корженевскому и Северину Залесскому, моему предполагаемому тестю, и наконецъ Барошевскаго, человѣка добраго, но не пользовавшагося значеніемъ въ обществѣ и необразованнаго. Изъ 220 голосовъ мой дядя Кантъ Гленбоцкій получилъ 64 отрицательныхъ, а я всего только пять, и такимъ образомъ я оказался избраннымъ въ предводители. Я не хотѣлъ принимать этой должности, такъ какъ любилъ и уважалъ Канта Гленбоцкаго, и сослался на свое камеръ-юнкерство, противъ чего нельзя было ничего возразить. Гленбоцкій остался предводителемъ, предупредивъ, что черезъ годъ откажется отъ должности, а я, получивъ отпускъ въ Петербургѣ, вступлю, какъ кандидатъ, въ исправленіе его обязанностей. Смущеніе было большое, но дѣло уладилось. Я разсказываю объ этомъ случаѣ

единственно для того, чтобы показать, какъ недостатокъ общественнаго сознанія у поляковъ вредилъ дѣлу и какъ, вслѣдствіе этого, людямъ самостоятельнымъ и достойнымъ преграждали возможность служить обществу и во главѣ управленія ставили людей негодныхъ, а боязнь отвѣтственности умножала число трусовъ и интригановъ, вредившихъ всякому дѣлу, за которое брались.

Во время этихъ выборовъ мы получили извѣстіе о ноябрьскихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

Въ то время какъ Тадеушъ Валевскій почти не подавалъ признаковъ своего существованія, его ближайшіе сторонники— Піотровскіе, Карлъ Буржинскій, Михаилъ и Мартынъ Краевскіе и Игнатій Стемпковскій, который на послѣднихъ выборахъ попалъ въ заславскіе предводители дворянства, объѣзжали всю Волынь, болѣе присматриваясь къ средствамъ жителей, возбуждая патріотизмъ и готовность къ возстанію, нежели устраивая политическую организацію. Викентій Тышкевичъ гораздо добросовѣстнѣе и разумнѣе выполнялъ свои обязанности: онъ пригласилъ къ себѣ на съѣздъ въ Очеретяную болѣе выдающихся помѣщиковъ изъ Подоліи и Украины; здѣсь былъ установленъ правильный денежный сборъ, не помню, по дукату или по два съ души, въ каждомъ повѣтѣ назначенъ повѣтовый начальникъ, на обязанности котораго лежало вычисленіе вооруженныхъ силъ, какія каждый повѣтъ долженъ былъ выставить въ поле и т. п.

Предъ этимъ съѣздомъ Іосифъ и Германъ Потоцкіе, которые были съ нами въ очень близкихъ отношеніяхъ и жили въ Бѣлиловкѣ, въ тогдашнемъ махновскомъ уѣздѣ, потребовали посылки делегатовъ отъ насъ, потому что на Волыни никто объ этомъ съѣздѣ и не подозрѣвалъ. Тогда, вмѣстѣ съ Потоцкими, поѣхали Карлъ Ружицкій, Игнатій Струмилло, Северинъ Пильховскій. Возвратясь, они разсказывали, что на этотъ съѣздъ пріѣхалъ генералъ Козловскій-сынъ изъ Зозова, который такъ отличился въ персидскую войну подъ Эриванью, командуя русской кавалеріей, а потомъ въ 1827—28 гг. въ азіатской Турціи. Оставивъ военную службу, онъ служилъ теперь предводителемъ дворянства. Безъ обиняковъ онъ сказалъ, что

примкнетъ къ возстанію, но только съ условіемъ, чтобы ему было поручено командованіе войскомъ съ неограниченною властью; далѣе онъ говорилъ, что для него важно не количество силъ, какое могутъ выставить мѣстные жители, а только полное послушаніе, что, начавши съ отрядомъ даже въ сотню всадниковъ, онъ увѣренъ, что скоро будетъ располагать нѣсколькими тысячами отборнаго войска; догадывались, что онъ разсчитываетъ на военныя поселенія на Украинѣ, гдѣ у него было много старинныхъ товарищей и пріятелей.

Козловскій былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, съ неистощимымъ запасомъ энергіи, закаленный въ трудахъ, благодаря военной службѣ и постоянной охотѣ, онъ считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ, какіе только были между поляками. Все говорило за выборъ его въ вожди возстанія. Только политическій смыслъ поляковъ воспротивился этому.

Первый Викентій Тышкевичъ высказался противъ него:

Мнѣніе Викентія Тышкевича одобрили, предложеніе генерала Козловскаго было отвергнуто съ негодованіемъ, котораго не съумѣли даже прикрыть любезностью, и Козловскій уѣхалъ, заявляя, что не желаетъ имѣть никакого отношенія къ возстанію.

На съѣздѣ было постановлено оставить гражданскую и военную власть за Викентіемъ Тышкевичемъ, а старому Еловицкому и тремъ его сыновьямъ поручено разыскиваніе главнокомандующаго, чѣмъ они и занялись.

Сборъ денегъ шелъ въ Подоліи и на Украинѣ очень успѣшно.

На всѣ приготовленія смотрѣли сквозь пальцы, и на Украинѣ, и въ Подоліи готовились серьезно и старательно.

Мы, въ бердичевскомъ повѣтѣ, вручили командованіе Карлу Ружицкому, считавшемуся лучшимъ офицеромъ во 2-мъ уланскомъ полку. Онъ вступилъ въ военную службу въ 1809 г.,

вмѣстѣ съ генераломъ Дверницкимъ; взятый въ плѣнъ подъ Миромъ, онъ провелъ богатые событіями годы на югѣ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго; по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи, когда оно было вновь организовано, Ружицкій вступилъ въ него въ чинѣ подпоручика; вышелъ онъ въ отставку въ чинѣ капитана, но и находясь въ отставкѣ, онъ поддерживалъ въ себѣ военный духъ и имѣлъ высокое понятіе о военномъ искусствѣ, много читалъ по своей спеціальности и постоянно изучалъ дѣянія великихъ полководцевъ. Онъ былъ прекраснымъ кавалеристомъ, можетъ быть, лучшимъ въ польскомъ войскѣ, потому что, когда въ Варшаву пріѣхалъ какой то англійскій принцъ посмотрѣть знаменитую кавалерію Цесаревича Константина Павловича, то выбранъ былъ взводъ изъ 2-го уланскаго полка и Ружицкій былъ вызванъ для командованія этимъ взводомъ изъ Бердичева, гдѣ проживалъ въ качествѣ ремонтера. На Саксонской площади этотъ взводъ показалъ такія чудеса кавалерійскаго искусства, что англичанинъ былъ совершенно пораженъ; за это Ружицкій получилъ чинъ поручика и коня изъ конюшни Цесаревича. Послѣдствія показали насколько онъ былъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Кружокъ, который выбралъ его въ начальники, составлялъ какъ бы одну семью; все это были товарищи по школѣ, вмѣстѣ охотившіеся и веселившіеся дома, и смѣло могу сказать, что это была отборная молодежь, какъ по рожденію, такъ и по образованію и по свѣтскому воспитанію.

Такъ мы устроились у себя, но только Тадеушъ Валевскій не хотѣлъ ничего знать о Ружицкомъ, а Ружицкій не заискивалъ у Валевскаго.

Игнатій Стемковскій, глава тампліеровъ, когда его спросили о Валевскомъ, отвѣчалъ:

— Онъ не виноватъ ни душей, ни тѣломъ; политика не про него писана; дѣлайте какъ знаете и какъ можете и, если Богъ поможетъ, то все пойдетъ хорошо.

Это былъ очень характерный взглядъ, который тогда выражался этими государственными людьми.

Были вѣсти изъ Варшавы, но столь извращенныя, что трудно было доискаться въ нихъ истины. Такъ напримѣръ, слухъ, который циркулировалъ тогда у насъ и о которомъ я не находилъ впослѣдствіи въ писаніяхъ эмигрантовъ ничего ясно и опредѣленно сказаннаго, заключался въ томъ, что будто Замойскіе объявили Цесаревича Константина лишеннымъ польской короны, которую предполагалось возложить на его голову, и намѣревались предложить ее одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, какъ члену ультра-католической семьи, и что вся эта комбинація была устроена австрійскимъ консуломъ въ Варшавѣ, женатымъ на полькѣ, при помощи графовъ Малаховскаго и Владислава Замойскаго, бывшаго адъютанта Цесаревича. Этотъ слухъ привезъ Верещинскій, директоръ бердичевскаго и одесскаго отдѣленій варшавскаго заемнаго банка. Этотъ Верещинскій, бывшій горячимъ сторонникомъ Адама Чарторыйскаго и Ягеллоновъ, находившійся въ родствѣ почти со всѣми уроженцами юго-западнаго края, окружавшими князя Адама, былъ очень смущенъ этимъ слухомъ и утверждалъ, что польское дѣло погибло въ самомъ зародышѣ. Тогда мы въ первый разъ услышали отъ него эти слова. Что же потомъ было въ Парижѣ? Замойскимъ захотѣлось уподобиться орлеанистамъ: „Если королемъ не будетъ Цесаревичъ Константинъ или князь Адамъ—то горе Польшѣ! Нѣмцы насъ онѣмечатъ, какъ всегда онѣмечивали; лучше бы мы не рвались какъ львы, для того, чтобы погибнуть какъ мухи; лучше бы мы оставались въ мирѣ съ Россіей, можетъ быть, мы и дошли бы до чего нибудь хорошаго“. Такъ говорилъ человѣкъ, который бросилъ все—мѣсто, положеніе и пошелъ драться. Я хорошо запомнилъ эти слова и, признаюсь, былъ тогда того же мнѣнія.

Первымъ неутѣшительнымъ слухомъ, который разносилъ по краю молодой Мошковскій, былъ отвѣтъ, данный диктаторомъ Хлопицкимъ уроженцамъ Литвы и Руси, напомнившимъ ему, что и тамъ есть поляки:

— Для литвиновъ и русиновъ у меня нѣтъ ничего.

Такъ говорилъ кумиръ Варшавы и польскаго войска, такъ говорилъ полякъ, родившійся на Руси, у котораго были тамъ

и родное гнѣздо и могилы предковъ. Послѣ этого извѣстія, которое, какъ всякая дурная вѣсть, съ быстротой молніи разнеслось по краю, многіе, какъ говорится, опустили руки и стали равнодушно относиться къ приготовленіямъ къ возстанію, говоря, что это какая то варшавская драка, а не польское дѣло.

Такъ мы дождались кіевскихъ контрактовъ; Рождество, Новый годъ и Крещеніе прошли очень спокойно, безъ всякихъ арестовъ и преслѣдованій, не было даже замѣтно, чтобы въ Кіевѣ, Бердичевѣ или Житомирѣ стягивались войска. Двигались, правда, войска съ Дуная, изъ Молдавіи и Валахіи, но такими малыми отрядами, что на нихъ трудно было обратить особенное вниманіе.

Между русскими офицерами, особенно низшими, господствовало полное невѣдѣніе о происшествіяхъ въ Варшавѣ. Въ день Рождества проходилъ черезъ Гальчинецъ пѣхотный батальонъ, слѣдовавшій съ Дуная. Въ числѣ прочихъ гостей въ Гальчинцѣ были два брата Гродзинскихъ, Казимиръ и Михаилъ, служившіе въ русской арміи. Мы пригласили обѣдать командовавшаго батальономъ маіора съ его офицерами. Это были очень почтенные, но вовсе не свѣтскіе люди, особенно маіоръ, принадлежавшій къ многочисленному тогда разряду такъ называемыхъ бурбоновъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ началъ намъ разсказывать по секрету, но при всѣхъ и громко, что они идутъ подъ Варшаву, потому что тамъ случились нѣкоторыя происшествія. Въ какомъ то трактирѣ за городомъ польскіе офицеры играли на билліардѣ съ русскими, они стали говорить другъ другу колкости, вышла ссора и наконецъ дѣло дошло до драки, а такъ какъ польскіе офицеры были хорошіе фехтовальщики, то и поколотили русскихъ офицеровъ и выгнали ихъ изъ трактира, и хорошо сдѣлали, добавилъ маіоръ, понижая голосъ и озираясь на всѣ стороны, потому что это были все нѣмцы. Дѣло дошло до Цесаревича и онъ принялъ сторону поляковъ, но въ Петербургѣ нѣмцы заступились за нѣмцевъ. Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ, разгнѣвался и уѣхалъ изъ Варшавы, взявъ съ собой и гвардію. Поляки остались одни, не знаютъ что дѣлать, и вотъ де насъ

посылаютъ туда, чтобы они не сдѣлали какой нибудь глупости. Я привожу этотъ разсказъ слово въ слово.

Между крестьянами тоже шли разговоры о варшавскихъ событіяхъ. Однако невѣрны разсказы, исходившіе изъ нѣкоторыхъ католическихъ монастырей, о томъ, что будто бы православные священники и правительственные агенты разжигали ненависть крестьянъ къ панамъ и подготовляли новую коліивщину. Подобной агитаціи среди крестьянъ не было. Отношенія между крестьянами и панами были всегда одинаковы. Большая часть пановъ такъ же грабила и угнетала крестьянъ послѣ варшавскихъ событій, какъ и передъ ними, немного было такихъ, которые стали смотрѣть на крестьянъ не такъ пренебрежительно, и еще меньше такихъ, которые стали сближаться съ ними. Да и всякое сближеніе не было бы принято за чистую монету. Вообще крестьяне, хотя и были нерасположены къ панамъ, но не составляли противъ нихъ заговоровъ, а только мечтали о чемъ то лучшемъ, но откуда должно было прійти это лучшее, о томъ они не могли ничего сказать, а только все повторяли: „Будетъ лучше, потому что теперь очень худо. Милосердый Богъ умилостивится и надъ нами“.

Правительство, безъ сомнѣнія, не хотѣло никакихъ безпорядковъ въ краѣ. Скорѣе можно допустить, что русское правительство не поняло истиннаго значенія варшавскихъ волнененій, чего не было бы, если бы оно обратило вниманіе на то, какіе люди стояли во главѣ движенія.

У насъ приготовленія шли дѣятельно: вездѣ скупали лошадей, приготовляли аммуницію, оружіе, даже обучали дворовыхъ и „засцянковую“ шляхту; крестьяне и священники видѣли это и однако не было доносовъ, такъ какъ не было разслѣдованій. Паны, какъ и всегда, не довѣряли крестьянамъ и думали: пусть только придетъ польское войско, зададимъ мы этимъ проклятымъ хамамъ, а поповъ и на сѣмена не оставимъ. Что касается до крестьянъ, то они думали, можетъ быть, наоборотъ.

Вездѣ у пановъ, которые стыдились дурно обходиться съ людьми, а особенно съ прислугой, не стѣснялись вести при

нихъ разговоры политическаго характера,—доказательство того, что тогда не было ни доносчиковъ, ни шпіоновъ.

Кіевскіе контракты прошли безъ всякихъ демонстрацій со стороны дворянъ; со стороны правительсва не было замѣтно ни мѣръ предосторожности, ни знаковъ недовѣрія къ дворянству. Губернаторъ Катериничъ, состоявшій въ знакомствѣ и пріятельствѣ почти со всѣми помѣщиками, весьма любезно принималъ ихъ у себя, говорилъ о варшавскихъ происшествіяхъ, показывалъ газеты, которыя онъ получалъ, сожалѣлъ о несчастныхъ жертвахъ, которыя должны были быть, но утверждалъ, что волненія эти скоро прекратятся, говоря, что ни войско не показываетъ большой энергіи, ни народъ не хочетъ добровольно принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ, и сожалѣлъ поляковъ.

Фельдмаршалъ Сакенъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ принимать такого дѣятельнаго участія какъ прежде, ни въ политикѣ, ни въ военныхъ дѣлахъ. По внѣшности власть принадлежала фельдмаршалу, но настоящимъ дѣятелемъ былъ генералъ Кайсаровъ; онъ приводилъ въ движеніе всѣ пружины и заправлялъ всей машиной и такъ какъ онъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, то военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказывала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской. Впрочемъ, Кайсаровъ не былъ такимъ оптимистомъ, какъ губернаторъ Катериничъ; его безпокоило появленіе на сценѣ диктатора Хлопицкаго,—онъ зналъ всю ограниченность государственныхъ способностей этого генерала, и ея то больше всего и опасался. Генриху Тышкевичу, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ говорилъ, что Хлопицкій—одинъ изъ идоловъ, созданныхъ воображеніемъ поляковъ; разсказы о его воинской доблести, переходя изъ устъ въ уста, отъ Испаніи до Польши, сдѣлали его какимъ то богатыремъ, котораго никто не трогалъ, который никому не былъ помѣхой и слава его не была ни оспариваема, ни умаляема; въ войскѣ разсказываютъ столько чудесъ о его подвигахъ, что одно его имя можетъ возбудить одушевленіе, котораго, какъ говорятъ, теперь

недостаетъ. Онъ не возьметъ, или скорѣе не съумѣетъ крѣпко взять въ свои руки власть, ибо слухи объ его талантахъ или вѣрнѣе твердости далеко происходятъ его дѣйствительныя способности. Его гордость и тщеславіе такъ возбуждены, что онъ теперь будетъ бояться каждаго смѣлаго шага, который могъ бы поколебать хорошее о немъ мнѣніе, на его взглядъ, вполнѣ заслуженное. Онъ будетъ колебаться, сердиться, мучиться, и ни на что не рѣшится, между тѣмъ другіе овладѣютъ кормиломъ правленія, а возбужденное мало по малу войско и даже народъ, помимо заправилъ, доведутъ дѣло до войны, гибельной для обоихъ народовъ. Такъ думалъ о положеніи дѣлъ Кайсаровъ и, надо сознаться, думалъ трезвѣе всѣхъ; эти свои мысли онъ изложилъ брату Викентія Тышкевича, о роли котораго въ готовящемся возстаніи трудно допустить, чтобы онъ не зналъ.

Генрихъ Тышкевичъ, въ то время кіевскій губернскій предводитель дворянства, вполнѣ раздѣлялъ взгляды брата. Онъ, безъ сомнѣнія, отличался большими способностями и политическими и военными, чѣмъ Викентій; онъ служилъ въ военной службѣ, принималъ дѣятельное участіе въ послѣднихъ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ въ политическомъ мірѣ людей, бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ, что должно было повліять на его развитіе. Всего этого не доставало Викентію, имѣвшему несчастье въ молодости убить свою мать, выстрѣливъ изъ пистолета въ призракъ, который явился ему ночью и которымъ, къ несчастью, оказалась его мать, имѣвшая страсть пугать другихъ. Этотъ случай произвелъ такое сильное впечатлѣніе на молодого человѣка, что онъ почти совершенно удалился отъ свѣта, провелъ молодые годы, терзаясь укорами совѣсти и только гораздо позднѣе возвратился къ обществу, гдѣ многаго не могъ понять, такъ какъ годы его были уже не тѣ. Послѣ развода Михаила Маржчинскаго, онъ женился на его женѣ, родной сестрѣ жены его брата Генриха.

Пріятелямъ Викентій Тышкевичъ говорилъ, что принялъ начальствованіе временно и тотчасъ передастъ его въ руки брата Генриха, какъ только возстаніе будетъ провозглашено

открыто, что теперь такое провозглашеніе повредило бы дѣлу, такъ какъ Генрихъ Тышкевичъ, будучи предводителемъ дворянства и имѣя вліяніе у правительства, могъ и прикрывать приготовленія и успокоить подозрѣнія правительства, если бы таковыя возникли, что онъ обошелся такъ не тактично и даже невѣжливо съ генераломъ Козловскимъ только съ цѣлью доставить начальствованіе своему брату. Эти слова разнеслись во время контрактовъ между помѣщиками трехъ губерній.

Іосифъ Залесскій принялъ начальство надъ кіевскимъ уѣздомъ и городомъ Кіевомъ и агитировалъ среди кіевскихъ мѣщанъ, разсчитывая на ихъ поддержку. Онъ завелъ также, съ дозволенія коменданта кіевской крѣпости, сношенія съ Голеевскимъ, отбывавшимъ въ этой крѣпости наказаніе. Послѣ одного изъ разговоровъ съ заключеннымъ, Залесскій пришелъ обрадованный и сообщилъ подъ секретомъ нѣсколькимъ лицамъ, что „крѣпость можетъ быть нашей". Эта тайна тотчасъ стала извѣстной между помѣщиками.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Н. И. Костомарова. Изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова съ вопросами о тѣхъ или другихъ частностяхъ по исторіи Малороссіи, помѣщаемъ здѣсь одно, показывающее, какъ сѣтовалъ историкъ на недостатокъ источниковъ для изученія «семейной и домашней жизни» въ старой Малороссіи.

А. Лазаревскій.

«Многоуважаемый А. М. Сердечно Васъ благодарю за обязательное сообщеніе замѣчаній о Мазепѣ и за доброе обѣщаніе доставить мнѣ письменныя свѣдѣнія. Вотъ уже мѣсяцъ сижу я въ Москвѣ и работаю въ обоихъ архивахъ—министерства иностр. дѣлъ и министерства юстиціи, надъ источниками для исторіи Малороссіи эпохи Самойловича и Мазепы, и всечасно чувствую вообще недостаточность оффиціальныхъ источниковъ тамъ, гдѣ нужно знать не факты и явленія, но причины ихъ, исходящія изъ духовной жизни и ея развитія. Съ какого рода источниками имѣю я дѣло? Съ донесеніями гетмановъ, посланцевъ ихъ, московскихъ чиновныхъ людей, ѣздившихъ по разнымъ дѣламъ въ Малороссію, съ распросными рѣчами выходцевъ и полоненниковъ и письмами..... (?), считались умѣстными по ихъ полученіи откуда бы то ни было доставлять въ приказъ! И только. Откровенности бываетъ тутъ немного, а часто и ложь умышленная либо по малознанію. Семейная и домашняя жизнь ускользаетъ: вотъ почему даже до сихъ поръ я не зналъ кто такая была жена Мазепы и узналъ только отъ Васъ. Сдѣлайте милость исполните Ваше обѣщаніе: пришлите свѣдѣнія о г-жѣ Мазепѣ, да и о тѣхъ продѣлкахъ, которыя онъ дѣлалъ еще до своего гетманства при Самойловичѣ. Не замедлите доставить эти свѣдѣнія и обяжите меня вѣчною признательностію.

Глубоко и проч. Н. Костомаровъ.

Ваши статьи въ Русскомъ Архивѣ о малороссійскихъ фамиліяхъ я читалъ съ жадностію. Безспорно...... и никто не имѣлъ подъ рукою такого богатства матеріаловъ для исторіи и особенно ея прошедшаго внутренняго быта какъ Вы! А именно внутренняя жизнь Малороссіи очень темна: я, напримѣръ, гораздо яснѣе представляю себѣ особенности стараго великорусскаго быта, чѣмъ малороссійскаго. О Великороссіи сохранилось много описаній иностранныхъ путешественниковъ, много и домашняго писанія, а о Малороссіи скудно было и того и другого. Конечно, извѣстно намъ, что бытъ интеллигентнаго общества былъ польскій въ главныхъ чертахъ, но въ подробностяхъ разнился отъ него, а еще болѣе въ духѣ. Спрошу я Васъ, не можете ли на основаніи извѣстныхъ Вамъ свѣдѣній сообразить: 1) Въ одномъ актѣ м. юст. 1675 значится въ числѣ корсунскихъ мѣщанъ, передавшихъ къ царю Степанко, пасынокъ гетмана Богдана Хмельницкаго, посыланный прежде отъ Дорошенка къ польскому королю? Какая изъ трехъ женъ Хмельницкаго была вдова съ дѣтьми отъ ея перваго мужа? 2) Въ Лѣтописи занятій Арх. Коммиссіи есть сообщеніе гр. Владислава Пляттера, что Мазепа родился въ 1629 году. Есть ли основанія вѣрить этому извѣстію? [1]).

Москва. Сентября 23 (1877 г.). Гостин. Лоскутная. № 30.

Червонорусскія вирши XVIII в. Послѣ смерти уніатскаго священника Левицкаго въ Боднаровѣ калушскаго повѣта въ Галиціи, послѣдовавшей въ 1890 году, осталось въ числѣ другихъ бумагъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ нѣсколько тетрадокъ и разрозненныхъ лоскутковъ старыхъ рукописей XVII или XVIII вѣка, писанныхъ разными почерками и, очевидно, въ разное время. Эти рукописные отрывки содержатъ нѣкоторыя популярныя въ то время сочиненія въ стихахъ и прозѣ, духовнаго, обыкновенно апокрифическаго, содер-

---

[1]) На послѣдній вопросъ мы отвѣчали, сколько помнимъ, незнаніемъ, потому что не знали тогда напечатанной въ „Bibliotek'ѣ Warszawsk." (1855 г., I, 331—345) статьи неизвѣстнаго автора—„Mazepa. Noty historyczne", заключающей въ себѣ замѣчательно обстоятельный сводъ едва ли не *всего* печатнаго матеріала о происхожденіи и молодости Мазепы. Въ этихъ замѣткахъ годомъ рожденія Мазепы указанъ 1629-й, на основаніи свидѣтельства іезуита Вирвича (1717—1793) въ его „Uwag'ахъ nad historją odmian zaszłych w państwie Rossyjsskiem, przez Lacomb'a napisaną". Нѣтъ сомнѣнія, что гр. Плятеръ свое сообщеніе основалъ на указанной статьѣ.—*А. Л.*

жанія. Въ цѣлости сохранилось только одно «Слово о бражнику», напечатанное Костомаровымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы», хотя здѣсь текстъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя разночтенія. Менѣе интереса представляютъ другія прозаическія статьи, какъ напр. «Вопросы святыхъ отецъ» (безъ конца). Разрозненные лоскутки, писанные скорописью въ половинѣ XVIII вѣка, какъ свидѣтельствуетъ записка на поляхъ, представляютъ фрагменты какого то болѣе обширнаго сборника пѣсенъ и виршей духовнаго и мірскаго содержанія. Нѣкоторыхъ изъ этихъ виршей нельзя прочесть, потому что чернила совершенно выцвѣли, другія сохранились только въ отрывкахъ, иныя же представляютъ интересные варіанты пѣсенъ духовныхъ, вошедшихъ впослѣдствіи (1790 г.) въ изданіе почаевскаго «Богогласника» и могутъ служить матеріаломъ при возстановленіи хронологіи этихъ виршей. Но есть на этихъ лоскуткахъ нѣкоторыя цѣльныя произведенія, не попавшія до сихъ поръ въ печать. Изъ нихъ мы печатаемъ здѣсь три: двѣ небольшія пѣсенки мірскаго содержанія, составленныя, очевидно, въ подражаніе пѣснямъ народнымъ, хотя не народныя, а третью виршу о Саулѣ и Давидѣ, заслуживающую нѣкотораго вниманія не только по языку, почти совершенно народному, но и какъ попытка самостоятельной, хотя и не очень глубоко задуманной обработки библейскаго сюжета. Интересно, что того же сюжета коснулся и Т. Шевченко въ своей поэмѣ «Саулъ», хотя понялъ и обработалъ его несравненно глубже и оригинальнѣе.

Миронъ.

I.

Біднажъ моя голова
У лихого мужа,
Тугажъ менѣ готова,
Тай у серцu нужа.
Нѣ мнѣ погуляти,
Нѣ пожартовати,
А нѣ ся втѣшити,
Нѣ поговорити
Мнѣ зъ людьми не даетъ.
Нѣтъ мнѣ утѣхи,
Коли мужъ лихій
Тилко на печи
Лежитъ ворчачи,
А всежъ мене лаетъ:
«Богдась трясцю съѣла!
Тихо бись сидѣла!
Тебѣ ся регоче,
А мнѣ ся не хоче.
Ой кадукъ же твою ма,
Чемъ не маешъ сорома,
Тилко бисти реготала
И з инчими розмовляла».
Я молода, ти старий,
Диви, яка красна!

Меже нами нема згоди,
Ахъ, доля нещасна.
Лѣпше на пущи бити,
Якъ зъ нелюбомъ жити;
Съ человѣкомъ лихимъ,
Якъ зъ медведемъ дикимъ
Терпѣти.

II.

Щаслива фортуно, гдежес ся подѣла,
Якъ мнѣ во паненствѣ вѣрне ес служила.
А теперъ въ малженствѣ послужи мнѣ мало,
Даби мое сердце больше южъ не вяло.
Да колибже знала свою лиху долю,
Не терпѣла би я тяжкую неволю.
А всеж то справуе не любовъ того пана,
Же я молодая якъ рожа завяла.

III.

Пѣснь о Савлѣ цари (и) Давиду.

Во великом смутку Савелъ зостаетъ,
Жадной потѣхи не маетъ.
Заграй, заграй, Давиде,
Нехай отъ Савла отиде,
Которій го порваетъ,
Супокою му не даетъ,
Мучитель, куситель пекельній,
Окрутній морд́ерца душевній.
Так ся тамъ Давидъ вымовляетъ,
Же простіи барзо гусла маетъ:
На нихъ грати Савлови,
Велможному королеви,
Простій пастухъ не умѣетъ,
Не знаючи, що ся дѣетъ,
Же му панъ кажетъ грати,
На палацу пред собою стояти.
Встидливій стоитъ передъ паномъ,
Же его честуетъ вина збаномъ,
З рукъ не смѣетъ збана брати,
Анѣ царского вина пити.
Беручи му рука дрижитъ,

А предъ Савломъ сам ся хилитъ,
Же его мѣзерного честуетъ,
Велможній монарха пріймуетъ.
«Самъ тя кроль, Давиде, благаетъ,
Дари ти за тое дати маетъ,
Бись на гуслахъ ему заграл,
Меліодію вдячне видал,
Бо ся онъ смутній радуетъ,
Гди твои гусла учуетъ».
«Якъ же я маю играти
И предъ Савломъ смѣле стояти,
Простій пастухъ неубраній,
Въ граню добре не учоній?
Будут ся зъ мене смѣяти,
З убогого наругати
Савлеве, кролеве богатѣ,
Слуги тамъ въ злотоглавѣ прибранѣ.
У Савла сут розмаитіи
Арфи и гусли злотомъ литіи,
И тимпани миліи,
Всякому барзо вдячніи.
Мои гусла липовіи,
Не такъ лоскливіи.
Крол ними, простими, взгордуетъ,
Гди голосъ ихъ почуетъ
На щожъ ти мнѣ пастухови
Розказуешъ грати Давидови,
Бим грал на гуслах цареви,
Вельможному королеви,
Которому завше граютъ,
Нѣкгди арфи не престаютъ.
И ити тамъ не смѣю,
Бо такъ грати якъ они невмѣю.
Нѣгде мене з дому не давано,
Бим ся на гуслах грати училъ.
Тилко в полю ягнята
Албо въ лѣсѣ козенята
На траву добру игнати
И добре ихъ напасати,

То мнѣ мати, дитяти, казала,
И того мя пилно навчала.
Скоковъ кролевскихъ не умѣю,
Анѣ ихъ грати не смѣю,
Бо то в полю ягнята
Або в лѣсѣ козенята
Пасучи, собѣ спѣваю
И на гуслах виграваю,
Под сосною та липою сидячи,
Во зеленой дубровѣ гудячи.
Научителя не маю,
Тилко що в лѣсѣ чуваю
Спѣваючи вдячніе
По деревахъ соловѣе.
Отъ нихъ ся тилко поучаю,
На ихъ нуту въ гусли граю,
Ихъ тономъ и торомъ [1]) идучи,
Под дубом учуся сидячи».
«Еднакъ его миле всѣ слухаютъ
И гранямъ его утѣшаютъ,
Которій Савлови играетъ
И отъ него отганяетъ
Диявола проклятаго,
Мучителя окрутнаго
Играням, брясканям лоскливим
И тономъ своих гусл меліодийним.
Чему бѣсъ отъ гуслій утѣкаетъ?
Бо в нихъ параклита знати чуетъ.
Добрее Савлю пригадалъ,
Жес Давида з гусьльми призвалъ!
Бо би иншій не отгналъ,
Бис все злото роздалъ
И иніе дорогіе клейноти,
Перла. Будешъ долголѣтне мешкати.
Слухавъ Савелъ гусловъ в палацахъ земних,
И ми будемъ въ небесних

---

[1]) Путемъ.

Зъ Давидом ся утѣшати
И на вѣки веселити.
О що просим Тебе, Боже,
Бо нѣхто того не може
Вчинити, тилко Ти прагнучим.
106. Тебѣ хвалу заносимъ. Аминь.

Одинъ изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. Въ числѣ предметовъ стариннаго козацкаго быта, попадающихся собирателямъ, очень цѣнятся роскошные шелковые, шалевые и литые пояса, иногда превосходнаго достоинства. Встрѣчаясь изрѣдка въ старинныхъ домахъ вмѣстѣ съ другими предметами одежды, какъ наслѣдіе предковъ, такіе пояса попадаются и въ церквахъ, куда завѣщались или владѣльцами ихъ, или ихъ родственниками и въ былое время шли на священническое облаченіе. Обыкновенно они очень длинны и достоинство ихъ матеріала таково, что успѣшно можетъ бороться съ временемъ. Ихъ цвѣтъ, рисунокъ ткани и т. п. самые разнообразные, какъ разнообразны были мѣста ихъ нахожденія и производства.

Азіатскій востокъ и старая Польша считали поясъ необходимою принадлежностью костюма и въ производствѣ ихъ достигли высокаго совершенства. Наши козацкіе пояса и были большею частью иноземнаго происхожденія, какъ и большинство предметовъ роскоши стариннаго фабричнаго производства, для выдѣлки которыхъ и условія жизни козацкой эпохи и народныя наклонности представляли мало данныхъ. Пояса дешевые и повседневные были несомнѣнно мѣстнаго производства. Но они не сохранились, уцѣлѣли же только такіе, которые были особенно прочны по превосходной выдѣлкѣ и особенно береглись вслѣдствіе большой своей стоимости.

Въ Польшѣ, гдѣ поясъ былъ во всеобщемъ употребленіи, ношеніе его подчинялось всевозможнымъ особеннымъ условіямъ: были пояса зимніе и лѣтніе; на праздники или свадьбы надѣвались свѣтлые, золотистые, щегольскіе пояса, на погребенья и всякія печальныя церемоніи—черные или темные, отвѣчающіе цвѣтамъ одежды. Это разнообразіе появилось впрочемъ только съ конца XV вѣка, съ появленіемъ въ обиходѣ матерчатыхъ поясовъ, замѣнившихъ болѣе старые металлическіе и ременные. Несомнѣнно, что, подобно другимъ

польскимъ модамъ, это разнообразіе поясовъ отразилось и въ козацкомъ обиходѣ старой южной Руси.

Восточные пояса, шерстяные, шелковые и затканные серебромъ и золотомъ, были турецкаго, персидскаго и китайскаго производства. Самыми рѣдкими и цѣнными были шерстяные китайскіе пояса. При всей густотѣ и плотности, они выдѣланы были изъ такой тонкой матеріи, что такой поясъ, хотя почти въ аршинъ шириною, можно было продѣть сквозь перстень. Служилъ онъ для самаго роскошнаго костюма и не украшенъ былъ ничѣмъ, кромѣ прекрасныхъ цвѣтовъ на концахъ. Самъ онъ былъ или бѣлый, или зеленый, или оранжевый, или ярко красный. Турецкіе и персидскіе пояса были самые разнообразные: и длиннѣе, и короче, и двойные, и одинарные, и шелковые, и затканные серебромъ и золотомъ. Одинарный турецкій поясъ стоилъ 4 польскихъ дуката, стамбульскій—12, персидскій 16 дукатовъ и выше, иногда до 60 дукатовъ. Кромѣ этихъ были и несравненно болѣе дорогіе пояса, цѣнностью до 500 дукатовъ, длиною въ 6 и шириною въ 3 локтя, плотные, какъ французское сукно, и прочные, какъ пергаментъ. Были они тканы изъ золотыхъ и серебряныхъ нитокъ и украшены различными шелковыми цвѣтами.

Въ XVIII вѣкѣ возникла въ Польшѣ знаменитая фабрика слуцкихъ поясовъ, пріобрѣтшихъ громадную извѣстность и въ южной Руси. Издѣлія ея, чрезвычайно высоко цѣнимыя, встрѣчаются у собирателей предметовъ южнорусской старины. Эти издѣлія, собственно говоря, чисто польскаго производства и если имѣютъ право фигурировать въ южнорусскихъ коллекціяхъ, то потому лишь, что фигурировали когда то въ гардеробахъ лицъ изъ козацтва и войсковой старшины.

Слуцкая фабрика литыхъ поясовъ (съ отдѣленіемъ производства ковровъ на манеръ персидскихъ) основана была около 1750 года княземъ Іеронимомъ Радзивиломъ. Первые семь лѣтъ управляла фабрикою княжеская администрація. Потомъ директоромъ ея былъ знаменитый Янъ Мажарскій и впослѣдствіи сынъ его Леонъ.

Янъ Мажарскій, служа въ польскомъ войскѣ въ концѣ XVII вѣка при Собѣсскомъ простымъ солдатомъ, во время войны съ турками былъ взятъ въ плѣнъ. Его отправили на дальній востокъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ принужденъ былъ работать на персидскихъ ковровыхъ фабрикахъ. По возвращеніи на родину, онъ отправленъ былъ вновь въ Турцію Іеронимомъ Радзивиломъ, любителемъ изящныхъ ремеслъ, для основательнаго изученія дѣла. Потомъ открыта была въ Слуцкѣ

фабрика поясовъ и ковровъ подъ управленіемъ Мажарскаго. Эту фабрику впослѣдствіи Мажарскій и сынъ его взяли въ аренду и просуществовала она до конца XVIII вѣка.

Богатствомъ и красотой слуцкіе пояса ничѣмъ не уступали восточнымъ. Стоили они тогда отъ 5 до 50 дукатовъ, а теперь платятся любителями по 500 и 1000 рублей. На краяхъ ихъ бываетъ выткано: «Me fecit Slnciae» или «Factus est Sluciae» или только F. S., а иногда подписи директоровъ фабрики—Мажарскихъ, Яна и Леона.

Въ старой Польшѣ были и другія, менѣе извѣстныя фабрики роскошныхъ поясовъ: въ Несвижѣ, также Радзивила, Шанявскихъ, княгини Любомирской, Огинскихъ, Сапѣги. Изъ второстепенныхъ болѣе извѣстна фабрика армянина Пасхалиса Якубовича. Марка его—красная хоруговка (гербъ Пасхалиса) или подпись его «Paschalis» или P. J. Существовала еще фабрика нѣкоего Салимонда въ Кобылкѣ, перешедшая впослѣдствіи также къ Пасхалису. На поясахъ сдѣланныхъ тамъ выткано бываетъ «Kobyłka». Работы Пасхалиса высоко цѣнятся теперь. Пояса всѣхъ этихъ фабрикъ могутъ попадаться собирателю предметовъ стараго южнорусскаго обихода, такъ какъ рынкомъ ихъ, во время ихъ производства, была Южная Русь.

Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. Не могу сказать положительно—повсемѣстно ли въ Малороссіи, или же только на пепелищѣ бывшихъ запорожскихъ вольностей, въ екатеринославской губ., въ день Крещенія, 6-го января, ведутся и по сей день въ обычаѣ крестьянскія конскія скачки. «На Хрещення кистку зъ кинськои головы знайды, зануздай и та на *Ордань* побижить», говоритъ мѣстная поговорка. И дѣйствительно, въ день Крещенія, особенно по приходскимъ селамъ, гдѣ въ этотъ день совершается крестный ходъ на рѣку, пока не закончится процессія, въ крестьянскихъ загородахъ и станяхъ—не остается ни единаго конскаго живота. Все, что можно запречь, взять подъ верхъ, или просто обротать уздечкой, обязательно должно побывать въ этотъ день на *Ордани*. Что можно запречь, запрягается въ брички, сани и санчата, а то и просто въ повозку, куда усаживается вся наличная дѣтвора хозяина, а если остается мѣсто, то забираются и сосѣдскія ребятишки; чѣмъ полнѣе нагружена подвода подобною кладью, тѣмъ праздникъ считается веселѣй, удач-

нѣе, «бо такъ годытся». Возницею на такую подводу садится кто нибудь изъ подростковъ, а то и взрослый и экипажъ мчится, не обращая вниманія на рытвины и ухабы, во весь духъ прямо на церковную площадь. Здѣсь, заставивъ дѣтей перекреститься на церковь, возница придаетъ своимъ конямъ еще большую прыть и мчится на рѣку, гдѣ уже приготовлена крестообразная ополонь, въ головѣ которой стоитъ ледяной владимірской формы крестъ. Крестъ этотъ окрашенъ въ ярко-малиновый цвѣтъ очень незатѣйливымъ деревенскимъ средствомъ—онъ облитъ бураковымъ квасомъ. Приведя своихъ невзыскательныхъ пассажировъ видомъ ярко-малиноваго креста въ восторгъ, возница выѣзжаетъ на сельскій выгонъ, гдѣ и сосредоточена вся суть праздника. По выгону онъ ѣдетъ уже тихо, оглядывая многочисленныя группы вершниковъ, живописно разсѣянныхъ по всему его протяженію. Здѣсь на лицо вся парубота прихода. Сухопарыя и стройныя степныя лошаденки подъ нею уже потны и отъ нихъ валитъ довольно замѣтный паръ, хотя и не такой грандіозный, какъ поется въ одной колядкѣ:

Чорна хмара
Та коныкы вкрыла,
Ой то жъ не хмара—
То зъ коней пара.

Молодежь, собравшись сюда спозаранку, успѣла уже сдѣлать не одну перегонку, пускаясь «наввыпередкы» съ сосѣдними парнями, а паче съ цыганами. Послѣднихъ здѣсь немало,—это самый безпокойный элементъ сборища. Между ними немало и сѣдыхъ стариковъ, и малолѣтокъ, едва держащихся на лошадяхъ. Все это сборище на выгонѣ гудитъ, какъ ярмарочная толпа, но крику и ругательствъ, присущихъ ярмаркѣ, не слышно; все ведется чинно и истово; участники, видимо, понимаютъ значеніе дня и, за исключеніемъ безолаберныхъ цыганъ, сдерживаютъ себя. Вотъ скачутъ во весь духъ два всадника; это состязаются въ быстротѣ своихъ коней извѣстный табунщикъ и цыганъ. Ихъ примѣромъ увлекается стоявшая доселѣ спокойно кучка молодежи и пускается за состязающимися въ догонку. По пути къ нимъ примыкаютъ отдѣльные и группами всадники, далѣе еще и еще и въ концѣ концевъ вы далеко, уже на концѣ выгона, видите несущуюся во весь опоръ безпорядочную въ нѣсколько десятковъ всадниковъ толпу, живо напоминающую старый козацкій з агонъ. Проскакавъ такъ версты двѣ—три и растерявъ по пути въ отсталыхъ добрую часть спутниковъ, отрядъ останавливается и послѣ недолгихъ спо-

ровъ и перекоровъ шагомъ возвращается на старое мѣсто. Не обходится при этомъ и безъ комическихъ случаевъ паденія съ лошади, а нерѣдко и безъ несчастій, особенно въ безснѣжныя зимы, когда снѣгъ не замететъ овражковыхъ норокъ, густо покрывающихъ наши степные сельскіе выгоны. Случается, что лошадь попадаетъ ногою въ такую норку и ломаетъ себѣ ногу; случается, что и слетѣвшій съ лошади всадникъ ударится объ замерзшую землю такъ, что его на рукахъ сносятъ домой, но такое сравнительно рѣдкое приключеніе не мѣшаетъ пострадавшему явиться и на слѣдущій годъ на крещенское ристалище. Особенно красивыми эти скачки выходятъ при церквахъ съ большимъ приходомъ, съ приписанными къ нему деревеньками и хуторами. Нужно сказать, что каждая такая деревенька, или хуторъ придерживаются въ одеждѣ особенной своей моды. Въ одной, напр., всѣ парубки носятъ сивыя шапки и зеленые пояса по чернымъ чумаркамъ или крытымъ кожушанкамъ, въ другой черныя шапки при красныхъ поясахъ по синимъ или сѣрымъ чумаркамъ и т. п. И вотъ, въ слободѣ съ такимъ большимъ приходомъ въ день Крещенья можно любоваться какъ бы форменными небольшими конными отрядами, представляемыми молодежью разныхъ хуторовъ. Все это живо воскрешаетъ въ памяти картину старыхъ козацкихъ отрядовъ.

Но вотъ съ церковной колокольни раздается веселый трезвонъ это двинулся изъ церкви крестный ходъ на *Ордань*. На вагонѣ все затихаетъ, принимаетъ нѣкоторый порядокъ, головы вершниковъ обнажаются и груди осѣняются крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ вершники направляются къ рѣкѣ, гдѣ еще съ ранняго утра, дружными усиліями съѣхавшейся молодежи, вырублена узкая, десятка въ два саженей длиною, ополонь, лежащая какъ разъ противъ крестообразной ополони, гдѣ совершается водоосвященіе. Здѣсь всѣ спѣшиваются и выстраиваются въ нѣсколько рядовъ по линіи ополони, держа лошадей въ поводу. При первомъ погруженіи креста въ воду, стоящіе въ первомъ ряду припускаютъ своихъ лошадей къ водопою и, напоивши, уступаютъ мѣсто слѣдующимъ. При этомъ же, на противоположномъ берегу, гдѣ совершается обрядъ, раздаются частые выстрѣлы, претендующіе на залпъ. Это мѣстные стрѣльцы изъ своихъ разнокалиберныхъ ружей бьютъ чорта, который, выгнанный изъ рѣки силою погруженнаго въ нее креста, ищетъ спасенія въ пространствѣ. Стоящая сзади стрѣльцовъ толпа подростковъ въ это же самое время выпускаетъ массу хранившихся до сей поры у нея за пазухой голубей, преобразующихъ собою Святаго Духа. Голубей выпускается множество,

(все равно привыкшая птица возвратится домой) и исключительно бѣлыхъ. Все это взятое вмѣстѣ: торжественный обрядъ, трескъ выстрѣловъ, храпъ и ржанье поимыхъ у ополони лошадей, густая толпа народа, снѣжно-бѣлые, какъ бы серебряные, уносящіеся въ небо голуби производятъ на неизбалованнаго въ эстетическомъ отношеніи селянина, особенно на его ребятишекъ—неотразимое впечатлѣніе. Долго они будутъ вспоминать веселый крещенскій день.

Ив. Манжура.

Слезно-рыдающее доношеніе малороссійскаго дидаскала.

Въ заштатномъ городѣ Коропѣ, черниг. губ., при Покровской церкви, въ XVIII ст. существовала «школа», служившая въ одно и то же время училищемъ для приходящихъ дѣтей прихожанъ и жилищемъ для церковныхъ клириковъ. Разсказываютъ, что однажды на рождественскихъ «святкахъ», школьники, подъ предводительствомъ клириковъ, ходили колядовать по приходу. Во всѣхъ домахъ они были честно принимаемы и щедро награждаемы, только въ домѣ нѣкоего «злонравнаго» Трыгубія ихъ худо приняли и не дали ни гроша денегъ, ни куска сала или колбасы. Оскорбленные этимъ, колядники побили Трыгубію окна, а Трыгубій въ ту же ночь ворвался въ школу, разогналъ клириковъ и жестоко избилъ самого «дидаскала». Послѣдній будто бы подалъ на обидчика нижеслѣдующую жалобу.

«Въ глуховскую сотенную канцелярію слезно-рыдающее и покорное мое доношеніе. Повнегда убо злокозненный и богоненавистный врагъ и супостатъ нашъ, нарицаемый Трыгубій, пришедшу на западъ солнцу и бывшей глубокой нощи, нападе на домъ Божій—школу, тогда вся наша о Христѣ братія, клирицы, аки овцы отъ волка разъярена, разсыпашася. Единъ отъ нихъ, именемъ Парѳентій, иже есть великій богословецъ, уміетъ бо псалтырь и часословецъ, ятся бѣгу, глаголя со слезами: стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякая каналія. Другій взлѣзе на превыспренняя своя, сирѣчь на горище [1], якоже св. мученицы Адріанъ и Наталія, егда уходиша отъ мучителя Нерона. Третій влѣзе въ пещь грубную, въ ней же невредимъ пребысть, якоже тріе отроцы Седрахъ, Мисахъ и Авденаго въ пещи огненнѣй. Азъ же, видя таковое храма Божія разореніе и школы посрамленіе, ревнуя поревновахъ и пріяхъ

---

[1]) Чердакъ.

отъ пещи мечъ, иже есть нарицаемый кочерга, и устремихся на него, богопротивнаго Трыгубія, якоже Давидъ на Голіаѳа. Но онъ, треокаянный, не устрашися ничесоже и простре на мя скверніи и нечестивіи свои руцѣ, пріятъ мя за возлобіе, терзающе сѣмо и овамо, дондеже утрудися, и пріятъ отъ рукъ моихъ мечъ, не токмо со дѣла на мнѣ беззаконіе веліе, но и лядвія моя наполнишася поруганія, и поверже мя подъ сѣдалище старицъ, сирѣчь подъ лаву [1]), и исшедъ вонъ, дивяся бывшему. Утру же сущу, стекошася ко мнѣ вси ученицы мои, и видяще мя уничижена и кровію зѣло обагрена, вельми сѣтоваша, и принесше алавастръ мура, продающагося въ корчемницѣ, мало мя тѣмъ исцѣлиша, ядохъ бо и пихъ и укрѣпихся.— Сего ради, о всемилостивѣйшая госпоже сотѣнная глуховская канцелярія, ваше высокоблагородіе! изъ глубины души взываю, молюся и милъ ся дѣю къ вамъ, яко плоть моя измѣнися и кости моя сокрушишася, и азъ аки сѣно изсохъ: оного богопротивнаго Трыгубія покорнѣйше прошу предать въ мои руцѣ, да воспріемлетъ онъ отъ мене воздаяніе по нечестивомъ дѣломъ его.

О семъ проситъ усерднѣйшій богомолецъ и рабъ Божій Бреусъ, школы коропской покровской дидаскалій».

Курьезный этотъ документъ, вмѣстѣ съ легендой, записанъ мною нынѣшнимъ лѣтомъ въ лубенскомъ у. полт. губ., гдѣ онъ еще въ недавніе годы ходилъ по рукамъ во множествѣ списковъ и гдѣ весьма многіе съ дѣтства знаютъ его наизустъ. Меня увѣряли, что подлинникъ его находился въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, остатки которыхъ хранились еще въ 1840—50-хъ годахъ въ лубенскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, даже называли имя мѣстнаго землевладѣльца, въ томъ судѣ нѣкогда служившаго, у котораго будто бы и теперь долженъ находиться этотъ подлинникъ. Но мнѣ кажется, что такого подлинника никогда не существовало и что самое это прошеніе должно быть признано памятникомъ не юридическимъ, а чисто литературнымъ. Не говоримъ уже о нѣкоторыхъ историческихъ несообразностяхъ (такихъ, наприм., какъ то, что драка произошла въ г. Коропѣ, а жалоба пишется въ сотенную канцелярію другого города, Глухова; не обозначено ни имя, ни званіе отвѣтчика; документъ, поданный въ глуховскую сотенную канцелярію, хранится почему-то въ дѣлахъ лубенской полковой канцеляріи, и т. под.), но самый стиль документа, явно искусственный, намѣренно витіеватый цер-

[1]) Длинная скамья, стоящая вдоль стѣны въ малороссійскихъ избахъ.

ковно-славянскій языкъ и вообще видимо сквозящее намѣреніе автора разсмѣшить, позабавить, а вовсе не разжалобить—не оставляютъ никакого сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ какого-то остроумца, вѣроятно, конца XVIII в., когда въ особенности любили забавляться литературнымъ воспроизведеніемъ отжившаго уже въ то время типа стариннаго малороссійскаго «бакаляра» или «дидаскала». Удивительна, однако, литературная живучесть этого давно исчезнувшаго типа: въ малорусскихъ водевиляхъ появленіе на сценѣ стариннаго «дяка» еще и теперь вызываетъ добродушный смѣхъ въ публикѣ, а «слезно-рыдающее доношеніе» коропскаго дидаскала до нынѣ заучивается наизусть.

О. Л.

Сѣчевая школа. Въ одномъ изъ дѣлъ кіевской губернской канцеляріи, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, намъ встрѣтилось интересное указаніе на существованіе сѣчевой школы. Документъ, заключающій въ себѣ указаніе на этотъ фактъ, не даетъ сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній о школѣ и даже не опредѣляетъ, гдѣ именно она находилась, но важенъ тѣмъ, что во 1-хъ, несомнѣннымъ образомъ констатируетъ неизвѣстный до сихъ поръ фактъ существованія школы, а во 2-хъ, до нѣкоторой степени рисуетъ устройство ея, отношеніе къ ней сѣчевой старшины, взаимныя отношенія между школьниками и уставникомъ и, наконецъ, наивную, но симпатичную личность уставника іеромонаха Леонида.

Вотъ самый документъ:

«Высокоблагородному и высокопочтенному господину пограничному доктору Владимеру Івановичу Ломану отъ уставника сечевой школы иеромонаха Леонида

Известие.

По присланному ко мне отъ вашего высокоблагородия требованию объявляю: прошлого октября мѣсяца в школе сечевой школники три человѣка—Никифоръ Друшлякъ, Василь Жолтяй, Вакула Зинратъ—болевъ горячками силными и говорили они, что бешихи, то есть рожи, изъ нихъ дней по пяти, шести и семи разными дни померли и я ихъ исповедовалъ и приобщалъ Таинамъ Святымъ и погребъ школниками, и о томъ донесъ я того жъ октебря 17 дня господину кошевому атаману и старшине; и понеже в школе оной немалолюдно

и собираемые дети с разныхъ местъ в одному дворе все в куче пребываютъ и начали были болеть на лихоратки и поносы, дабы на свежей воздухъ ихъ вывесть, по совету господина кошевого, выехалъ я былъ из своими школниками в лугу на свежую воду и находился до ноебря прошедшаго последнихъ чиселъ, где ис той моей команды пять школниковъ—Романъ Черномазъ, Романъ Клочко, Павло Джереловый, Лукьянъ Логушкинъ, Степанъ Ирклѣевски—не вдругъ, но порознь на горячку жъ, поносъ да и бешиху и лихорадку побалевшие дней по пяти и по семи, померли и погребены мною сысповедью и приобщениемъ Таинъ Святыхъ, прочиежъ от болезни выздоровели и в школу я с ними возвратился и болныхъ никого понинѣ, кроме одного малчика, отъ опуху ноги болящего, которого вашему высокоблагородию и господамъ лекарямъ в осмотръ было представлено, не имѣется и все здаровы, и которые школники тѣхъ мертвыхъ хоронили живы и не болезновали, а что показано судиею войсковымъ, якобы онъ видилъ на двоихъ школникахъ опасные знаки, то я о томъ незнаю и будучи неискусным тому признать не могу, а слыхалъ отъ болевшихъ яко бешихи были, о чемъ я по совѣсти иерейской вашему высокоблагородию сообщаю.

Сечевой школы уставникъ Леонидъ».

Документъ не датированъ, но время его составленія опредѣляется слѣдующею ссылкою въ находящемся въ томъ же дѣлѣ «реестрѣ умершимъ в сече и около оной в розглашеніе сумнителства 1760 году»: «школниковъ сечевыхъ з горячки, поносовъ и бешихи в октебре и ноябре мѣсяцахъ, лежа по 5, 6 и 7 дней, померло 8 человекъ, о которыхъ по имени и о болезняхъ и сообщение дано».

В. Щербина.

Просьба объ установленіи таксы на требы въ пол. XVIII в.

Въ 1751 году отъ 6 ноября миргородскій полковникъ Ѳедоръ Остроградскій писалъ графу Разумовскому:

«Полку миргородскаго нѣкоторые старшины и многіе обыватели приносятъ жалобу, тако же и отъ сотенныхъ правленій присланными оношеніями въ полк. мирг. канцелярію представляется, о чинимыхъ народу священниками приходскими и прочими духовными чинами немалыхъ здирствахъ взятіемъ отъ нихъ за вѣнечные памяти, за обвѣнчаніе, за погребеніе и сорокоусты по вымогателству денегъ, и

у нѣкоторыхъ имущества; а ежели кто требуемыхъ священниками денегъ по нищетѣ своей уплатить не можетъ, таковые за обвѣнчаніе съ женами своими принуждени остаться въ поповской службѣ чрезъ годъ, отъ чего народъ приходитъ въ раззореніе, иные жъ и законнаго брака лишаются. Хотя жъ предъ симъ отъ полк. мирг. канц. къ е. п. архіеп. митрополиту кіевскому минувшаго 752 году генваря 30 дня писано съ требованіемъ разсмотрѣнія, но по тому ничего въ отвѣтъ не получено. А показанные попы, не видя себѣ въ томъ никакого воспященія, не токмо не унимаются отъ своихъ поступокъ, но еще наивящше здирства чинятъ; а старшина, по жалобамъ къ нимъ отъ народа, хотя и посылаютъ къ попамъ съ прошеніемъ о невзиманіи излишнего, но на тое получаютъ отвѣтъ такой: «старшина де намъ не укажчики, имъ въ наши дѣла и мѣшатись не подлежитъ и мы ихъ въ томъ не послушаемъ». Съ таковыхъ слѣдствъ мы приняли смѣлость о вышеписанномъ вашей ясневельможности представить и нижайше просимъ о прекращеніи вышеписанныхъ поповскихъ непорядковъ и чрезъ то слѣдуемаго народу немалаго отягощенія и о объявленіи въ народное извѣстіе, по коликому числу денегъ за какое именно дѣло священническое давать (кромѣ доброхотнаго подаянія) надлежитъ, чтобы народъ моглъ точно о томъ знать и безспорно надлежащое давать, а священники надто вымогать, къ ихъ народному отягощенію и раззоренію, не смѣли,—куда надлежитъ отъ в. я. писать, и что по сему опредѣлено будетъ, имѣемъ ожидать высокоповелительной в. я. резолюціи».

А. А.

Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ». Изъ замѣтки *Стараго Прилучанина* (№ 6 «Кіевск. Ст.») видно, что событіе, описанное г-жею Ефименко по документальнымъ даннымъ, долго помнилось окрестными жителями. Переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, разсказъ о немъ искажался въ подробностяхъ, дополнялся поэтическимъ вымысломъ. Такимъ именно характеромъ отличается разсказъ г-жи Бакуниной *Село Турбаи*, помѣщенный въ *Москвитянинѣ* 1851 г. (№ 2) и описывающій ту же катастрофу, какъ «старинное малороссійское преданіе». Фамиліи помѣщиковъ въ разсказѣ нѣтъ; ихъ два брата: Андрей и Юрій. Жена перваго Маруся, живущая очень счастливо съ мужемъ, сватаетъ Юрію свою «милую подругу, умную, хорошенькую Ганнусю». Но Юрія любитъ крестьянка

Катря. Она то главнымъ образомъ и подстрекаетъ (повидимому изъ ревности) козаковъ противъ помѣщиковъ, увѣряя ихъ, что тѣ ждутъ только «бумаги», чтобы расправиться съ зазнавшимися холопами, «заковать ихъ въ желѣзо и завесть Богъ знаетъ куда». О самой тяжбѣ изъ словъ Андрея мы узнаемъ, что онъ «радъ бы бросить эти гадкія дѣла, да покойный батюшка еще въ послѣднюю болѣзнь просилъ продолжать непремѣнно дѣло съ козаками, которые живутъ у насъ въ селѣ, и не уступать этимъ сорванцамъ. Они съ батюшкой до такой вражды дошли по этой тяжбѣ, что ужъ не земли, а ненависть заставляла ихъ судиться; онъ даже начиналъ ихъ бояться». Узнавши отъ Катри о «бумагѣ», козаки на сходкѣ долго «стояли и толковали, и рѣчи ихъ все становились сердитѣе и грознѣе.... Всю ночь мелькали огни въ панскомъ дворѣ, и было что то страшное, зловѣщее въ этихъ перебѣгающихъ огняхъ. Всю ночь слышался тамъ шумъ, но въ немъ сливались стоны съ какимъ то ужасающимъ враждебнымъ говоромъ». Помѣщики погибли героями, защищались до послѣдней возможности, въ особенности Юрій. Утромъ того же дня пріѣхала въ Турбаи съ отцомъ Ганнуся, и имъ первымъ пришлось увидѣть разоренный домъ и убитыхъ хозяевъ. Катря въ позднемъ раскаяніи и горѣ оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Дорого стоило козакамъ ихъ самоуправство. «Много и много скованныхъ увели изъ села въ безвозвратный путь. Церковь упразднена, и она и домъ разрушились. Даже самое названіе *село Турбаи* перемѣнено. Теперь тутъ деревня Скорбная».—«Я разсказала, заканчиваетъ г-жа Бакунина, то, что мнѣ показалось яснымъ ***изъ несовсѣмъ яснаго для меня малороссійскаго разсказа*** стараго козака, въ хатѣ котораго мы останавливались въ этой деревнѣ. Послѣ мнѣ совсѣмъ иначе разсказывали это ужасное событіе». Но другаго разсказа, къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ.—Во всемъ разсказѣ полная симпатія къ пострадавшей сторонѣ. Преданіе ввело романическую подробность: любовь и ревность крестьянки, но недостаточно ясно мотивировало подстрекательство ею козаковъ. Фактами, согласными съ документами, являются: продолжительность тяжбы о землѣ, убійство трехъ человѣкъ (по документамъ двухъ братьевъ и сестры), рѣшеніе козаковъ на самосудъ только въ виду крайнихъ обстоятельствъ, сознаніе ими полной правоты своихъ притязаній и безсилія предъ судомъ съ пустыми руками, когда ихъ соперники свою правоту «золотомъ и серебромъ доказали»; наконецъ, и по преданію, событіе совершилось лѣтнею порою.

Арк. Л-нко.

Библіографія.

1) Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XVI-й. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна. 1889 г. (CXLII+704).

2) Акты, издаваемые виленской археографической коммиссіею. Т. XVII й. Акты гродненскаго земскаго суда. Вильна. 1890. (LXXIII+559).

3) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи виленскаго учебнаго округа. Томъ XI-й. Вильна. 1890. (XL+372).

Передъ нами три тома матеріаловъ, изданныхъ виленской археографической коммиссіей и управленіемъ виленскаго учебнаго округа. Такъ какъ они соединяются между собой единствомъ мѣста изданія, близостью по времени выхода въ свѣтъ, отчасти однородностью содержанія и общностью редакціонныхъ пріемовъ, то мы и разсмотримъ ихъ вмѣстѣ.

Изъ всѣхъ томовъ актовъ, изданныхъ до сихъ поръ виленской коммиссіей первый изъ разсматриваемыхъ (XVI) едва ли не самый большій по объему, не самый интересный по сюжету и едва ли не самый важный по содержанію входящихъ въ него документовъ, не отличающихся, правда, новизной, но однако весьма необходимыхъ для каждаго и ученаго, и администратора, а между тѣмъ разбросанныхъ въ изданіяхъ, трудно доступныхъ по своей библіографической рѣдкости. Матеріалъ этого тома относится, какъ сказано вообще въ заглавіи книги, «къ исторіи церковной уніи въ Россіи», но, говоря точнѣе, онъ относится къ исторіи возсоединенія уніатовъ съ православной церковью въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. Настоящій томъ вышелъ подъ редакціей и съ изслѣдованіемъ г. предсѣдателя виленской археографической коммиссіи Ю. Ѳ. Крачков-

скаго. Собранный матеріалъ распредѣленъ изслѣдователемъ по содержанію на слѣдующіе восемь отдѣловъ:

1) Правительственныя распоряженія; сюда вошли Высочайшіе указы, опредѣленія сената и другія постановленія, извлеченные изъ полнаго собранія законовъ и изъ свода постановленій по министерству народнаго просвѣщенія; они обнимаютъ время съ 1772 по 1839 г.; всѣхъ документовъ 113.

2) Папскія буллы, бреве, индульгенціи, декреты и посланія въ 83 документахъ отъ 1595 — 1839 г. Г. редакторъ заимствовалъ для этого отдѣла матеріалъ изъ соч.: «Die neuste Zustande der katolischen Kirche beides ritus» и изъ старопечатной книги, изданной въ Почаевѣ въ 1767 году: «Bulla et braviae summorum pontificum».

3) Распоряженія и разъясненія могилевской римско-католической духовной консисторіи по дѣлу о переходѣ и совращеніи уніатовъ въ латинство въ 1803—1828 г. Двадцать восемь документовъ этого отдѣла взяты изъ собранія актовъ, хранящихся въ отдѣленіи рукописей виленской публичной библіотеки.

4) Переписка между Стефаномъ Левинскимъ, митр. Іасономъ Смогоржевскимъ, Ѳеодосіемъ Ростоцкимъ и друг. съ 1780 по 1787 годъ (№№ 217—220) перепечатана изъ соч. Die neustu Zustande и проч., изъ Сборника рус. историч. общ. и даже изъ Холмскаго календаря. Кромѣ писемъ въ этотъ отдѣлъ входятъ рескрипты Государыни послу въ Варшавѣ, посланія папы къ Государынѣ. Всѣ письма, адресованныя къ тому или другому лицу, помѣщаются подъ отдѣльнымъ нумеромъ.

5) Жалобы, проекты, объясненія, представленія, записки по дѣлу объ уніи, начиная съ 1747 г. и по 1824 г., обнимаютъ №№ 221—233, которые извлечены изъ соч. Harasewicza: «Annales Ecclesiae Ruthenae» (Львовъ. 1862 г.), изъ брошюры 1779 г., приписываемой луцкому оффиціалу Ѳеодосію Бродовичу подъ заглавіемъ «Uwagi polityczne», изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, изъ отдѣленія рукописей виленской публичной библіотеки и изъ архивовъ уніатскихъ митрополитовъ при святѣйшемъ синодѣ, министерства народн. просвѣщенія и изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря.

6) Окружныя посланія и переписка нѣкоторыхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, орденскихъ властей и другихъ лицъ съ 1775 по 1833 г. въ 38 документахъ (№№ 234 — 272), заимствованныхъ изъ отдѣла рукописей виленской публичной библіотеки, изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, а

также изъ брошюры 1785 г., хранящейся въ вилен. публичной библіотекѣ.

7) Мѣры къ освобожденію уніи отъ преобладанія въ ней базиліанъ и къ очищенію уніатскихъ обрядовъ отъ латинскихъ нововведеній (№ 273 по № 286), начиная съ 1818 по 1834 г.; документы этого отдѣла заимствованы изъ архива бывшаго Борунскаго монастыря, изъ записокъ Іосифа Семашка и архива св. синода.

8) Установленіе празднованія памяти возсоединенія уніатовъ съ православной церковью, начиная съ 1840 по 1889 г., сюда вошло лишь 7 документовъ (№ 287—293).

Наконецъ, въ приложеніи помѣщены три документа, опущенные, видно, при печатаніи актовъ и относящіеся къ 4-му отдѣлу. Изъ приведеннаго обозрѣнія содержанія матеріаловъ легко убѣдиться, что они составляютъ систематическій и строгій выборъ изъ массы документовъ наиболѣе важнѣйшаго матеріала, разъясняющаго исторію возвращенія уніатовъ въ православіе и указывающаго тѣ подготовительныя мѣры, которыя принимались для этой цѣли русскимъ правительствомъ. На основаніи этого богатаго матеріала редакторомъ настоящаго тома г. Крачковскимъ написано прекрасное, обстоятельное изслѣдованіе на ту же тему подъ скромнымъ заглавіемъ «предисловія», въ которомъ подробно изложенъ послѣдній періодъ исторіи уніи, начиная съ 1772 г., и отношеній къ ней Рима и Россіи [1]). Собраніе такого рода матеріала при каждой работѣ по исторіи западной Россіи является необходимымъ подспорьемъ, освобождая изслѣдователя отъ необходимости самому производить разысканія во множествѣ различныхъ изданій. Но распредѣленіе матеріала на отдѣлы намъ кажется не только излишнимъ, но прямо неудобнымъ и затруднительнымъ при разысканіи того или другаго акта, потому что матеріалъ самъ по себѣ уже имѣетъ однородное содержаніе, а дѣленіе его еще по второстепеннымъ признакамъ замедляетъ ознакомленіе съ историческимъ ходомъ дѣла возсоединенія. Изданіе этого тома совпало съ празднованіемъ въ 1889 году 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православіемъ и, такимъ образомъ, дало возможность безъ особеннаго труда изучить событіе по первоисточникамъ, понять важность торжества и

---

[1]) При этомъ наибольшее вниманіе онъ оказываетъ базиліанскому ордену и его послѣдней судьбѣ, тогда какъ труды дѣятелей текущаго столѣтія возсоединенія очерчены слабо и заслуга ихъ не вырѣзывается ярко на темномъ фонѣ рисуемой авторомъ картины борьбы съ происками латинянъ и приверженныхъ къ нимъ базиліанъ.

подвинуть русское общество вообще, а мѣстныхъ дѣятелей въ частности, къ окончанію дѣла, начатаго 50 лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ еще не завершеннаго вполнѣ. Въ виду этого, значеніе изданія нисколько не уменьшается съ теченіемъ времени, но пріобрѣтаетъ напротивъ практическое значеніе.

Тому же вопросу (т. е. вопросу о борьбѣ православія съ уніей) посвященъ и томъ XI-й «Археографическаго сборника», издаваемаго на средства управленія виленскаго учебнаго округа, благодаря просвѣщенному сочувствію и поддержкѣ г. попечителя округа Н. А. Сергіевскаго. Настоящій томъ «Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первый вошли документы бывшаго Брестскаго Симеоновскаго монастыря. На основаніи этихъ документовъ редакторъ тома О. В. Щербицкій въ предисловіи къ нимъ старается представить судьбу этого монастыря. Первое актовое указаніе на его существованіе относится къ 1546 году, хотя существуетъ мнѣніе о возникновеніи его еще въ началѣ XV вѣка; основателями монастыря были паны Солтаны, фундаторскія и колляторскіе права которыхъ переходятъ наслѣдственно въ другія семьи: Лешнинскихъ, Дорогостайскихъ, Подберезскихъ, Сапѣгъ, Харлинскихъ, Красинскихъ и Выговскихъ. Въ началѣ XVII в. церковь находилась въ рукахъ уніатовъ, а въ 1632 г. возвращена была православнымъ; принадлежавшія ему земли были захвачены частью магистратомъ, частью католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ; въ нескончаемыхъ тяжбахъ съ тѣми и другими монастырь и провелъ почти два вѣка.

Второй отдѣлъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ документы и дѣла изъ архива литовской духовной консисторіи по преимуществу второй половины XVIII и первой половины XIX в; они изображаютъ тѣ способы, къ которымъ прибѣгали католики и уніаты, чтобы подавить православіе и ополячить русскую народность, изображаютъ внѣшнее и внутреннее состояніе монастырей въ то время, когда они находились въ вѣдѣніи переяславскихъ и минскихъ епископовъ, указываютъ попытки и мѣры, какія принимало русское правительство по присоединеніи края къ возстановленію православія, характеризуютъ дѣятельность судебныхъ и административныхъ учрежденій, переполненныхъ польскими чиновниками, и ихъ роль, особенно въ дѣлахъ, касающихся православнаго духовенства, и рисуютъ положеніе коренныхъ русскихъ жителей въ г. Якобштадтѣ, тѣснимыхъ горстью пришлыхъ нѣмцевъ; наконецъ, мы находимъ въ этомъ томѣ нѣсколько важныхъ и интересныхъ документовъ, относящихся къ исторіи учрежденнаго на

сеймѣ 1790 г. православнаго западно-русскаго «правительствующаго синода» или такъ называемой «найвысшей консисторіи», съ цѣлью отдѣлить западно-русское православіе отъ восточнаго, а затѣмъ этимъ же путемъ подавить его.

Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ 176; каждому изъ нихъ предшествуетъ, кромѣ краткаго заголовка, болѣе подробное изложеніе содержанія.

Но если два разобранные тома даютъ матеріалъ исключительно для церковной исторіи, за то XVII-й томъ «Актовъ виленской коммиссіи» полонъ актовъ самаго разнороднаго содержанія, благодаря тому, что виленская археографическая коммиссія нашла возможнымъ издать цѣликомъ древнѣйшія книги виленскаго центральнаго архива, каковыми оказались книги городенскаго земскаго суда за 1539, 1540 и 1541—42 годы, изъ другихъ же книгъ болѣе поздняго (1555 и слѣд. годы) времени извлечены лишь наиболѣе интересные акты. Мысль издать цѣликомъ древнѣйшія актовыя книги того періода, когда первый писанный законъ не отмѣнялъ еще мѣстнаго обычнаго права, нельзя не признать весьма полезной и разумной. Правда, что при изданіи книгъ цѣликомъ, входитъ много однороднаго, не имѣющаго уже цѣны, матеріала, но это неудобство не получаетъ большаго значенія въ виду трудности дѣлать строго научный выборъ только нужнѣйшихъ актовъ. Издатели совершенно правы, сравнивая акты съ лѣтописью; дѣйствительно, это самая обстоятельная бытовая лѣтопись, въ которой мы можемъ наблюдать послѣдовательное измѣненіе формъ частной и общественной жизни. Здѣсь мы находимъ самое живое выраженіе устройства суда и судопроизводства, можемъ наблюдать близко управленіе общее и мѣстное, можемъ видѣть, какъ измѣняется семейный бытъ, личное и общинное владѣніе и пользованіе землею, взаимныя отношенія сословій и ихъ частныя права и экономическое положеніе, ихъ взгляды политическіе, религіозные и нравственные. Разсмотрѣніе актовъ настоящаго тома во всей ихъ подробности, съ цѣлью опредѣленія важности отдѣльныхъ группъ, требуетъ слишкомъ много времени и мѣста и потому не можетъ быть содержаніемъ рецензіи; мы ограничиваемся лишь указаніемъ на новый высокой цѣны и достоинства матеріалъ, который получаютъ люди науки для своихъ работъ; въ виду этого настоящій томъ мы считаемъ гораздо цѣннѣе двухъ предшествующихъ, разсмотрѣнныхъ выше. По обычаю, актамъ предшествуетъ небольшое предисловіе (авторъ настоящаго г. Снитко), въ которомъ издаваемый матеріалъ

не изслѣдуется, а лишь старательно систематизируется и болѣе или менѣе подробно обозрѣвается, что значительно облегчаетъ ознакомленіе съ издаваемыми актами, но не исключаетъ необходимости ихъ изученія; изучать или, по крайней мѣрѣ, внимательно прочитывать самые акты необходимо также и потому, что прибавленныя къ нимъ описи или слишкомъ общи, — не указываютъ ни одной особенности акта,—или прямо невѣрны (напр. акты № 1, 20, 472 и друг.).

Къ этому тому приложены снимки почерковъ, какими писаны печатаемыя книги; но если эти почерки на пространствѣ всей книги хотя немного измѣняются, то образчики и этихъ варіантовъ было бы весьма желательно видѣть.

Ко всѣмъ разсмотрѣннымъ томамъ въ концѣ приложены обстоятельные личные и географическіе указатели, а къ послѣднему еще и предметный.

Изъ изложеннаго выше мы видимъ, что виленская археографическая коммиссія, при содѣйствіи управленія учебнаго округа, работая, какъ говорится не покладая рукъ, издала въ два послѣдніе года три огромныхъ тома, но въ нихъ большее вниманіе оказываетъ вопросамъ церковнымъ, и лишь изрѣдка печатаетъ томы, подобные XVII-му. Желательно поэтому само собою, чтобы акты, изображающіе и другія стороны жизни сѣверо-западнаго края, также находили себѣ мѣсто въ изданіяхъ коммиссіи и могли быть разрабатываемы наукой.

И. Каманинъ.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1891.

Книга г. Скабичевскаго является довольно цѣннымъ вкладомъ въ русскую критическую литературу. Представляя сжатый очеркъ новѣйшей русской литературы, начиная со «школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ» и оканчивая представителями современной русской литературы, книга эта несомнѣнно интересна для всякаго образованнаго человѣка, а для спеціалиста можетъ послужить полезною справочною книгою. Имя автора, пользующагося заслуженною извѣстностью одного изъ наиболѣе выдающихся современныхъ критиковъ, можетъ служить гарантіею добросовѣстнаго исполненія избранной имъ, далеко не легкой, задачи.

Не считая умѣстнымъ въ спеціальномъ изданіи касаться общаго содержанія труда г. Скабичевскаго, его достоинствъ и недостатковъ.

мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями относительно тѣхъ явленій умственной жизни южной Россіи, о которыхъ упоминается въ разсматриваемой книгѣ.

При чтеніи книги Скабичевскаго, естественно читатель наталкивается постоянно на фактъ участія южно-русскихъ писателей въ развитіи общерусской литературы. Почти во всякомъ отдѣлѣ книги [1]) наряду съ писателями великоруссами встрѣчаются и малороссы, и притомъ не только, какъ подражатели уже установившимся направленіямъ, но и въ качествѣ иниціаторовъ новаго, нарождающагося направленія. Таковы, напр., Марко Вовчокъ (о «народныхъ оповиданняхъ» которой г. Скабичевскій далъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзкій отзывъ) въ шестидесятыхъ годахъ, Новодворскій (А. Осиповичъ)—въ восьмидесятыхъ. Между новѣйшими беллетристами также встрѣчается немало уроженцевъ южной Россіи, южно-русское происхожденіе которыхъ отражается какъ на содержаніи ихъ произведеній, такъ и на ихъ литературной формѣ. Таковы—В. Г. Короленко, «писатель, котораго, по словамъ г. Скабичевскаго, смѣло можно поставить во главѣ современныхъ беллетристовъ какъ по силѣ таланта, такъ и по богатству художественнаго матеріала, по широтѣ сферы наблюдательности, наконецъ, по самому міросозерцанію, обнаруживающему человѣка, вполнѣ стоящаго на уровнѣ своего вѣка по образованію» (стр. 409); С. Я. Надсонъ и В. М. Гаршинъ, о которыхъ г. Скабичевскій говоритъ: «обѣ эти личности являются двумя существами, совершенно тожественными, словно сливаются въ одинъ и тотъ же лучезарный поэтическій образъ, дѣлая великую честь тому поколѣнію, среди котораго они явились» (стр. 517); сюда же можно причислить И. Н. Потапенка, Г. А. Мачтета и многихъ другихъ писателей 70—90 годовъ. Приведенные факты могутъ служить доказательствомъ того, что южная Россія и въ настоящее время принимаетъ дѣятельное участіе въ умственной жизни русскаго общества и продолжаетъ вносить свои оригинальныя особенности въ развитіе

---

[1]) За исключеніемъ отд. II (школа беллетристовъ 40 годовъ) и VII (драма и комедія). Но къ предмету перваго изъ названныхъ отдѣловъ имѣетъ близкое отношеніе дѣятельность Гоголя, значеніе котораго г. Скабичевскій, по нашему мнѣнію, напрасно умаляетъ, хотя и вѣрно указываетъ въ ней отсутствіе яснаго міросозерцанія; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, современной критикѣ, кажется, слѣдовало бы возвратиться къ основнымъ положеніямъ Бѣлинскаго. Что же касается драматической поэзіи, то и въ великорусской поэзіи авторъ указываетъ одного только великаго писателя Островскаго.

общерусской литературы. Г. Скабичевскій впрочемъ мало касается этихъ особенностей, но изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его книги видно, что онѣ не остались для него совершенно незамѣченными.

Такъ, напримѣръ, на стр. 258—260 мы встрѣчаемъ такое сопоставленіе Рѣшетникова съ Левитовымъ (изъ біографическихъ очерковъ видно, что Р. родился въ пермской губерін, а Л. «былъ родомъ тамбовецъ»):

„Рѣшетниковъ является передъ нами типомъ сѣвернаго писателя: холодный, сдержанный, лаконичный, онъ не скупится на внѣшнія детали изображаемой дѣйствительности, порою совершенно тонетъ въ нихъ, забывая о сути дѣла, но въ то же время идеально объективенъ.... Слогъ его сухъ и сжатъ....

Левитовъ, наоборотъ, представляетъ собою типъ южнаго беллетриста по яркости колорита во всѣхъ его изображеніяхъ, по преобладанію живой, пламенной, прихотливой фантазіи, по страстности, лиричности и крайней субъективности. Слогъ его своею музыкальностью, пѣвучестью, принимающею въ лирическихъ и патетическихъ мѣстахъ почти стихотворные размѣры, напоминаетъ слогъ Гоголя.... Подобно тому, какъ Гоголь, пріѣхавши изъ Малороссіи, во время первыхъ лѣтъ своего скитальчества по Петербургу и труднаго пробиванія дороги, въ грусти по родинѣ писалъ свои *Вечера на хуторѣ*, такъ и Левитовъ первыя свои произведенія посвятилъ изображенію жизни родного края, о которомъ вспоминалъ въ шенкурской глуши, и результатомъ этихъ воспоминаній были *Степные очерки*".

О томъ, насколько примѣнима эта характеристика южнаго писателя къ Левитову и насколько вѣрно сопоставленіе его съ Гоголемъ, предоставляемъ судить читателямъ; для насъ-же важно въ данномъ случаѣ то, что г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ мимоходомъ сдѣлать характеристику сѣвернаго и южнаго писателей, а между тѣмъ вопросъ о южнорусской литературѣ 19-го вѣка, какъ о явленіи, имѣющемъ свои характерныя черты, почти обойденъ молчаніемъ въ его книгѣ, кромѣ одной главы (XXVI-й), гдѣ г. Скабичевскій касается малорусской литературы въ лицѣ Шевченка, этого «гиганта южно-русской поэзіи», по его выраженію (стр. 475). Изложивъ его біографію, авторъ даетъ слѣдующій отзывъ о его сочиненіяхъ:

„Главное отличіе Ш. не только отъ Некрасова, съ его дворянскою хандрою, но и отъ Кольцова и прочихъ великорусскихъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, заключается въ томъ, что это единственный русскій писатель въ нынѣшнемъ столѣтіи, сохранившій живую и непосредственную связь съ народомъ, изъ среды котораго вышелъ, связь какъ по своему міросозерцанію, идеаламъ, такъ и по характеру и формамъ своей поэзіи. Въ поэзіи Ш. вы и слѣда не найдете ни той оторванности отъ народа, которая составляетъ печальный удѣлъ всѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, ни той рефлективной раздвоенности, которою страдали всѣ современники Ш. Изучая поэзію его, вы имѣете возможность съ поразительною наглядностью прослѣдить великій и таинственный актъ перехода народно-собиратель-

наго творчества въ личное. И характеръ лирическаго одушевленія, этой тихой, надрывающей сердце грусти, проникающей всю поэзію Ш., и образы, и мотивы остаются вполнѣ народными, такими же, какіе вы найдете въ любой малороссійской думѣ. Въ то же время сюжеты большинства поэмъ не выдуманы, а взяты всецѣло изъ народныхъ легендъ и преданій. Личность писателя словно какъ-бы исчезаетъ въ этомъ морѣ чисто-народной поэзіи; онъ ничего не создаетъ своего, что составляло-бы рѣзкую индивидуальную особенность его. Но въ тоже время отнюдь не является рабскимъ подражателемъ народной поэзіи: все что онъ черпалъ изъ нея онъ переработывалъ, возводя въ перлъ художественнаго созданія безъискусственно-младенческій лепетъ народа и освѣщая зрѣлымъ сознаніемъ передовыхъ идей своего вѣка темные инстинкты народныхъ стремленій, симпатій и антипатій. Самый языкъ его произведеній не даромъ поражаетъ всѣхъ знакомящихся съ его поэзіею своею простотою и общедоступностію не только для кровныхъ малороссовъ, но и для людей совершенно незнакомыхъ съ южно-русскимъ нарѣчіемъ: читать Ш. имъ не въ примѣръ легче, чѣмъ всѣхъ прочихъ малороссійскихъ писателей. Это происходитъ отъ того, что послѣдніе писали и пишутъ на языкѣ искусственномъ, исполненномъ полонизмовъ и всякаго рода новыхъ словъ и выраженій, созданныхъ въ интеллигентныхъ слояхъ малороссійскаго общества. Для простого неученаго хохла этотъ вычурный языкъ такъ же мало понятенъ, какъ и для великоросса. Между тѣмъ Ш. писалъ на томъ живомъ языкѣ, на какомъ говоритъ и поетъ самъ народъ въ Украинѣ; народъ же украинскій говоритъ вовсе не на томъ тарабарскомъ малороссійскомъ нарѣчіи, на какомъ пишутъ его бары; великоруссъ безъ малѣйшаго труда понимаетъ рѣчь хохла слово въ слово, за исключеніемъ развѣ что нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, которыя вы можете встрѣтить въ любой деревнѣ въ Великороссіи и въ Малороссіи. Такимъ образомъ, поэзія Ш. является общимъ достояніемъ всего русскаго народа; произведенія его нѣтъ надобности переводить на нашъ литературный языкъ: ими могутъ въ равной степени наслаждаться и малороссы, и великороссы, и образованные, и неграмотные люди" (478—9).

Соглашаясь въ общемъ съ приведенною оцѣнкою поэзіи Ш., мы не можемъ не указать на нѣкоторыя странности во второй половинѣ приведенной нами цитаты. Называя Шевченка гигантомъ южно-русской поэзіи, г. Скабичевскій въ то же время какъ-бы отрицаетъ самое существованіе этой поэзіи—съ одной стороны отрицательнымъ путемъ, не упомянувъ въ своей книгѣ, какъ мы уже сказали, ни объ одномъ южно-русскомъ писателѣ, писавшемъ на малороссійскомъ языкѣ, съ другой—положительнымъ, иронизируя надъ барами, пишущими на тарабарскомъ нарѣчіи. Конечно, въ книгѣ, посвященной общерусской литературѣ, можно было совсѣмъ не упоминать о литературѣ малорусской; но разъ г. Скабичевскій нашелъ нужнымъ заговорить о гигантѣ южно-русской поэзіи, необходимо было коснуться и менѣе значительныхъ ея представителей (какъ сдѣлалъ это онъ относительно писателей общерусскихъ). Если же г. Скабичевскій дѣйствительно не признаетъ существованія южно-русской ли-

тературы, то какое значеніе можетъ имѣть приведенный эпитетъ относительно Шевченка? Не менѣе страннымъ представляется намъ мнѣніе, что языкъ Шевченка можетъ быть вполнѣ понятенъ великоруссу. Лучшимъ опроверженіемъ этого можетъ служить примѣръ самого г. Скабичевскаго, который въ своихъ, очень немногочисленныхъ цитатахъ изъ Шевченка сдѣлалъ двѣ довольно важныя ошибки: «Данта старего» (полонизмъ) и «Якъ-*бо* (вм. якъ-*бы*) то ты, Богдане» (стр. 480), а въ перечисленіи сочиненій Костомарова помѣстилъ драму Савва *Шалый* вм. хорошо извѣстнаго намъ южноруссамъ *Савы Чалого* (стр. 367 и, вторично, въ указателѣ, стр XI).

В. Щербина.

Сборникъ топографическихъ свѣдѣній о курганахъ и городищахъ въ Россіи. Волынская губернія. Спб. 1888. Изданіе Императорской археологической коммиссіи.

Настоящій литографированный выпускъ «Сборника» представляетъ собою сводъ свѣдѣній, доставленныхъ волостными правленіями волынской губ. центральному статистическому комитету, въ отвѣтъ на вопросы, списокъ которыхъ составленъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ, сдѣлавшимъ и самый сводъ. Цѣль разбираемаго труда выясняется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «Такой сборникъ облегчилъ бы дальнѣйшее изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей лицамъ, приступающимъ къ ихъ изученію, и сохранилъ бы для исторіи память о городищахъ и курганахъ, существующихъ нынѣ, но долженствующихъ скоро исчезнуть подъ плугами пахарей и вслѣдствіе раскопокъ при проведеніи дорогъ, при возведеніи построекъ, кладоискателями, добывающими глину, камни и пр.». «Съ другой стороны сказанный сборрикъ могъ бы послужить основнымъ матеріаломъ для географической карты городищъ и кургановъ, сохранившихся въ предѣлахъ Россіи».

Просматривая «Сборникъ», мы убѣдились, что онъ заключаетъ достаточное количество матеріала, весьма полезнаго для руководства археологамъ-практикамъ при выборѣ ими пунктовъ для раскопокъ. Въ немъ зарегистровано 158 городищъ и болѣе 5760 кургановъ, съ указаніемъ ихъ мѣстоположенія, формы, съ описаніемъ поверхности, съ обозначеніемъ размѣровъ и, наконецъ, съ сообщеніемъ преданій о курганѣ и городищѣ, если таковыя имѣются. Хотя на такія преданія археологу можно полагаться далеко не всегда, но и пренебрегать ими вовсе тоже нельзя. Къ слову сказать, не лишнее будетъ

заглянуть въ «Сборникъ» и этнографамъ. Они найдутъ въ немъ и интересныя названія кургановъ, какъ напр. Велетнева могила, курганъ Бонякъ и проч., и любопытныя преданія. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ курганѣ близъ м. Берестечка погребены 500 дѣвицъ, взятыхъ въ плѣнъ татарами и лишившихъ себя жизни. Въ курганѣ при с. Мервѣ, въ урочищѣ Маруха погребена княгиня проньская Маруха. На большомъ курганѣ, называемомъ «церковищемъ», близъ с. Топорищъ и урочища «Теремцы» стояла нѣкогда церковь, которая будто бы вошла въ землю. Около деревни Городца есть двѣ земляныя насыпи, называемыя «городками»; по преданію, на одномъ изъ нихъ стоялъ городъ, который былъ разрушенъ въ княженіе св. Ольги. Два городища бл. м. Искорости, въ одномъ изъ которыхъ, по преданію, стоялъ древній городъ Коростень, а на мѣстѣ другаго, называемаго «замчищемъ», стоялъ замокъ князя Малка. Любопытно до нѣкоторой степени указаніе объ уніатѣ Трыпольскомъ, фундаторѣ церкви въ с. Милостивѣ, 200 лѣтъ нетлѣнно почивающемъ въ подземельѣ безъ помощи бальзамированія.

Что же касается того, чтобы разсматриваемый «Сборникъ» послужилъ основнымъ матеріаломъ при составленіи карты городищъ и кургановъ, то мы полагаемъ, что онъ можетъ служить полезнымъ пособіемъ въ этомъ настоятельной важности дѣлѣ, хотя составитель карты, конечно, вынужденъ будетъ подвергнуть тщательной провѣркѣ свѣдѣнія, доставленныя волостными правленіями.

Во всякомъ случаѣ, очень желательно, чтобы свѣдѣнія, собранныя статистическимъ комитетомъ по другимъ губерніямъ, дождались поскорѣе сводовъ, подобныхъ настоящему, и чтобы «Сборникъ» получилъ больше распространенія.

В. Я.

Лисовскій А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава. 1890.

Эта небольшая брошюра состоитъ: во первыхъ, изъ теоретическихъ соображеній объ условіяхъ происхожденія думъ, ихъ основномъ характерѣ, различі съ пѣснями и пр., во 2-хъ, изъ опыта классификаціи ихъ и разбора. Брошюра эта любопытна, какъ выраженіе провинціальной мысли, вмѣсто зеленаго стола обратившейся къ вопросу изъ области теоріи и исторіи словесности; она обнаруживаетъ въ авторѣ способность къ анализу и логическую стройность мысли. Ничего новаго въ этой книжкѣ нѣтъ, и напр. общій теоретическій во-

просъ о различіи между думою и пѣснею и объ условіяхъ образованія и развитія первой обставленъ совершенно ненужными и излишними подробностями и развитъ съ расплывчатостью, иной разъ переходящею въ досадное многословіе и болтливость, которыя, впрочемъ, легко объясняются самимъ свойствомъ разсматриваемаго предмета, дѣйствительно увлекательнаго до-нельзя. Какъ на образецъ такого излишняго многословія о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и вошедшихъ даже въ учебники теоріи словесности, можно указать на 2-ю главу, по преимуществу разсматривающую отличія думы отъ пѣсни. Кромѣ того, въ шестой (послѣдней) главѣ опять таки много повтореній сказаннаго уже выше.

Вторая половина книжки, занятая довольно подробнымъ анализомъ думъ, болѣе полезна, такъ какъ вводитъ читателя, такъ сказать, въ самый процессъ образованія, развитія и роста думы; жаль, что въ ней рядомъ съ нѣсколько излишними, отчасти схоластическаго свойства, подробностями, относящимися къ вопросу о той или иной классификаціи думъ, отсутствуетъ разборъ думъ со стороны языка, его образности и художественности: то, что приведено въ книжкѣ изъ этой области, очень кратко... А между тѣмъ это—далеко не послѣднее дѣло, особенно при разсмотрѣніи такихъ роскошныхъ думъ, какова, напр., дума о Самойлѣ Кошкѣ. Что касается внѣшней стороны изложенія, то должно признать, что оно отличается и стройностью, и довольно хорошимъ, живымъ языкомъ, иногда, впрочемъ, впадающимъ въ излишнюю цвѣтистость. Иной разъ встрѣчаются неправильныя слова и выраженія (напр. исподволь—21 стр., судорга—17 стр.), но они почти не нарушаютъ общаго впечатлѣнія извѣстной правильности и живости языка въ книжкѣ.

А. Степовичъ.

А. И. Маркевичъ. Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета. Историческая записка и академич. списки. 784 стр.+XC. Одесса 1890 Ц. 1 р. 50 к.

Этотъ обширный и довольно обстоятельный трудъ особенно любопытенъ въ первой своей части (1—148 стр.), гдѣ разсказана поучительная исторія трехлѣтнихъ мытарствъ вопроса о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ и сообщено много выписокъ изъ безконечной переписки по сему предмету (съ 10 іюня 1862, когда это преобразованіе было окончательно рѣшено въ своихъ основаніяхъ,

до 1 мая 1865, когда, наконецъ, произошло давно ожиданное событіе). Для исторіи русскаго просвѣщенія «записка» г. Маркевича представитъ вообще довольно много данныхъ; нѣкоторыя же несовершенства ея достаточно объясняются краткостью времени, послужившаго къ ея составленію. Во всякомъ случаѣ обращаемъ вниманіе любителей отечественнаго просвѣщенія на эту книгу, освѣщающую и разъясняющую тѣ довольно обычныя условія, при которыхъ у насъ въ большинствѣ происходитъ открытіе учебныхъ заведеній, не только высшихъ и среднихъ, но даже и низшихъ (срв., напр. нашу замѣтку, посвященную книжкѣ г. Полницкаго, въ «Кіевской Старинѣ» 1891 г. книга 2). Книга, кстати, стоитъ весьма недорого, какъ и подобаетъ, впрочемъ, такого рода изданіямъ. Она снабжена академическими списками, составляющими необходимое дополненіе къ исторіи каѳедръ и разныхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, занимающей срединную и, конечно, самую цѣнную часть книги.

Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы гг. составители книгъ, подобныхъ разсматриваемой, больше и глубже останавливались на внутренней жизни учащихся, этого важнѣйшаго элемента всякаго учебнаго заведенія, элемента, для котораго собственно и существуютъ всѣ учебныя заведенія съ ихъ многочисленнымъ и дорого стоющимъ составомъ преподавателей, служащихъ и пр. А то обыкновенно бываетъ такъ, что намъ преподносятъ, какъ и въ данномъ случаѣ, въ очень обширномъ изложеніи внѣшнюю исторію учебнаго заведенія, изъ которой не вынесешь никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ жилось учащимся въ разныя времена существованія заведенія, какія господствующія настроенія замѣчались въ молодежи, что ее волновало, какая судьба постигла болѣе выдающихся ея представителей и т. д. и т. д. Правда, такую исторію заведеній писать труднѣе, чѣмъ внѣшнюю, уже по одной крайней трудности собиранія матеріала, но тѣмъ болѣе была бы заслуга составителей, еслибы они, сколь возможно внимательнѣе, останавливались на указанной нами внутренней жизни заведеній и слѣдили за строемъ, складомъ міровоззрѣнія учащихся, ходомъ ихъ умственнаго развитія, какъ извѣстно совершавшагося въ прежнее время главнымъ образомъ въ разнаго рода кружкахъ, матеріальной стороною ихъ жизни и пр. и пр.

А. С—чъ.

«Епархіальныя Вѣдомости» южно русскихъ губерній въ 1890 г. (Волынскія, Воронежскія, Донскія, Кишиневскія, Курскія, Минскія, Подольскія, Полтавскія, Таврическія, Херсонскія и Черниговскія).

«Епархіальныя Вѣдомости», будучи оффиціальнымъ органомъ мѣстнаго духовенства, помѣщаютъ нерѣдко на своихъ столбцахъ матеріалы и изслѣдованія не узко-сословнаго, а общаго интереса. Среди рѣчей, поученій, описаній юбилейныхъ торжествъ, посѣщеній архипастырей, въ «Епарх. Вѣд.» можно встрѣтить и статистико-географическія описанія поселеній, и археологическія замѣтки, и замѣтки этнографическія, и изслѣдованія по исторіи края. Но только статьи обще-научнаго интереса составляютъ не обязательную черту епарх. изданій, а скорѣе случайности, зависящія отъ многихъ условій: и воззрѣній епархіальной власти, и направленія и энергіи редакціи, и присутствія въ составѣ духовенства отдѣльныхъ лицъ съ литературно-научными стремленіями и т. д. Отсюда—нѣкоторыя «Епархіальныя Вѣдомости» въ теченіи истекшаго года не напечатали ни одной статьи общаго, а не узко-сословнаго интереса (Черниговскія и отчасти Херсонскія Вѣд.), другія одну только половину года имѣли этого типа статьи (Таврическія Вѣд.), въ третьихъ статьи съ обще-научнымъ содержаніемъ принадлежатъ исключительно одному-двумъ лицамъ (Бессарабскія и Таврическія), тогда какъ напротивъ встрѣчаются и такія изданія епархіальныя, которыя за разсматриваемое время помѣстили на своихъ столбцахъ сравнительно много серьезнаго и интереснаго матеріала. Въ этомъ отношеніи выдѣляются «Епархіальныя Вѣдомости» Волынскія, Воронежскія, Курскія, и особенно Подольскія. Объясненіе обилія матеріаловъ на страницахъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» чрезвычайно интересно. Извѣстно, что въ подольской епархіи болѣе 25 лѣтъ функціонируетъ «Епархіальный историко-статистическій комитетъ», едва ли не единственное въ южной Россіи ученое общество этого типа, или, по крайней мѣрѣ, единственное по своей замѣтной научной дѣятельности. Кромѣ изданія нѣсколькихъ томовъ своихъ трудовъ, подольскій епархіальный статистическій комитетъ за періодъ своего существованія напечаталъ не мало матеріаловъ и статей на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Благодаря тому же ученому обществу, наплывъ статей, какъ и въ другіе годы, и въ истекшемъ году въ Епарх. Вѣд. былъ сравнительно значителенъ, такъ что Подольскія Вѣд. выходятъ не два раза въ мѣсяцъ, какъ другія епархіальныя изданія, а еженедѣльно. Хотя въ юго-зап. губер-

ніяхъ духовенство, можетъ быть, сравнительно богаче образованными представителями чѣмъ, въ другихъ губерніяхъ, но во всякомъ случаѣ, въ любой епархіи, въ кругу представителей учебнаго міра, и частію городскихъ священниковъ, духовенство имѣетъ настолько постоянный и достаточный контингентъ интеллигентныхъ представителей не только съ среднимъ, но и съ высшимъ академическимъ образованіемъ, что могло бы сгруппировать епархіальный историко-статистическій комитетъ для изученія и разработки мѣстныхъ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, которыми богаты всѣ мѣстности юга Россіи. Всему помѣха, кажется, инертность нашего духовенства.

Благодаря отмѣченной выше особенности «Епарх. Вѣд.», именно, что содержаніе ихъ обусловливается въ большинствѣ случаевъ чисто случайными обстоятельствами, какъ присутствіе среди духовенства въ данный моментъ двухъ-трехъ лицъ съ иниціативой и литературно-научными стремленіями, трудно опредѣлить, такъ сказать, *обще-годовое* направленіе южно-русскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» въ 1890 г. Единственный сюжетъ, который такъ или иначе затрогивался почти всѣми епархіальными изданіями—это расколъ на югѣ Россіи, и главнымъ образомъ штундизмъ: кромѣ рѣчей, замѣтокъ о собесѣдованіяхъ съ религіозными отщепенцами, о фактахъ возврата къ православію и обратно,—этому вопросу въ «Епарх. Вѣд.» посвящены спеціальныя статьи. Расколъ среди южнорусскаго населенія, составляющій заботу дня для духовенства,—явленіе весьма характерное. Какихъ-нибудь 200 лѣтъ назадъ среди южнорусскаго населенія не только не существовало вопроса о сектантствѣ въ православіи, но южнорусскій народъ на свой страхъ велъ самостоятельно борьбу въ видѣ козачества и братствъ со всякими попытками къ отпаденію отъ православія, къ чему имѣлъ тенденціи не только высшій правящій классъ, но и духовенство. Теперь же роли измѣнились; южнорусское населеніе въ самомъ православіи создало секты: штунду, шалопутство и пр., чрезвычайно склонно къ отпаденію отъ православія, а на защиту послѣдняго, на борьбу съ сектантствомъ выступаютъ высшіе классы и духовенство. Очевидно, произошло серьезное видоизмѣненіе въ воззрѣніяхъ южно-русскаго населенія. Къ сожалѣнію, органы мѣстнаго духовенства— «Епархіальныя Вѣдомости» не ставятъ вопроса прямо о причинахъ замѣчаемой въ послѣднее время склонности южноруссовъ къ религіозному отщепенству, а трактуютъ о вліяніи постороннихъ элементовъ на развитіе вѣроотступничества, совершенно игнорируя, что

въ XVI—XVII вѣкахъ южноруссы видѣли и имѣли соблазновъ къ вѣроотступничеству гораздо болѣе, чѣмъ въ наше время, и однако тогда южно-русская масса выступала борцомъ за православіе.

Изъ работъ, посвященныхъ расколу и сектантству, въ 1890 г. въ «Епарх. Вѣд.» помѣщены были слѣдующія: М. Бѣлова «Расколъ въ воронежской епархіи» при епископѣ Тихонѣ I («Ворон. Еп. Вѣд. №№ 3, 46—7), П. Оболенскаго, «Вѣроисповѣданіе русскихъ сектантовъ раціоналистовъ (духоборцевъ, молоканъ и штундистовъ) (ib. №№ 1, 5, 6, 9, 10 и 12); свящ. П. Петрова «Къ вопросу о борьбѣ съ расколомъ и сектантствомъ» - записки сельскаго пастыря» (ib. № 9); «Штундисты балтскаго уѣзда» (Под. Еп. Вѣд. № 13—14); Авксентія Стадницкаго, «Состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи за 1889 г.» (Кишиневск. Еп. Вѣд. № 14—16) и др.

Изъ данныхъ «Епарх. Вѣд.» за 1890 г. очевидно, что ростъ среди южно-русскаго населенія сектантства, и главнымъ образомъ раціоналистическихъ формъ его, отмѣченъ на всѣхъ пунктахъ южно-русской территоріи и по всей странѣ духовенствомъ объявлена ему борьба. Понятно, что и вызванныя этой борьбой статьи о сектантахъ посвящены по преимуществу двумъ темамъ: догматикѣ и обрядностямъ сектъ съ констатированіемъ слабыхъ пунктовъ сектантства (какъ раздоры, дробленія, внутреннія несогласія вожаковъ) и выясненію средствъ борьбы съ сектантствомъ. Между прочимъ въ «Замѣткахъ сельскаго пастыря» (Воронежск. Еп. Вѣд.» № 9) авторъ трактуетъ о непродуктивности борьбы съ расколомъ путемъ посылки миссіонеровъ и о «преимуществахъ постояннаго воздѣйствія на раскольниковъ мѣстнаго духовенства», которое въ видахъ успѣшности борьбы должно быть снабжено старопечатными и полемическими противъ раскола книгами. Гораздо интереснѣе ставятъ вопросъ о средствахъ борьбы съ сектантствомъ «Полт. Епарх. Вѣд.» —путемъ возрожденія среди южно-русскаго населенія церковныхъ братствъ, особенно живо функціонировавшихъ въ южной Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ. Братствамъ въ «Полт. Еп. Вѣд.» посвящены двѣ статьи: Дмитревскаго «Русскія православныя братства» (№ 8), и Нарицова «Православныя церковныя братства въ Россіи» (№ 11). Хотя эти работы и ничего не даютъ новаго о братствахъ, что бы уже не трактовалось въ печати, но онѣ оживляютъ и популяризуютъ данныя изъ исторіи южно-русскихъ братствъ, какъ средства борьбы съ вѣроотступничествомъ на почвѣ народной. Остальныя статьи «Епархіальныхъ Вѣдомостой» можно разбить на слѣдующіе отдѣлы: а) біографіи южно-русскихъ историче-

скихъ дѣятелей изъ среды духовенства, б) описаніе поселеній, мѣстъ и церквей, в) изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ исторической и современной жизни южноруссовъ и г) мелкія замѣтки.

Къ первому отдѣлу относятся слѣдующія статьи: «Святой Макарій, митрополитъ кіевскій» Перепечина («Минск. Епарх. Вѣд.» № 6); «Сватый преподобный мученикъ Макарій, архимандритъ овручскій» («Полт. Вѣд». № 7), «Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій» (ib., № 2, 3, 4), «Іоанникій Голятовскій, богословскій полемистъ XVII ст.» («Волынск. Вѣд.» № 25 и 26), «Лаврентій Зизаній Тустановскій и его сочиненіе большой катехизисъ», Ѳ. Ильинскаго (ib. № 3—5, 15—18), «Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій» («Подольск. Еп. Вѣд.» № 34), «Амфилохій, епископъ хотинскій», Авксентія Стадницкаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 21) и того же автора—о дѣятельности митрополита Гавріила по управленію молдаво-валахскимъ экзархатомъ (1808—1812) (ib. № 10 и 12).

Большинство біографій носитъ характеръ сжатыхъ набросковъ, болѣе же обстоятельно разработаны историческія данныя объ Іоасафѣ Кроковскомъ, этомъ послѣднемъ избранномъ, а не назначенномъ митрополитѣ кіевскомъ, видномъ дѣятелѣ кіево-могилянской коллегіи въ качествѣ сначала «профессора, а потомъ и ректора ея, при которомъ построена была теперешняя Богоявленская церковь Братскаго монастыря и зданіе, извѣстное теперь подъ названіемъ стараго академическаго корпуса. При Кроковскомъ же, какъ архимандритѣ Кіево-Печерской лавры устроена была на средства Мазепы теперешняя печерская ограда съ башнями по угламъ. Но особенный интересъ очерку о Кроковскомъ придаютъ живо сгруппированныя авторомъ данныя изъ бытовой жизни XVII—XVIII вѣковъ, объ обычаѣ, существовавшемъ еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII ст.—выборѣ себѣ священниковъ и причта изъ числа вольныхъ претендентовъ разныхъ классовъ и образованія (поповичей, дьячковъ, крестьянъ, мѣщанъ, козаковъ) и о заключеніи контрактовъ съ ними, такъ какъ въ это время южнорусское духовенство не было еще замкнутымъ сословіемъ, въ средѣ котораго частое явленіе составляли такъ называемые «дикіе попы» — священники безъ прихода, которые покупали себѣ санъ въ Молдавіи или Турціи «на вакансъ или про запасъ», бѣжавшіе изъ Польши, «иные съ избитымъ тѣломъ, со скудными клочками волосъ на головѣ и далеко неполною бородою».

Не меньшій интересъ представляетъ статья «Волынск. Епарх. Вѣд.» о Лаврентіи Зизаніѣ, напечатанная въ семи №№ и составлен-

ная на основаніи Актовъ зап. и юго-зап. Россіи, археограф. экспедиціи и многихъ другихъ сырыхъ матеріаловъ.

Во второй отдѣлъ, кромѣ замѣтокъ *объ отдѣльныхъ поселеніяхъ* (свѣдѣнія о мѣстечкѣ Бѣликахъ и его предмѣстѣ Бояркѣ кобелякскаго у., полт. губ., свящ. Романовскаго («Полт. Еп. Вѣд.» № 5), село Крапивницы винниц. у., («Под. Еп. Вѣд.» № 44) и село Клебань брацлавскаго у. *С. Л.* («Подольск. Еп. Вѣд.» № 52); о *мѣстностяхъ*: «Замѣтки о залучскихъ пещерахъ» Н. Л. («Под. Еп. Вѣд.» № 38), «Холковскія пещеры» свящ. Тимофѣева («Курск. Еп. Вѣд.» № 48), и *церквахъ* «Свѣдѣнія о бахчисарайской Успенской церкви, устроенной въ каменной скалѣ («Тавр. Еп. Вѣд.» № 2 и 5), «Панагія или Успенскій скитъ» (ib. № 6),—входятъ статьи съ систематическимъ изложеніемъ данныхъ о поселеніяхъ и церквахъ цѣлыхъ епархій, какъ-то: село Кань-Колодезь (историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ, Н. Никитина) («Ворон. Еп. Вѣд.» № 1, 2, 5, 8); «Историческія замѣтки о гор. Суджѣ и его уѣздѣ» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 5, 7, 34); «Древнія православныя церкви въ Подоліи» («Под. Еп. Вѣд.» №№ 11, 17, 37—40 и 42). «Краткое описаніе станицъ области войска донскаго» («Донск. Еп. Вѣд.» №№ 4, 5—9, 16—20) и «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи («Волынск. Еп. Вѣд.» №№ 3—9, 11—36).

Почти всѣ статьи этой категоріи, какъ говорятъ уже заглавія, не только интересны, но и важны въ смыслѣ обнародованія и систематизаціи матеріаловъ для историко-географическаго изученія южной Россіи, особенно статьи Воронежскихъ, Курскихъ и Донскихъ Вѣдомостей; но положительный вкладъ въ науку составляетъ обширная работа Волынск. Епарх. Вѣд. О капитальности послѣдней работы можно заключить уже изъ того, что хотя «Историко статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи» напечатано почти во всѣхъ 36 годовыхъ номерахъ, но это только сравнительно небольшая часть труда: въ 1890 г. описано только 264 поселенія, тогда какъ въ предшествовавшіе годы было описано уже 779 поселеній, и работа еще далеко не закончена.

Правда, что большинству поселеній въ «Волынск. Вѣд.» даются сжатыя описанія, интересныя указаніемъ годовъ постройки церквей и годовъ, съ которыхъ при церквахъ имѣются метрическія книги, эти единственные источники для исторической статистики, но эти описанія сопровождаются важными подстрочными примѣчаніями, въ которыхъ приводятся историческія справки изъ подлинныхъ докумен-

товъ и матеріаловъ, почему самыя примѣчанія занимаютъ обыкновенно больше мѣста, чѣмъ текстъ описаній. Но кромѣ того чрезвычайно большой фактическій матеріалъ подобранъ въ волынскихъ описаніяхъ по нѣкоторымъ поселеніямъ, игравшимъ сколько-нибудь важную роль въ исторической судьбѣ края, напримѣръ историческое описаніе г. Кременца занимаетъ восемь номеровъ Вѣдомостей; не менѣе обширно составлено описаніе с. Бѣлокриницы, м. Малый Вишневецъ, при которыхъ въ текстѣ приведены подробныя родословныя владѣльцевъ этихъ поселеній, князей Зборовскихъ и Вишневецкихъ.

По своему содержанію къ группѣ указанныхъ статей должны быть отнесены слѣдующія еще работы: «Матеріалы для исторіи курской епархіи» («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 13—15, 17, 20—26, 28, 29, 32—33, 37 и 39), «Матеріалы по исторіи подольской епархіи», св. Якубовича (№ 41), Матерьялы для исторіи кишиневской семинаріи», А. С. (Киш. Еп. Вѣд. № 19) и «Историческія записки объ открытіи елисаветградскаго духовнаго училища» («Херсонск. Вѣд.» № 10, 11, 19—24), «Матеріалы для исторіи воронежской епархіи» (1800—1810) («Ворон. Вѣд.» № 6, 7—9). Но по интересу эти статьи не сравнимы съ первыми: это въ большинствѣ односторонній въ смыслѣ узкосословномъ, подборъ матеріаловъ административно-церковнаго характера, хотя матеріалъ нерѣдко представляется въ большихъ подробностяхъ,—напр. статья «Курск. Вѣд.» въ 17-ти №№ заключаетъ въ себѣ часть матеріала относительно Рыльскаго монастыря, куда входятъ данныя по такимъ рубрикамъ: игумены монастыря, архимандриты, настоятели и благотворительность монастыря, примѣчательныя событія, архивъ и хозяйственные документы, библіотека, утварь и зданія.

Вторая категорія статей «Епархіальныхъ Вѣдом.» является очевидно въ большинствѣ случаевъ извлеченіями изъ церковныхъ лѣтописей, которыя съ нѣкотораго времени ведутся при каждой церкви и потому представляютъ сырой матеріалъ.

Совершенно иного характера статьи, отнесенныя нами къ третьей категоріи—въ рубрику изслѣдованій,—это:

а) Статья *Н. Сенаторскаго* о епархіи въ Бѣлгородѣ («Курск. Еп. Вѣд.» №№ 22, 23, 26, 44, 45—50); б) свящ. И. Л. «Историческія свѣдѣнія о Каменцѣ Подольскомъ и его православныхъ церквахъ въ связи съ гражданскою и церковною жизнью Подоліи» («Подольск. Еп. Вѣд.» №№ 9 и 10); в) *Щеглова* «О монастырскихъ имѣніяхъ въ Бессарабіи, принадлежащихъ заграничнымъ восточнымъ монастырямъ Кишин. Вѣд. №№ 5, 6, 7).

Важность этихъ работъ та, что онѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, представляютъ самостоятельную разработку вопросовъ или по сырымъ матеріаламъ, или хотя по источникамъ второй руки, но съ особеннымъ освѣщеніемъ вопросовъ.

Болѣе другихъ интересна статья Сенаторскго о епархіи въ Бѣлгородѣ, какъ уже видно изъ заглавія отдѣльныхъ частей, на которыя она разбита: 1) обстоятельства, вліявшія на открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 2) открытіе епархіи въ Бѣлгородѣ; 3) предѣлы бѣлгородско-курской епархіи и 4) перенесеніе архіерейской каѳедры изъ Бѣлгорода въ губ. городъ Курскъ. Кромѣ послѣдней, четвертой, части, которая представляетъ интересъ по исторіи церкви или точнѣе по исторіи церковной администраціи, три первыя части интересны для исторіи колонизаціи края, тѣмъ болѣе, что онѣ скомпанованы на основаніи довольно многочисленныхъ источниковъ, и нерѣдко провинціальныхъ изданій, какъ напр. «Матеріалы для историко-стат. описанія екат. епархіи» («Екат. Еп. Вѣдом.» 1876 г.); «Матеріалы для исторіи курской епархіи и пр., а чаще на основаніи сырыхъ матеріаловъ—«Собранія госуд. грамотъ и договоровъ», «Полн. собр. законовъ», «Указовъ Св. Синода» и т. д.

Живой интересъ представляетъ и статья «Киш. Вѣд.», въ которой, главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній «Сборника бессарабскаго земства» за 1875 г. № 23, обстоятельно и на исторической почвѣ представлена связь молдаво-валахскихъ монастырей съ монастырями греческими восточными, эксплуатація греческимъ духовенствомъ, временно поддерживаемымъ князьями фанаріотами, управлявшими періодически молдаво-валахскимъ княжествомъ въ XVII в.; борьба противъ наплыва греческаго духовенства и его господства въ XVII в.; усиленіе греческаго вліянія въ XVIII ст. и полное владѣніе грековъ монастырскимъ имуществомъ, и наконецъ удаленіе греческаго духовенства въ первой четверти XIX ст.

Къ типу изслѣдованій могутъ быть еще отнесены слѣдующія статьи:

Ив. Шиповича «Рожецкій или Микулинскій монастырь» (Под. Еп. Вѣд. № 26-28), свящ. Алекс. Некропоса «Скиѳскіе памятники въ таврич. степяхъ» («Таврич. Еп. Вѣд.» №№ 11—12).

Послѣдняя статья напечатана въ «Еп. Вѣд.» по случаю открытія памятника импер. Екатеринѣ II, и состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются, главнымъ образомъ по Геродоту, свѣдѣнія о скиѳахъ, во второй, наиболѣе интересной, помѣщается подробное и

обстоятельное описаніе двухъ могилъ, ихъ раскопокъ и найденныхъ въ нихъ археологическихъ предметовъ—это «могила Агусъ и Чертомликовая большая могила».

Аналогичнаго археолого-этнографическаго характера и статья Шиповича о Микулинскомъ монастырѣ. Составлена она на основаніи достаточнаго количества серьезныхъ русскихъ и польскихъ источнириковъ; эта работа интересна не полнотою матеріала о монастырѣ, а тѣми географическими и историко-этнографическими данными, какія она даетъ объ окружающихъ поселеніяхъ.

Въ обитателяхъ с. Микулинецъ авторъ даетъ прекрасный примѣръ, достаточно полно обрисовывающій южно-русскія поселенія XVI—XVII в.в., когда только болота, лѣса, камыши и острова спасали населеніе, отъ смерти и плѣна. Интересно, что Микулинское поселеніе, исключительно по причинѣ своего положенія среди болотъ и лѣса, въ смутный періодъ южнорусской исторіи никогда не было уничтожаемо, какъ это не разъ случалось съ сосѣдними, менѣе благопріятно обставленными поселеніями.

Не менѣе интереса представляетъ для историко-этнографа и небольшая замѣтка «Подольск. Епарх. Вѣд.» о празднованіи въ Каменецъ-Подольскѣ «отпуста 29 іюня». «Замѣчательно,—говоритъ авторъ замѣтки,—что на этотъ отпустъ, именуемый «Иванецъ», собирается весьма много молдаванъ, какъ нигдѣ въ Подоліи, такъ что въ массѣ народа, бывающаго въ тотъ день въ церкви и на базарѣ, преобладаютъ молдаване, и это придаетъ отпусту немаловажное историко-этнографическое значеніе. «Отпустъ» при Предтеченской церкви начался не въ прошломъ столѣтіи, когда въ Каменцѣ господствовала унія (1699 г.), а раньше. Съ увѣренностью можно сказать, что этотъ церковно-народный обычай создался раньше XVIII в., при болѣе близкомъ свободномъ взаимодѣйствіи правой и лѣвой стороны Днѣпра, когда еще все коренное населеніе Подоліи—малороссы, были православными» (893 стр.).

Можно еще указать на слѣдующія статьи Епарх. Вѣд., общеинтересность которыхъ видна изъ самыхъ заглавій: «Къ вопросу о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ Бессарабіи», историческій очеркъ, свящ. Сазонта Лабатинскаго («Кишиневск. Еп. Вѣд.» № 22), «Ставленныя грамоты уніатскихъ митрополитовъ и епископовъ въ Брацлавщинѣ» («Под. Еп. Вѣд.» № 32), Ст. Длисскаго, «Предѣлы подольск. епархіи въ 1773 г.» (Ib. № 31); «Новыя свѣдѣнія по исторіи Подоліи и новыя данныя о судьбѣ великой княгини литовской

Елены (Ib. № 2)—это собственно библіографическая замѣтка съ извлеченіемъ содержанія, имѣющаго отношеніе, къ исторіи нынѣшней подольской губ., изъ вышедшихъ въ 1888 г. во Львовѣ «Monumenta Poloniae historica. T. V.»

Наконецъ, въ «Подольск. Епарх. Вѣд.» помѣщено не безъинтересное описаніе: «Освященіе памятника надъ костями человѣческими, вынесенными изъ пещеръ залучскихъ» («Под. Еп. Вѣд.» № 78). Извѣстно, что «залучскія пещеры» были обслѣдованы проф. Антоновичемъ и матеріалы по нимъ вошли въ рефератъ его, читанный въ Одессѣ на археологическомъ съѣздѣ «О скальныхъ пещерахъ по берегу Днѣстра въ подольск. губ.» Въ этихъ пещерахъ оказалась масса костей человѣческихъ, и хотя наука не опредѣлила, какому населенію принадлежатъ эти кости, но епархіальное начальство распорядилось предать ихъ христіанскому погребенію, что и было совершено съ большою торжественностью, съ участіемъ епископа.

Иродіонъ Житецкій.

Ал. С. Фаминцынъ: Гусли, русскій народный инструментъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Историческій очеркъ. Спб. 1890 г. ц. 2 р.

Эти книги величайшаго интереса. Въ продажу поступило всего 225 экз. ея, но, намъ кажется, этого количества будетъ недостаточно въ виду несомнѣннаго спроса, который непремѣнно возникнетъ, какъ только читающее общество ближе ознакомится съ содержаніемъ этого прекраснаго очерка. Настоящая наша замѣтка, не имѣющая притязанія на значеніе критической оцѣнки, именно и имѣетъ цѣлью привлечь вниманіе нашихъ читателей къ названной книгѣ. Въ ней собраны положительно всѣ имѣющіяся въ наличности историческія и чрезвычайно многочисленныя этнографическія указанія, какія только можно было добыть изъ печатныхъ и устныхъ источниковъ, особенно народныхъ пѣсенъ разныхъ славянскихъ племенъ (великоруссовъ и малоруссовъ, сербовъ и хорватовъ, чехо-мораванъ и словаковъ и пр.) о занимавшемъ автора музыкальномъ орудіи: его употребленіи, устройствѣ и пр.; приведены снимки со всѣхъ изображеній этого орудія и сродныхъ ему (напр. такъ называем. псалтири), какія только можно было собрать изъ древнихъ рукописей, фресокъ и пр. Наконецъ, въ приложеніи помѣщены чрезвычайно любопытныя нотныя выборки

изъ стариннаго сочиненія «Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго (1808 г.), гдѣ между разными плясками, аріями (напр. изъ тогдашней оперы «Русалка». «Приди о князь ты мой драгой!») находятся нѣсколько и духовныхъ пьесъ, напр. столь любимая въ сельскомъ духовенствѣ пѣснь: «О всепѣтая мати». Вообще по прочтеніи книги у читателя остается самое полное представленіе о гусляхъ, этомъ подлинно народномъ русскомъ музыкальномъ орудіи, уже почти изчезнувшемъ изъ современной жизни, но въ теченіе многихъ вѣковъ служившимъ превосходнымъ источникомъ духовныхъ наслажденій для нашихъ предковъ, утѣшителемъ въ ихъ скорбяхъ.

Сравнительный методъ, употребленный не однажды авторомъ, и при томъ съ успѣхомъ, прекрасно помогъ выясненію вопроса о сущности гуслей, ихъ первоначальномъ и послѣдующемъ устройствѣ, строѣ и пр.; чудскія и отчасти литовскія племена, издавна подвергавшіяся вліянію русской культуры, особенно привлечены были къ сравненію (чудь даже усвоила себѣ русско-славянское наименованіе «гѫсли», преобразивъ его, согласно звукословнымъ законамъ своего языка, въ *кантеле*, *каннель* и литовское *канклесъ*). Можно только пожалѣть, что составитель книги, повидимому, не особенно хлопоталъ о собраніи свѣдѣній касательно существованія описываемаго имъ орудія, т. е. гуслей, въ южной Руси и даже не знаетъ или не нашелъ никакихъ указаній о томъ, что и здѣсь доселѣ еще встрѣчаются кое гдѣ по глухимъ уголкамъ у стариковъ священниковъ старинныя гусли, которыя, конечно, уже умрутъ со смертію своихъ владѣльцевъ, но для изслѣдователя нашей народной жизни представляютъ и долго еще будутъ представлять величайшій интересъ. Винить, впрочемъ, г. Фаминцына довольно мудрено, такъ какъ, конечно, на мѣстныхъ дѣятеляхъ науки лежала и лежитъ обязанность озаботиться собираніемъ и описаніемъ всѣхъ данныхъ о современныхъ и прежнихъ гусляхъ въ южной Руси и пріобрѣтеніемъ для мѣстныхъ музеевъ уцѣлѣвшихъ доселѣ, вѣроятно, уже въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, мѣстныхъ южнорусскихъ экземпляровъ этого музыкальнаго орудія.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующій довольно вѣроятный, по нашему мнѣнію, выводъ, къ какому пришелъ изслѣдователь относительно происхожденія и устройства древне-славянскихъ и древне русскихъ гуслей, на которыхъ древне-русскій баянъ вкладывалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, а онѣ уже сами князьямъ славу рокотали: «первобытнѣйшая форма гуслей съ относительно малымъ чи-

сломъ струнъ, вѣроятно, заимствована славянами изъ Византіи[1]). У славянъ заимствовали ее финны западные, отъ которыхъ, въ свою очередь, переняли ее литовцы и латыши. Наиболѣе первобытный видъ представляютъ, вѣроятно, пятиструнныя гусли. (Мы думаемъ, впрочемъ, что, судя по «Слову о Полку Игоревѣ, въ древней Руси уже были извѣстны и болѣе сложныя гусли, по крайней мѣрѣ, десятиструнныя: Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху).. Нынѣ гусли въ рукахъ русскаго народа представляютъ весьма рѣдкое, исключительное явленіе и, судя по гуслямъ Трофима Ананьева, находящимся теперь въ музейномъ собраніи петербургской консерваторіи, свой болѣе усовершенствованный видъ (напр., многострунность) могли заимствовать въ свою очередь отъ эстовъ.

А. Степовичъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Вѣстникъ Европы 7—8.—Русская Мысль 7—8.—Сѣверный Вѣстникъ 7—8.—Русская Старина 7—8.—Русскій Архивъ 7—8.—Историческій Вѣстникъ 7—8.—Русскій Вѣстникъ 7—8. Русское Обозрѣніе 7—8.—Наблюдатель 7—8.

Вѣстникъ Европы VII. А. В—нъ. «Новѣйшая русская литература».—Подробный разборъ вышедшей недавно—«Исторіи новѣйшей русской литературы» Скабичевскаго, въ которой между прочимъ разбираются и произведенія Т. Г. Шевченко (стр. 344—345).

— **VIII.** Александры Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба (гл. I—VIII). Историческій очеркъ возникновенія и роста дворянства въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго и закрѣпощенія крестьянъ (стр. 515—569).

---

[1]) Въ примѣчаніи г. Фаминцынъ говоритъ, что между сокровищами, выкопанными Шлиманомъ изъ открытыхъ имъ развалинъ Трои, находится два предмета, принимаемые Шлиманомъ за обломки музыкальныхъ инструментовъ, называемыхъ имъ лирами... Еслибы объясненіе Шлимана оправдалось, то мы имѣли бы доказательство тому, что типъ орудій, подобный рассматриваемому нами типу гуслей—кантеле, канклесъ—извѣстенъ былъ уже въ древнія времена въ Малой Азіи, куда онъ проникъ, какъ видно изъ данныхъ, собранныхъ г. Фаминцынымъ, изъ древней Ассиро-Вавилоніи вмѣстѣ съ разными другими предметами образованности, и изъ Малой Азіи уже перешелъ и въ Европу.

Русская Мысль VII. Въ библіографическомъ отдѣлѣ — очень краткая рецензія на «Вольности запорожскихъ козаковъ» Эварницкаго (стр. 314).

— **VIII** Вс. Миллера.—Экскурсы въ область русскаго эпоса (продолженіе). Черты сходства былины объ Ильѣ Муромцѣ съ былинами иранскаго эпоса (стр. 88—122).

Сѣверный Вѣстникъ VIII. Н. Астыревъ. Одинъ изъ вопросовъ дня (начало). Данныя къ выясненію вопроса о поземельныхъ и сервитутныхъ отношеніяхъ между частными владѣльцами и крестьянами въ юго-западномъ краѣ (стр. 225—248).

Русская Старина VII. Н. А. Бѣлозерская.—В. Т. Нарѣжный—продолженіе біографіи (стр. 1—23).

Записки Ѳ. И. Іордана.—Автобіографія. Очень краткія замѣчанія о Н. В. Гоголѣ, съ которымъ авторъ былъ одновременно въ Римѣ въ 1836 и 1837 г. (стр. 33, 55 и 58).

— **VIII**. Бѣлозерская. Окончаніе біографіи и разбора произведеній В. Т. Нарѣжнаго (стр. 209—238).

Записки Іордана. Разсказъ о чтеніи Гоголемъ «Ревизора» въ Римѣ съ благотворительной цѣлью (стр. 247—249).

Семеновъ, П. Г. Рѣдкинъ. Некрологъ этого извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, малоросса по происхожденію, родившагося и получившаго первоначальное воспитаніе въ г. Ромнахъ, полтав. губ. (стр. 311—326).

Въ замѣткахъ: Письмо Григорія Сковороды къ Черткову (стр. 403).

Русскій Архивъ VII. Въ приложеніи: «Записки Ф. Ф. Вигеля» — авторъ продолжаетъ свои дѣтскія воспоминанія о жизни въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и о видныхъ представителяхъ кіевскаго общества того времени (стр. 49—97).

— **VIII**. Въ приложеніи: Записки Вигеля (продолженіе). Описаніе жизни и нравовъ богатой дворянской семьи кн. Голицына, въ домѣ котораго (недалеко отъ Кіева) авторъ прожилъ цѣлый 1799 годъ (стр. 115—142).

Историческій Вѣстникъ VII. Воспоминанія С. В. Скалонъ. Продолженіе дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ Малороссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія (стр. 50—64).

Въ отдѣлѣ:—Заграничныя историческія новости—Краткій отзывъ о переведенномъ Гартъ-Девисомъ на англійскій языкъ «Ревизорѣ» съ біографіей Гоголя (стр. 214—215).

Въ отдѣлѣ Смѣси—замѣтка по поводу 25-ти лѣтія каменецъ-подольской публичной библіотеки, исполнившагося 1 января 1891 г. (стр. 234—235).

— **VIII**. И. Любарскій. Воспоминанія о харьковскомъ университетѣ 1850—

1855 гг.—Воспоминанія автора о жизни студентовъ и о профессорахъ университета первой половины шестидесятыхъ годовъ (стр. 373—393).

Въ отдѣлѣ: Критика и библіографія—краткая рецензія на «Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Часть седьмая, т. II» (стр. 490—491).

Въ отдѣлѣ Смѣси: замѣтка объ археологической находкѣ бронзоваго періода г. Эварницкаго въ екатеринославской губ., александровскаго уѣзда, въ д. Богодарѣ (стр. 522).

Русскій Вѣстникъ VII. Въ отдѣлѣ: «Изъ жизни и печати» — выдержки изъ отчета г. попечителя кіевскаго учебнаго округа за 1890 г. о состояніи церковно-приходскихъ школъ, чешскихъ и нѣмецкихъ училищъ въ юго-западномъ краѣ (стр. 369—375).

Опечатки

въ статьѣ: „И. Ѳ. Тимковскій“ въ августовской книжкѣ:

Стран. 225,	стр. 12	сверху,	напечатано:	„министерс*тву*	надо:	„министр*у*“
„ 235	„ 13	снизу	„	„*по*вала“	„	„*на*пала“
„ 236	„ 2	сверху	„	„лиши*вшаяся*	„	„лиши*ться*

Дозволено ценз. Кіевъ, 11-го сентября 1891 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIV, 1891 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

велено сотникови сторожемъ глинскимъ послать везде. Въ роменской сотнѣ указъ данъ Івану Евстафѣевичу да Михаилу Петрову медъ продавать. До зборщиковъ константиновскихъ писалемъ о привозѣ сюда меду. Отецъ Пясецкій, намѣстникъ красногорскій, и отецъ Фома Збрискій были и обѣдали. Зъ Глухова подводи повернулись 3, на которихъ припроважено кухви горѣлки, зъ Тулиголовъ взятой, мѣрою у полдесяти посатки, да тютюну папушъ 2000. 1000 папушъ тютюну послалемъ до обозу зъ листомъ, къ Юску и Гаврилу писаннимъ, жебы взяли оній зъ собою. Зъ Глухова писма привезени и отъ господара, и отъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй пріехалъ. Подводчикамъ тамъ казалемъ еще по 5 алт. дать. До пѣратинского писалемъ о присилкѣ сюда писара Петрановского. Писаръ полковій Савѣцкій отехалъ до Луговиковъ отсюду, которому и листовъ два, для пересилки въ Лубнѣ, далемъ, еденъ до Ісаи Івановича, о лѣкарствахъ зъ рецептомъ, а другій до Стефана Стефанова, зборщика, въ которомъ и тотъ листъ включенъ, жеби онъ тіе лѣкарства, отобравши и заплативши, прислалъ. Указъ Івану Остапенку и Михаилу Петрову черезъ Яновского данъ, жеби вѣдерко меду, подлого, середного и лутшого, зваживши, дали о томъ знать мнѣ, сколко заважитъ пудъ.

11. Послали въ Глуховъ доношеніе въ коллегію о меду зборномъ, якъ оного продавать, тако жъ и о імбарахъ для хлѣбного збору, а послалъ черезъ козака атаманъ роменскій. До п. Андрѣя отвѣтъ, до господара два листи: еденъ о господарскихъ інтерессахъ, а другій зъ напомненіемъ за......... (?) противъ п. Андрѣя. Братъ п. Андрѣй зъ Сумъ пріехалъ. П. атаманъ роменскій, зъ Калнѣцкимъ ездившій до обозу, розискивать о побитю учинившомся, повернулся и писмо отъ старости коровин. привезлъ благодарное, что сатисфакцѣя учинена и онъ доволенъ.

12. Неделя. Тютюну присланного зъ Глухова возъ послалемъ до обозу, на низъ идучого, которій въ кулики 4 зложили, а показалось папушъ 950, а не 1000. Авдиторъ Зубовъ отъ князя Галѣцина, зъ Ахтирки, пріехалъ осведомится о дракгунахъ болнихъ и умершихъ. Коваля сторожа послали до обозу, а писала панѣ до

Юска, жеби чужихъ возковъ, подъ именемъ родителскимъ, не провадилъ и въ судно не бралъ бы, а я до Гаврила, жебы 2000 тютюну взялъ зъ собою, а 800 безъ 50 отдалъ би В....... (?). Да ему жъ послалемъ еще на дорогу грошей рублей 3. Писалемъ до Юска, жебы хорта, отъ Зарудного дарованного, а взятого зъ собою, завернулъ. П. Павлова лохвицкая пріехала въ Роменъ, и зъ Кролевця госпожа Демянова.

13. Сторожъ чигириндубровескій зъ писмомъ отъ тамошней старшини пріехалъ роспечатаннимъ, которое було въ рукахъ писара Савѣцкого. Да онъ же привезлъ грошей козакамъ, обрѣтаючимся при Сулаке, зъ домовъ ихъ 307 зол., якіе онъ же и повезлъ до табору, о чомъ до наказ. сот. ром. писалемъ. Онъ же отъ атамана чигир. привезлъ моихъ позиченнихъ ему 6 рублей. Справи чолобитчиковъ судились и многіе. Бутурлимови кафанъ стар.. ...(?) далемъ. Коваль сторожъ повернулся и хортовъ двохъ привелъ отъ Юска конюшого, взявшого оnихъ. Орановскій поехалъ, которому и наказъ далемъ въ пунктахъ 10. Сотникъ чорнускій обѣдалъ у насъ etc.

14. Леско сторожъ зъ Хорола и Сорочинецъ повернулся зъ отвѣтнимъ писмомъ обозного миргород., въ которомъ отвѣтуетъ готового себе бити до занесення справи о злодюгахъ въ коллекгію. Желязо посланъ въ Глуховъ, въ коллекгію, зъ доношеніемъ, чтобъ велено розискать о козакахъ нововписнихъ въ маетностяхъ родителскихъ и чтобъ велено по прежнему зъ курѣнской греблѣ приходъ брать розмѣровій до двора родителского. Чорнускій сотникъ отехалъ домой и пѣратинскій, которому объ отцу Фомѣ предлагалемъ. Хведчунъ явился знову, что не пропускаютъ товару моего.

15. Въ пасѣку свою на Плавинище ездилемъ, где пчоли было 39, и зъ тоей 2 подлихъ. Отецъ Іоанъ, началникъ пустинки Мутинской, пріехалъ. Петровскій явился по розиску, въ Вовковцяхъ учинившомся. Отцу Збрискому инстанцѣялніе объ немъ, къ архиерею кіевскому, писма послалемъ. Романъ молодикъ пріехалъ и привезлъ купленного собою меду кухву повную, а въ ней, по его сказцѣ, вѣдерокъ мѣри сенецкой 14, и особливо вѣдерко едно патоки. До Луки отправили черезъ засулцовъ кухву горѣлки, въ якую 4 вѣ-

дерки води досипали и полъ кухви соли. У шинку своемъ былемъ, где видѣлемъ новихъ не оббитихъ палубовъ своихъ 3, 1 палубъ старій оббитій, возъ воловий цѣлий, другий цѣлий же, новий, конній, и третего снасть, опрочъ колѣсъ и драбинъ. По отправѣ Гаврила молодика, осталось воловъ моихъ на Куцупѣевщинѣ 14, которіе и мастю въ Ромнѣ переписали.

16. До обозного миргородского знову, черезъ сторожа глинского, писалемъ, склоняя его до злагодного помѣркования. П. Федору Билиму и Василю Дяченку указъ далемъ править дѣла полковіе по моемъ отездѣ, до которихъ въ присидящихъ придани Петро Верещака и писаръ пѣратинскій. Черезъ старостиху Сухоносовскую писалемъ до Орановского о присилцѣ тютюну, 2500 папушъ, въ Роменъ. Сотникъ наказ. ром. Савуско повернулся и привезлъ реестра козаковъ.

17. Роману, молодику, казалемъ отправить въ Глуховъ коней 3, у хуторъ, кухву тую, купленную, меду, въ якой вѣдерокъ 14. по его словамъ, а ваги сороковихъ пудовъ 25 безъ 8 фунтовъ; такъ же 10 барановъ до пана Андрѣя, а на насѣнне 12 четвериковъ пшеницѣ, а жеби сіе запроважено было до Каменя, а зъ Каменя, чтобъ Ігнатъ отослалъ въ Глуховъ, писалемъ къ нему. Виехалемъ въ Ахтирку рано, а по виездѣ моемъ, пожаръ въ Ромнѣ учинившись, спалилъ дворовъ не малое число за мѣстомъ и въ мѣстѣ, где и отца намѣстника дворъ зовсѣмъ згорѣлъ. Перевюзшись черезъ Псіолъ у манастира гадяцкого, ночовалемъ якъ би у полъ-милѣ.

18. Поехавши оттуду, переехалемъ Веприкъ и обѣдалемъ, якъ би отъ него верстъ у 3, куда и Мартинъ молодикъ пріехалъ зъ Ромна зъ бутилми (?) водки, до князя данними. Поехавши оттоль, пріехалемъ до манастира ахтирского и противъ оного, на низу, ночовалемъ. Зъ обѣда черезъ почтара писалемъ до Билима и другихъ, чтобъ зслѣдовали, кого недостаетъ въ походѣ нинѣшнемъ и зъ якой сотнѣ, и о томъ бы заразъ писали до сотниковъ, о висилцѣ.

19. Неделя. Пріехалемъ рано въ Ахтирку и сталемъ за городомъ, въ левадѣ п. Василя, брегадирского зятя. Бувъ въ князя Михайла Михайловича Голѣцина, который мене милостиво принялъ

и, по службѣ Божой, обѣдалемъ у оного и до подпитку трактованъ былемъ; оттоль пошовши, бувъ у суддѣ Матвѣя Боярского. Принесени писма зъ Ромна, еденъ отъ старшини о пожежѣ и зъ Глухова отъ п. Андрея, о господаревихъ поступкахъ. Присилалъ до мене князь, жебы до завтройшого дня позабавился, а онъ поехалъ поліовать, где и ночовалъ. Марковскій отъ полковника стародубовского присланъ до князя о зведенню мекленбурцовъ, который у мене и ночовалъ.

20. Былемъ у секретаря княжого Василія Григор. Бѣрулева и у сотника Боярского, у которого о Копилу розговорувалемъ. Обѣдали у мене Бѣрулевъ и конюшій княжій. Сторожъ глинскій повернулся зъ листомъ отвѣтнимъ отъ миргородского обозного, въ которомъ обявляетъ о волахъ моихъ и коняхъ, что оніе до розиску и вершенія дѣла, не отданни мнѣ будутъ. Через Марковского писалемъ до п. Андрѣя, въ Глуховъ, и листъ до Левенца включилемъ въ его листъ, писанний о въ турму посаженнихъ моихъ людяхъ. У вечеру бувъ у Полянского, оберъ-криксъ-коммиссара.

21. Рано пріѣхалъ Хведчунъ зъ Копиломъ и явились мнѣ у моего становиска, а Копилови являтись ли до полковника ахтирского, или вернутись, отвѣту жадного не чинилемъ, и поехавши въ городъ, до князя, зъ дороги послалемъ Івана Ющенка, отказуючи ему, жебы онъ у мене не бувалъ, але якъ собѣ хочетъ, такъ бы и чинилъ. У князя по службѣ божой былемъ, где кушалемъ и, по кушанню, отклонилемся. Заехалемъ до полковника ахтирского Алексѣя Лесевицкого, где архидіякона бѣлогородского, архиерея Тихорского засталемъ, и когда съ хати съ полковникомъ, випроважавшимъ мене, вийшлисмо, въ тотъ часъ на дворѣ полковничомъ, и овихъ Хведчуна и Копила увидѣлемъ. Писалемъ до архиерея бѣлогородского и листъ отцу архидіякону, через сторожа пѣратинского, отослалемъ.

22. До себе Хведчуна призвалемъ и, увѣдомившись зъ его словесного донесения, что зъ девяти воловъ моихъ, осталось 7, и то зъ прикупленними отъ его, а тютюну папушъ 2300, якие купилъ, продавши рибу мою вялую и солсную, имъ же въ Черкаскомъ куп-

ленную Далемъ ему еще грошей червонихъ два и такъ его отправилемъ. Атютантъ княжий Петръ Григоріевичъ Василковъ писмо мнѣ княжое далъ о солдатахъ болнихъ, оставленнихъ въ шпиталѣ роменскомъ, жеби о нихъ потимъ, когда чили оздоровѣютъ, чили тожъ умрутъ, увѣдомилъ его сіятелство. Виехалемъ зъ Ахтирки передъ вечеромъ, а ночевалемъ якби миль у двѣ, на той сторонѣ Комишовъ. Едучи, нагналемъ двохъ козаковъ пѣратинской сотнѣ села Перервинецъ, зъ табору домой ворочаючихся, которихъ когда спиталемъ для чого вернени, подали мнѣ отпускное писмо Савви Мокіенка, атамана чер. данное имъ. Атаманъ николаевскій [1]), посланний до табору зъ Ромна отъ Билима и Дяченка, споткалъ мене на дорозѣ и подалъ писмо къ мнѣ писанное отъ ихъ, въ якомъ виражаютъ о томъ, что о недосталномъ числѣ товариства писали они жъ до старшинъ, чтобъ висилали вслѣдъ за таборомъ, а до наказного послали репорти отъ сотниковъ, ко мнѣ присланніе, въ якихъ виражено, сколько товариства и хто по именни випроважени въ походъ; зъ тимъ теди ихъ писмомъ и зъ репортами, велѣлемъ ему атаману ехать, наздоганяючи полкъ лубенскій, обрѣтаючійся около Харкова.

22. Зъ ночлега отправилемъ рано сторожа пѣратинского Божка, въ Ахтирку, до князя зъ писмомъ, питаючись, если безопасно позволить ити въ Кримъ купеческимъ людямъ, и давать ли имъ подорожніе, о чомъ до атютанта и до Бѣрулова писалемъ. Поехавши оттоль, обѣдалемъ переѣхавши Веприкъ къ Гадячу, якби у полъмилѣ, а ночовалемъ въ Андріевцѣ, позно пріехавши туда.

23. Въ Андрѣевцѣ служби божой слухалемъ; поехавши оттуду, пріехалемъ въ Луку на обѣдъ и засталемъ родителку и свою (жену?) и многихъ гостей, въ попа отца Федора, где и подпіяхомъ. Братъ п. Андрѣй до Девейзбаха посиланъ былъ въ Андріяшовку зъ писмомъ объ Андрѣевцѣ и привезлъ склонний отвѣтъ отъ его до родителки. Панъ Григорій (Журавка) швакгеръ преставился.

24. Сказали Адаму въ Кримъ готоватись. Отцу протопопѣ лохвицкому Имшенецкому двѣ писмѣ далемъ, sub volanti sigillo на-

---

[1]) Село Николаевка, роменскаго уѣзда.

писанныхъ до архиерея, едно отъ родителки, о отцу Филиппу, а другое отъ мене объ отцу ігумену мгарскомъ Роgалскомъ, инстанціялніе. Сотникъ лохвицкій поехалъ въ Глуховъ. Бабакъ лохвицкій бувъ и говорилъ многая объ обозномъ. Родителка зъ женою моею отехала на Короваи.

25. Братъ п. Андрѣй отехалъ зъ Луки въ Роменъ и оттоль въ Суми, я хорта завелъ Мазана. Алексѣецъ пріехалъ и конѣ лошаки чернѣговскіе зъ собою привелъ. Подполковникъ полку Інгермоландского Редкинъ, идучи въ лаgеръ до Гавронецъ, бувъ по службѣ у мене и, напившись водки, отехалъ. Писма привезени ко мнѣ зъ Ромна родителскіе, зъ крѣпости писанніе, о Несторовичу, посланномъ въ Москву оттуду.

26. Неделя. Комисари полковіе Вишневскій и Григорій были у мене и по обѣдѣ отехали. Сотникъ глинскій наказ. Василій пріехалъ. Гудименко зъ писмами родителскими до родителки отправленъ. Мартинъ молодикъ, посиланній отсюду за хортомъ, повернулся зъ онимъ и зъ виномъ стоянцемъ (?) и бутилками двома. Алексѣецъ отправленъ въ Кривую Руду, изъ листами до Милорадовича о степу Коломійченка и до атамана лубенского о найму людей до футора. Онъ же тихъ чернѣговскихъ взялъ лошаковъ, зъ которихъ едного злегчати, а другого оставити на дрикганти казалемъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви писано ко мнѣ о забитомъ человѣку отъ дракгуна.

27. Цисъ, наказній сотникъ лохвицкій, пріехалъ, которому тое, что подбивалъ людей на насъ, виговорувалемъ, а писаръ лохвицкій на себе и сказку далъ, что онъ писалъ суплики зъ повелѣнія ихъ. Тому Цисеви велѣлемъ розисковать тутъ, у Луцѣ, зъ Михайломъ ревизоромъ о натягненномъ на старосту убійствѣ отъ мужиковъ и о злодѣйствѣ Далилоя (?) и другихъ у здешнихъ же селянъ. Сторожъ лохвицкій Ничипоренко скаржился на Лукаша, зборщика лохвицкого, что кухву гор. взялъ у его и нещадно его билъ.

28. Железо повернулся зъ Глухова зъ нѣщимъ. Хоружій Бутурлимъ пріехалъ. По розиску показался: староста не виноватъ, а Далилой порученъ. Мужики лучанскіе и два зъ козаковъ ступники (?)

наказани. Мартинъ молодикъ посланъ въ Роменъ для виправи возковъ въ Кримъ; ему жъ дано грошей рублей 5 и болшъ у шинку велено у взяти. До Волжина посилалемъ листъ о заводѣ хоролскомъ.

29. П. Андріяшъ пріѣхалъ ко мнѣ. Цисъ отправленъ въ Лохвицю. Романъ молодикъ пріѣхалъ и зъ шинку лубен. привезлъ 5 рублей. Получилемъ указъ зъ енер. канцелляріи за подписомъ колежскимъ о даванию подводъ безъ прогоновъ князю Трубецкому и при ему обрѣтаючимся инженѣру и гедиозистамъ, мѣючимъ осмотрувать дороги подле Днѣпра. При томъ же указѣ и листъ правителей зъ требованіемъ вѣдомости отъ мене: жиди и другіе постороннiе купци сукна и матеріи гуртомъ ли или въ раздробъ торгуютъ, по якомъ опредѣленію?

30. Получилемъ листъ отъ п. Павловой о подданихъ ея, не хотячихъ слушать, такъ же и о Андріенку, винномъ ей же, до которой и отвѣтовалемъ, а о подданихъ писалемъ до Бутурлима, жеби, туда зехавши, смирилъ, а о Андріенку до Цися, жеби до отдання долгу его принудилъ. До Билима и Дяченка писалемъ въ Роменъ о продажѣ меду зборного. Укази отъ себе въ полкъ, противъ принесенних указовъ, писалемъ. Черезъ Москалця, жителя роменского, послалемъ грошей рублей 5 Мартину, взявши у Романа для виправи у Кримъ. Отъ Івана Остапенка о меду, якъ его продавать, доношеніе.

1. Май. Укази мои, пописанніе противъ указовъ 29 числа принесеннихъ, послалемъ въ сотнѣ козаками лучанскими. Василь Дейнека, бувши тутъ, далъ карту за рукою о поступкахъ Кальнѣцкого, и зъ тимъ отехалъ, что мѣлъ дать грошей рублей 30 мнѣ, якихъ будто 134 зол. виненъ Кальнѣцкому, а не 50 рублей. Андріяшъ отехалъ. Далилою и другому, здешнимъ козакамъ, наказалемъ ехать шукать своихъ синовъ, въ злодѣйствѣ показавшихся, а если не зищутъ, то жебы сами платились за ихъ проступство. До Бутурлима писалемъ, чтобъ онъ осмотрѣлъ степу Федора Коломиченкового и козакомъ лучанскимъ листъ посланъ.

2. Лѣкарство—пявки принималемъ. Листъ зъ канцел. енер. присланъ о уменшенню компанѣйцевъ у селахъ Троцкой. Другій

листъ, оттуду жъ, о присилцѣ сторожовъ двохъ въ Глуховъ на мѣсяцъ, для отвозки, куда потреба укажетъ, зъ оной канцеляріи писемъ. Бутурлимъ и Григорашъ, посиланніе въ Чернухи ради постановлення атамана, писали ко мнѣ, доносячи, что за завзятестію сотника невозможно было Янковского, которого и многіе хотѣли, учредить. Сотникъ чорнускій за тимъ же, жебы ему не быть, пріездилъ сюда.

3. Неделя. Сотникъ чорнускій отехалъ отсюду зъ тимъ, чтобъ одержатись зъ атаманствомъ до повороту род. Заборовскій пріехалъ просить на веселній свой актъ. Романъ молодикъ посланъ въ Роменъ на перемѣну Мартина; черезъ его жъ писалемъ листъ и въономъ інформацію о покупкахъ до Адама. Бутурлимъ, хоружій пол., повернулся зъ Чернухъ.

4. Прапорщикъ Волжинъ зъ Романовичемъ, повернувшись зъ Городища, были тутъ у мене въ Луцѣ. Заборовскій отехалъ. Черезъ сторожа лохвицкого Ничипоренка послалемъ въ Глуховъ до правителей отвѣтъ о полученнихъ указахъ и объ отставцѣ сторожовъ. До Кошеліова такъ же писалемъ, просячи себѣ наставленія о продажѣ меду. Такъ же до п. Андрѣя и до Остапа, о господарскихъ поведеніяхъ. Зъ Чигиринъ-Дуброви прислано осятровъ два. По старосту, войта и атамана присланъ указъ ехать имъ въ Глуховъ (лучанскихъ).

5. Указъ данъ Бутурлиму ехать въ Токарѣ, и тамъ атамана Боженка скинуть, а прежнего поставить. Атаманови лучанскому казалемъ ехать едному въ Глуховъ, противъ жалоби Петренка отвѣтствовать, за которимъ и писмо до правителей писалемъ и до роменской старшини писалемъ о томъ же, чтобъ писмо дали. До той же старшины писалемъ о продажѣ меду, отвѣтуючи на доношеніе Остапенка, и о болнихъ дракгунахъ. До чигиринъ-дубровской старшины объ отвозѣ меду въ Лубнѣ писалемъ, а о пріемѣ онаго до лубенской. До пѣратинского наказного писалемъ о присилцѣ въ Луку двохъ злодѣевъ, подездившихъ подъ футоръ п. асаулиной. До Цися о зятеви, что онъ не бивалъ ли въ Сѣчѣ, писалемъ. Виехалемъ зъ Луки передъ вечеромъ, а пріехалемъ позно на ночь въ Сухоносовку.

6. Писалемъ зъ Сухоносовки до старости короваювского, чтобъ онъ до винницѣ моей зъ ярмарку пѣратинского купилъ кадокъ три и протчіе посуди. Сотникъ чорнускій пріехалъ и презентовалъ атамана наказ. чорнуского. Онъ же сотникъ подарилъ пару кадей. У пасѣцѣ былемъ и видѣлемъ пчоли цѣлой 91 улей. Поехавши зъ Сухоносовки по обѣдѣ, пріѣхалемъ на ночь въ Юсковцѣ.

7. Зъ Юсковецъ поехавши, пріехалемъ къ перевозу оржицкому и тамъ обѣдалемъ; оттоль поехавши, приехалемъ ноччю у футоръ свой криворудскій. Коронацѣя императрици била.

8. Четвертака, вороного лошака, родител. дарованного, проучували, и рижострокатого. Чигириндубровскій атаманъ бувъ и двохъ короповъ привезлъ свѣжихъ. Два укази зъ коллекгіи получилемъ: 1, о присилцѣ для свѣдителства въ оную коллекгію, въ интересныхъ дѣлехъ, Михайла Кривого пѣратинского, а 2, отвѣтній о меду, чтобъ по прежнему указу продавать оной. Чобилу (?) приблуду Кузка лукомскій припроводилъ зъ собою. Мартинъ молодикъ повернулся зъ Ромна и на писмѣ далъ вѣденіе о виправленнихъ возахъ моихъ у Кримъ трохъ, на которихъ тютюну лутшого каменей 20 и 5 фунтовъ, подлѣйшого 51 камень; папушъ зась всѣхъ числомъ 3460, а такъ ваги всего тютюну: каменей 71 и 5 фунтовъ. Горѣлки кухва простой, заправлюваной носаткою оковитой, а въ ней ваги 32 каменѣ, а кухва особливе положена въ трохъ каменяхъ; и масла кухва, а въ ней ваги самого масла 28 каменей, а кухва 3 каменѣ. На тую жъ дорогу Адамови дано грошей 20 таляръ. У Василя Дейнеки Мартинъ, по указу моему, отобравши 30 рублей, зъ тихъ то грошей 20 талеръ далъ Адамови, а 30 талеръ ко мнѣ сюда привезлъ; особливе привезлъ червонихъ два, отобравши отъ Романа Молодика, а зъ тихъ 10 рублей, даннихъ ему Мартинови, стратилъ на дорогу кримскую, купуючи дещо, особливе задатку двомъ далъ гайдаямъ 10 зол., а третему гривню, и еще для того жъ задатку Романови рубля оставивши; стратилъ всего 32 зол. и 7 шаг., а въ его осталось 17 зол. и 3 шаг. Бѣлого дрикганта позичилемъ Андріяшу, якого молодикъ его и взялъ зъ собою.

9. Слизкоухъ, за безчестіе мое, покаранъ кіемъ. Атаманъ горошинскій подалъ супплѣку на горошинцовъ, именно: Івана Ілляшенка за многіе безчестія ему чинячіеся, по якой оніе зисканни, и Уласа ктитора, ухилившогося отъ походу, за тое положили и вдарили 4 раза, а потомъ отпросили старшина. Указъ посланъ черезъ сторожа лубенского Кабанниченка до Юска Василченка, жебы Михайла Кривого зъ Пѣратина въ Глуховъ, до коллекгіи, запровадилъ. Данъ указъ сотникови наказ. лукомскому о продажѣ меду и о репортѣ, другій—о вспоможенню въ форпостахъ по 50 человѣка, 3, о утвержденіи атамана и войта въ Горошинѣ, чтобъ впредъ не скидано. До роменской старшини писалемъ о писмѣ князя Голѣцина, о пропуску въ Кримъ. Ездилемъ оглядать копцовъ, около футора моего починеннихъ по могилахъ, а отъ футора Григор. Горошка по рудку. Въ криворудскомъ футорѣ показалось, по картѣ Орановского, статку всего: дрикгантовъ 7, семій бѣлій, Андріяшу позиченъ, кобилъ зъ лошатами 24, яловихъ и жеребнихъ 44, коней иждж алихъ 6, неижджалихъ, пятаковъ 5, четвертак. 5, и третяковъ—17, стрижаковъ—17, лошатъ—24, стрижокъ—12, итого 161. Товару: коровъ дойнихъ 44, яловихъ—31, бугаевъ—5, воловъ рабочихъ—20, четвертаковъ—13, третяковъ—21, доблятковъ—12, назимковъ—12, третякъ—22, назимокъ—13, телятъ—бичковъ—18, теличокъ—18, итого 229.

10. Неделя. Поѣхавши рано зъ криворудского футора, обѣдалисмо противъ Мойсѣевки, гдѣ ляхъ, шинкаръ горошинскій, за арештъ взятъ и посланъ въ Лубнѣ. Іляшенку и другимъ козакамъ двомъ простилемъ, а они передомъ карту дали за подписомъ писара лукомского, уступаючи степу до футора моего по концѣ. У футорѣ криворудскомъ взялисмо молодихъ коней четвертаковъ 3, 1 гнѣдій лисой, 2 вороній бѣлоногій, 3 вороній, а оставилисмо тамъ ижджалихъ 3, для отпасу. Еще жъ взялисмо вороного лошака, род. дарованного, молодого и ижджалого вороного, бѣлоногого. Оставленни тамъ конѣ: 1, гнѣдій четверній, 2, рижій шинкар., 3, кобила сухоносовская. Еще жъ браку оставилисмо тамъ коней 7, зъ которихъ 5 велѣлемъ гнать въ Роменъ, зъ овцами. Получилемъ указовъ

2 зъ канцеляріи: 1, объ обученіи людей дѣлать фашини, 2, о даванню свѣдителствъ зъ городовъ посадскимъ, а отъ помѣщиковъ крестьянамъ—взглядомъ подрадовъ. Тамъ же и 3 указъ объ описѣ, коя . . . . (?) зъ коллекгіи въ сенатъ, и отъ правителей о денги на церковъ печерскую. Особливо 2 указа зъ коллекгіи получилемъ: 1, о подрадѣ вина, а 2, о дѣлахъ, которіе тайности подлежатъ. Въ Лубнѣ пріехалемъ при заходѣ слонца, где засталемъ у родителки полковникову миргородскую, которая долго сидѣла въ ночъ и вечерала.

11. По службѣ божой у Ісаии Івановича, аптекара, былисмо, и тамъ кагве напившись, до панеи Івановой, а оттоль до аптеки пошлисмо, оставивши п. Корнѣя болного; въ аптецѣ долго замедлѣли, где водкою почтувано. Потомъ до п. Троцкой зайшлисмо, а оттоль поехали въ Александровку на обѣдъ. Тамъ отецъ Петро лукомскій явился, прося управи зъ своихъ злочинцовъ, покравшихъ у его гроши. Кодинця старого синъ [1]) подалъ суплеку о покраденнихъ волахъ его.

12. Писма получилемъ зъ Глухова отъ швакгра п. Андрѣя и господара о розныхъ поведеніяхъ господарскихъ, особливо о саду и о 9 кухвахъ гор., въ Тулигол. обрѣтаючихся. Между тими писмами, писма отъ п. Несторовича получилемъ, зъ которихъ въ едномъ пишетъ о своемъ въ Москву апр. 4 прибитіи, где надѣется милости монаршой и на пославшихъ, и на себе. Писма послалемъ 2: 1, до сотника наказ. лукомского, о межѣ учиненню зъ горошинцями, 2, до Орановского, о томъ же, и объ осторожности при футорахъ, взглядомъ пожежи отъ хоролціовъ. Отправилемъ въ Глуховъ сторожа чорнуского до Яснополского, швакгра и господара. Въ монастирѣ лубенскій пріехалемъ и тамъ служби божой слухалемъ. Тамъ же получилемъ писмо отъ Еропкина Александра, пріѣхавшого въ Лубнѣ, которій проситъ о колеса задніе, къ которому и отписалемъ. Занковскому—о присилцѣ осятровъ двохъ и упомненюся у п. Івановой о коновцѣ, предлагалемъ. Атамана лубенского, за побитте писара

---

[1]) Повидимому, говорится о Мартынѣ Кодинцѣ, бывшемъ въ 1728 г. лукомскимъ сотникомъ.

тамошнего, наказовалемъ. Ему жъ говорилемъ о присилцѣ допросу, надъ ляхомъ учинившомся. До Тишокъ пріехалемъ на обѣдъ, где родителка у столу говорила о дарованнихъ отъ себе намъ 50 бранкахъ овцахъ зъ ягнятами тилкомажъ и 5-ма баранами, и объ обѣщанной четвернѣ коней. Зъ Тишковъ писалемъ до Занковского о намѣренной отъ хоролцівъ пожежи хутора и до атамана лубенского черезъ Сухомузкого, о присилцѣ сказки ляха. Сотникъ лубенскій, ворочаючій въ домъ зъ Бубнувъ, бувъ тамъ же и видѣлся зъ нами. Листъ получилемъ отъ Романа молодика зъ Ромна, въ якомъ виражаетъ о виправѣ кримской, что моихъ возовъ війшло 3, на которихъ тютюну каменей 70, масла каменей 27, горѣлки кухва, ваги каменей 30. Поехавши зъ Тишковъ, пріехалисмо въ Луку на ночъ.

13. Конь гнѣдій, циганъ, на которомъ Василь молодикъ ехалъ, здохъ. Черезъ Федка бѣлополовского послалемъ до Романа грошей на покупки въ ярмарку нѣкоторихъ рѣчій, червонихъ 4 московскихъ и рублѣовиковъ 5. Отъ лукомской старшини получилемъ писмо о томъ, что меду покупать тамъ нихто зъ тамошнихъ жителей не обыскуется. До лукомской старшини писалемъ, жеби медъ дослали увесь у Лубнѣ, а до лубенской, жеби оній приняли и старались спродать. До лубенского атамана о сказцѣ ляха, жебы была прислана зъ упомненнемъ, писалемъ. До овдоколского старости писалемъ о присилцѣ куховъ 20 олѣи, посудку дворового въ Глуховъ и о покупцѣ кошолъ паръ 30 для парубковъ, у ярмарку стародубовскомъ. Сторожъ лохвицкій повернулся зъ Глухова и привезлъ указъ отъ правителей, въ которомъ предложено, же по доношенію Корицкого показалось въ походѣ настоящомъ самихъ господарей полку лубенского зъ сотень 502, наемнихъ 73, а недосталнихъ 25, и чтобъ недосталнихъ заразъ висилать, а о наемнихъ слѣдованіе будетъ и отвѣтствовать предлагаетъ. Отписали правителѣ ко мнѣ конечне, требуючи присилки товаришей значковихъ.

14. Вознесеніе. Послалемъ лучанскими козаками въ Глинскъ, а въ Лохвицю писаремъ лохвицкимъ Терентіевимъ, укази, во всѣ сотнѣ пописанніе, о висилцѣ недосталного товариства въ походъ, и

объ отвѣтствіи, въ якой сотнѣ наймити вислани и чего ради? До Григорія, комиссара пол., черезъ того жъ писара, писалемъ о присилкѣ ко мнѣ смѣти роздачѣ грошевой на церковъ печерскую, обложенной на полкъ. Указъ зъ коллекгіи присланъ о показаніи списку компутовъ Волжину по челобытью нѣкоторихъ вовковчанъ. Тогда жъ принесена інструкцѣя, солдату Баеву данная, чтобъ я и срѣбранскій сотникъ явились въ Глуховъ, въ коллекгію, для свѣдителства въ дѣлѣ князя Четвертенского. Передъ вечеромъ поехавши зъ Луки, пріехалемъ на ночъ въ Токарѣ. До старости короваювского писалемъ, жеби кадки куплени, конѣ прислани въ Луку и пострижена би вовна, и зложена до указу моего зъ овецъ дарованнихъ мнѣ 50 зъ ягнятами, тилкомажъ бранками.

15. Семенъ Слюзенко пріехалъ зъ Москви и явился въ Токарахъ и отдалъ писмо отъ Несторовича, зъ Москви писанное, въ которомъ обявляетъ, что милостивый его імператорского величества указъ состоялся перемѣнить корпусъ, въ крѣпости ст. Креста обрѣтаючійся, другимъ толикожъ численнимъ, тоесть десятотысящнимъ корпусомъ, къ которому коммендиромъ главнимъ определѣнъ Михайло Милорадовичъ, полковникъ гадяцкій, и велено имъ стати тамъ въ іюл. мѣсяцѣ, у крѣпости святаго Креста. Въ Токарахъ устроилемъ атаманомъ прежнего Бѣличенка, а Петра Богданенка велѣлемъ взять и припровадить въ Роменъ, за противность. Кобилъ моихъ судейскихъ 2 у артополотского футора, гнѣдихъ, зъ которихъ една зъ лошакомъ гнѣдимъ, по сказцѣ старости токаровского. Пріехалемъ въ Андрѣевку о полудни. До обозного въ Лохвицю писалемъ, чтобъ старался медъ зборній по указу продавать. У Куцупѣевщинѣ былемъ, где оставилемъ коней молод. 4, а старѣйшихъ 16. Ляхъ Матяшевскій зъ Лубенъ присланъ.

16. Солдатъ зъ інструкцѣею явился ехать мнѣ въ Глуховъ, которій после кричалъ. Лубенскій сторожъ въ Глуховъ посланъ зъ листами многими; 1, въ коллекгію, что я свѣдитэлства въ дѣлѣ князя Четвертенского не имѣю и нелзя ехать за дѣлами; 2, до правителей, о ляху Матяшевскомъ; 3, о вѣденіи зборовъ на церковъ печерскую; 4, до Кошелева и 5, до Сухарева, о солдату

кричавшомъ; 6 и 7, до п Андрѣя, о присилцѣ грошей, и до господара, о поведеніяхъ. Зъ нимъ же и хлопецъ Цапъ отправленъ. Получилемъ листъ отвѣтній отъ п. обозного, что онъ боленъ, имѣетъ въ Лубнѣ на розискъ ехать, и потому меду продавать не можетъ, до которого отписалемъ, на першій мой зсилаючись листъ. До Седнева отправилемъ зъ отвѣтомъ, что нелзя бить на веселля. Юско Василченко зъ Михайломъ Кривимъ пѣратинскимъ поехалъ въ Глуховъ. У Волжина былемъ и у лазнѣ.

17. Неделя. Волжинъ и аптекаръ Ѳейтеръ обѣдали; по обѣдѣ Нелидовъ приходилъ. Чаю фунтъ купилемъ. Вори черкаси убили здешняго жителя за Проціовкою[1]), Павлюка, 2 человѣка, 2 жуник и собака чорній.

18. Родителка вина венкгерского 2 бочки купила за 100 рубл. на воскъ (?) Теперъ сторожъ лубенскій и Цапъ, а не 16 числа, отправлени. Указн імпер. велич. опублѣковалемъ и послалемъ въ сотнѣ: 1, о подрадѣ вина, 2, о несудимихъ подозрителнихъ въ коллекгіяхъ. Были на Монастирищѣ.

19. Укази о меду въ сотнѣ лохвицкую, пѣрат., чернус. и город. Особливо указъ опублѣкованъ о неписаніи тайнихъ дѣлъ въ писмахъ. Лучанскій староста пріехалъ и привелъ кобылу, приведенную къ нему зъ Пѣратина, а коня, заносатѣвшого, въ Луцѣ оставилъ лѣчити.

20. Глинскій житель Горулювичъ зъ дякомъ николскимъ Малишевичомъ до помѣркования прійшли и карту мнѣ на себе дали доносителную. Литвинко машталѣръ пригналъ зъ Кривой Руди овецъ 40, 7 коней и 3 корови зъ телятами да вовни рунъ 600. Черезъ его жъ прислалъ Орановскій писмо, отъ горошинціовъ данное мнѣ, въ которомъ уступуютъ степу до футора моего Криворудского на сей сторонѣ рѣчки Кривухи,—по концѣ, а на той—поки хотя. О меду другіе укази послани въ сотнѣ роменскую, глинскую, смѣловскую и сенецкую.

---

[1]) Село около г. Ромна.

21. Именини сестри и жени моей праздновали. По обѣдѣ, принесена вѣсть зъ Курознова отъ Рубцевой, что Семенъ Рубецъ, новоустроенній судя полку стародубовского, умеръ мая 4. Того жъ числа 9, померъ и п. Демянъ Якубовичъ журавскій.

22. Повернулся Юско Василченко зъ Глухова и далъ вѣдать, что Михайло Кривой отданъ за караулъ въ коллегіи. До Сухомузкого посланъ указъ—суди ярмарковіе въ Лубняхъ отправляти. Госпожа Михайлова воронѣжская и протчіе гости воронѣжскіе и кролевецкіе поехали зъ Ромна. Въ Глуховъ послано 40 овецъ и 3 корови и 5 кобилъ до футора; зъ тихъ велено вилучить овецъ 5, а корову 1, до пустинки Мутинской. Еще жъ послано вовни ярочой рунъ 200, кухву пшена и муки всякой, опрочъ житной, по кухвѣ; а назадъ кобилокъ молодихъ 2 послано черезъ Литвинка машталѣра въ футоръ Криворудскій. Яковъ позичилъ родителскихъ грошей, на ратушѣ положеннихъ, 100 зол. Якову далемъ облѣкгъ отъ купца гданского, на 70 р. данной, и дзигарикъ, и листъ до Костенецкихъ, и листъ другій до аптекара гданского, о информаціи лѣкарствамъ писанной, а все тое Костенецкимъ, жебы отдалъ Яковъ, предложилемъ ему; еще жъ и реестръ на покупки тимъ же Костенецкимъ. И пасѣцѣ своей былемъ, где пчоли показалось 34, а 5 пропало.

23. Указъ зъ войсковой канцеляріи принесенъ о томъ, чтобъ хто похочетъ подрадится поставить муки житной и крупъ у Изюми, где магазейни устроенни, явился. Сотникъ городискій пріехалъ. Отъ обозного писмо получилъ, въ якомъ себе нехотячого принятись до продажи меду признаетъ. Отъ лукомского сотника писмо зъ горошинскимъ писмомъ, о уступленню степу до футора моего, принесенно и писмо хоролского сотника о футорѣ родителскомъ, жебы его знести. Вахмистръ полку Інгермонландского пріехалъ зъ указомъ коллежскимъ о видачѣ раціоновъ штапъ, оберъ и унтеръ офѣцерамъ нѣкоторимъ того жъ полку, за каналъ. Селецкій поехалъ въ Глуховъ зъ чолобитними въ коллегію и зъ нимъ войтъ лучанскій на отвѣтъ по челобиттю Петренченка.

24. Неделя. Сошествіе ст. Духа. Указъ зъ вой. енер. канц. о висилцѣ 176 подводъ зъ полку въ Гадячъ, для отвозу оттуду провіянту въ Ахтирку, ландъмилицѣи. Указъ о подрадѣ муки въ Узюмъ и проч. опублѣкованъ. Сотникъ лохвицкій пріехалъ зъ Глухова etc. На Засуллю ночовали. Указъ колежскій о доправкѣ 20 рублей на сотничцѣ сенецкой присланъ.

25. Гайдученка и Івана Солодушенка виправили до пана. Поехалисмо на обѣдъ въ Вовковцѣ до обозной, ради веселля, совершившогося синови ея зъ дочерю панѣ Войцеховичевой Седневской.[1]) Кубочокъ срѣбній отъ Іванихи Корнѣе: дарованъ имъ. На ночъ пріехалисмо въ Роменъ и на Засуллю ночовали. Сторожъ повернулся зъ Глухова.

26. Укази о виеланню подводъ зъ полку, по указу, въ Гадячъ послани черезъ Івана Гузенчишиного зятя, въ сотнѣ. Черезъ Котлубая указъ посланъ до сенецкой сотнички о видачѣ 20 руб. Григорій комисаръ пол. пріехалъ и отправленъ знову въ Лохвицю, чтобъ ехалъ въ Гавронцѣ, за раціонами, требуемими отъ інгермоландскихъ офѣцеровъ, и сказки отъ нихъ ему взять. Данило Кириловъ, войтъ бывшій, отехалъ, которому жеби бить по прежнему войтомъ писалемъ до сотника лохвицкого. Отецъ Александеръ кролевецкій пріехалъ. Фузѣй 2 зробили слюсари. Брату моему п. Андрѣю Богъ даровалъ сина Іоанна.

27. До пана судіи прилуцкого отписалемъ о требованіяхъ его двохъ и писма: одно, до сотника наказного пѣратинского, о зездѣ его въ Перервинцѣ, за степъ, а другое, до сотниковой пѣратинской о зогнаню статку ея зъ перервинского степу. До Григорія Остапенка, комисара пол., отписалемъ и писма до Шереметева и Редкина, тако жъ и інструкцѣю ему въ 5 пунктахъ послалемъ, въ дѣлехъ до полку стягаючихся. До Андріяша писалемъ о томъ, чтобъ далъ вѣдать, если посилать по вино волосское. Чернѣговскіе чили седневскіе гостѣ поехали зъ Ромна. Жена моя отехала въ

[1]) Говорится о женитьбѣ бунч. тов. Өедора Ивановича Тимченка-Заборовскаго на дочери умершаго седневскаго сотника Петра Войцеховича Өедосьѣ. См. Сулимовск. Арх., XXV, с. 267.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозврѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.